

А. КОНДРАТЬЕВ
ГОЛОВА МЕДУЗЫ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛКОНОСТ ~ 2016

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

ГОЛОВА МЕДУЗЫ

Избранные рассказы

Том 1

ЕХИДНА

Ты хочешь знать кто я, о странник, забредший в страну аримаспов? Тебя удивляет сочетание во мне девы и многоцветной змеи. Красота лица моего не в силах победить отвращения и страха в тебе при виде змеиных колец вместо ног. Я не дивлюсь. Не ты первый дрожишь на усыпанном снегом пороге пещеры моей. Другие также дрожали возле меня. Не все однако от ужаса...

По одежде твоей я вижу, что ты из Эллады. Если ты будешь недалеко от Олимпа или в Эпире, передай жрецам Зевса Кронида, что я, Ехидна, дочь Хризаора и Каллирои, жду, когда он придет сдержать обещанье свое... Входи без страха. Отряхни снег с одежды; повесь сушиться гиматий и шляпу твою. Будь гостем. Садись к очагу. Если хочешь, ешь эти яблоки... Не бойся, съев их, ты не станешь ни конем, ни свиноем, ни волком, и не забудешь обратной дороги на родину...

Ты видишь: прекрасно до пояса тело мое; вечно юны груди, и голос чист, как у пятнадцатилетней девицы. Некто мне обещал, что никогда не поседеют у меня белокурые косы и не исчезнет румянец ланит... Если б не кольца змеи вместо ног, ты теперь сам умолял бы меня о любви. Но мне известен один, видевший кто я, и обещавший сделать меня супругой своей, если только я приду на помощь к нему... Тогда он был во власти моей... Да, путешественник, от меня жаждал спасения сам разящий перунами муж обутой в золотые сандалии, гладко причесанной Геры.

Известно тебе, путник, имя Тифоя? Слышал ли ты, как этот могучий сын Геи и мрачного Тартара вышел на брань с богами Олимпа?

В звездное небо упирался он головою. Ветры в ужасе выли в его волосы; как синее пламя сверкали грозные очи; гигантские руки метали в небесную высь тяжкие камни; из осененных жесткой щетиною уст вылетали палящие вихри; вместо ног клубились с шипением змеи... Не устояли в борьбе против него великие боги и, побежденные, побежали в Египет. Там, говорят, будто они, опасаясь погони, превращались в зверей... Не побежал только Зевс. С алмазным серпом в мощной деснице, тем самым серпом, которым Крон изувечил отца, без страха налетал царь олимпийских богов на врага.

Но тот, обвившись звеньями змей вокруг касийских утесов, осилил в борьбе Кронова сына. Из рук у него вырвал Тифой сверкающий серп

и, повалив царя олимпийцев, перерезал ему на руках и ногах крепкие жилы.

Лишенного силы врага перенес сын Геи через морские сине-лиловые волны в одну из диких пещер Киликийской страны. Там ждала его я, вся трепеща от надежды и страха. Ибо, хотя сердце мое и не пылало страстью к Тифою, все-таки я была ему верной женой и доброй подругой. Мне доверял он свои дерзкие помыслы — сбросить богов с высокого неба и вернуть власть над землей владычице Гее.

С нею вместе надеялся править Тифой и породить от нее поколения новых бессмертных чудовищ. Это было не по сердцу мне, хотя он и обещал сделать меня одною из второстепенных супругов... Не расскажи он мне этой мечты — все на земле и на небе было бы теперь по-другому!...

Гордый славою, уставший от схватки, улегся Тифой возле пещеры, в которую был помещен божественный пленник, а меня посадил оберегать свой сонный покой.

— «Стереги также и этого бога. Он на вид очень вкусен. Когда я проснусь, мы его будем варить и съедем. Ты ведь не очень любишь есть мясо сырым, а мне все равно...» И вскоре Тифой захрапел.

Я сидела у входа в пещеру и долгое время не могла отвести глаз от прекрасных черт олимпийца... Зевс лежал на огромной шкуре медведя, весь окровавленный и лишенный сил пошевелить рукой или ногой. Ясный лик молодого Реина сына был обращен в мою сторону. Пылью были покрыты влажные каштаново-светлые кудри. С мольбою взирали темные очи.

Заметив, что я гляжу на него без гнева и злобы, пленник тихо и жалобно стал меня умолять подарить ему жизнь. — «Все, что хочешь, сделаю я, если отпустишь меня на свободу. Ты станешь богиней лазурного неба, куда не достигнет тебя ярость Тифоя. Выше звезд воздвигну дворец для тебя, и Ты будешь царить там вместе со мною!... Все, чего желаешь, проси у меня. Звание супруги подарю я тебе вместе с вечною юностью. Хочешь — и вместо хвоста вырастут у тебя стройные белые ноги, которым завидовать будут даже богини Олимпа. На каждый их палец надену я перстни с камнями разного цвета. А под ступнями будут сверкать у тебя золотые сандалии. Их отдаст тебе вместе с именем первой жены гордая белорукая Гера... Тифой не в силах тебе подарить ног вместо хвоста», — говорил, убеждая меня, божественный пленник.

Итак, я отвечала ему в глубоком раздумье: «Как можешь ты обещать мне все это, когда сам лишен царства и силы, а в скором времени будешь сварен и съеден? И куда мог бы ты теперь, искалеченный, скрыться от гнева моего супруга, Тифоя?»

В этот миг увидела я двух покрытых козьими шкурами олимпийских богов, которые крались меж скал, направляясь ко мне. Это были, как потом я узнала, Гермес и Пан. Оба они на коленях стали просить у меня отдать им пленного Зевса, а потом рассказать Тифою, что с неба спустились два мощных орла и унесли с собою Кронова сына... Пленник вновь стал умолять меня о свободе, обещая, что будет меня вечно любить и сделает первой женою своей и царицей Олимпа... О, как нежно смотрел он тогда, как ловил устами кончик хвоста моего и, дрожа, клялся в любви!

Сладкие речи и полные нежности взоры прекрасного Кронова сына проникли в сердце мое, и я пожелала поверить ему...

Кланяясь мне, как царице, благодарно припали к земле Гермес и Пан, подняли затем шкуру со своим неподвижным царем и побежали с ней вместе по горной тропинке.

Вероломно отпустила я пленника, ибо лестно мне было сделаться царицей богов, иметь супругом своим прекрасного Зевса и переменить чешуйчатый хвост, правда, красивый и многоцветный, на божественно-стройные ноги, которые можно украсить перстнями и обуть в золотые сандалии...

Немного спустя, опасаясь, что обманутый мною сын Геи проснет-ся, я разметала косы свои и с криком подбежала к нему. Пробудив Тифоя от сна, я рассказала ему, что два огромных орла унесли Зевса по ту сторону гор.

Гневно взревел мощный Тифой. Дыбом стала косматая черная грива; из ноздрей брызнуло красновато-темное пламя, и зашипели, приподнимаясь на кольцах своих, дотолк клубами спавшие грозные змеи у чресел.

— «Куда полетели они?» — загремел он, вопрошая меня. И от того крика, грохоча, посыпались вниз с горных вершин большие камни.

По ложной дороге, указанной мною, помчался он в горы. Долго стоял в ушах у меня неистовый вой, и далеко-далеко видны были в сумраке наступающей ночи вспышки багряного пламени, вылетавшего изо рта и ноздрей разъяренного бога.

Поздно вернулся обратно Тифой, недовольный и хмурый. Несколько дней провел он в бесплодных поисках беглого пленника.

— «Хитро и коварно племя Олимпа, — говорил он, сердясь: — неужели меня ожидает участь гигантов, старших братьев моих?» И Тифой мне поведал, как пытался он убедить детей Урана и Геи, знающих тайну грома киклопов и грозных сторуких гекатонхиров возмутиться против Зевса, с тем, чтобы разделить между собою воздух, море, землю и преисподнюю, и как те отказали ему, говоря, что непристойно детям Урана биться рядом с ишчадием Тартара.

— «Никому, кроме себя самого, я не буду обязан победой и властью моей!» — воскликнул Тифой, окончив рассказ и заключая меня в объятия свои.

Тяжелые змеи его обвилися вокруг моего цветного хвоста и холодом обдали бедра...

Немного спустя исцелился сын Крона от ран на руках и ногах и вновь ополчился на битву.

На колеснице своей, везомой четверкою крылатых белых коней, подскакал Зевес к пещере Тифоя, издали посылая в него громовые разящие стрелы. Когда же Тифой приближался к врагу, чтобы его задуть, олимпиец отлетал на высокое небо, не переставая сыпать перуны, которыми снабдили его одноглазые дети Урана.

В ответ ему посылал мой супруг огромные камни. Теми камнями можно было сокрушить и колесницу и того, кто на ней находился. Но крылатые кони спасали Кронова сына от гибели. Теми конями правил стоявший рядом с Зевесом один из олимпийских богов...

С гудением летели скала за скалой; целые горы метал, не зная усталости, покрытый жгучими ранами, змееногий сын Геи. Но не ведали промаха громовые Зевсовы стрелы, и одна за другой вонзались в необъятное тело Тифоя. Горячая красная кровь растекалась, дымясь, по окрестным долинам.

Все горы, бывшие около, разбросал мой супруг и, не имея больше оружия, побежал в каменистую Фракию. Там продолжал он борьбу, но, наконец, изнемог и бросился в море, стремясь укрыться в Сицилию, чтобы освободить там пленного гиганта Энкелада и с его помощью биться с Зевесом.

Но с тех пор, как он бросился в волны, и сто змей над плечами его зашипели, виваясь в окровавленной пене, я не видала больше Тифоя... Как он погиб — доселе мне неизвестно.

Но тот, ради чьих ласковых слов я изменила супругу, сам изменил мне. Немного прошло дней, и по ясной лазури примчался ко мне хитроумный сын Майи. Он не был более льстив, как в тот миг, когда умолял вернуть свободу отцу своему. Лицо его осенено было притворной печалью.

— «Прекрасная нимфа, — начал он речь, забывая, как ранее звал меня своею царицей, — «сын Крона всем сердцем хотел бы теперь же исполнить обещание свое — разделить с тобой власть над Олимпом и сделать тебя женою своею, но боится он Геры. Эта супруга его ревнива и не потерпит свержения с трона. Боясь, чтобы она не повредила тебе, Зевс не решается дать тебе ног вместо хвоста, ибо тогда ты всех богинь превзошла бы своей красотой, и не только Гера, но и все остальные бессмертные жены и девы Олимпа не успокоились бы, пока не умертвили новой соперницы. Желая тебя от них защитить, Зевс повелевает тебе удалиться в страну вечно воюющих с грифами аримаспов и там, на далеких гранях земли, его ожидать... Ты сохранишь навсегда юность свою и красоту. Придет час, и предстанет перед тобою владыка богов, даст тебе белые стройные ноги богинь и сделает своею подругой... Отправляйся ж теперь за пределы власти ревнивых олимпийских богинь и жди терпеливо исполнения клятвы.

Но не думай покидать земли аримаспов! Если ты оставишь ее, великие беды навлечешь на свою прекрасную пышноволосяную голову».

И Гермес сам проводил меня в пределы дикой страны, где, питаясь мясом коней, живут свирепые стрелки-аримаспы.

Пусть Зевс забыл обо мне; сердце мне шепчет, что настанет день, когда он, быть может, помимо желания, придет на эти равнины и вспомнит изгнанницу...

Но все же, о странник, передай додонским жрецам, что я ожидаю великого бога... А теперь ложись спать... Не хочешь? Тебя смущает двойная улыбка моя, и ты говоришь, что уже отдохнул и спешишь обратно на родину? — Иди! Никогда никого не удерживала насильно под кровлей своей дочь Хризаора. Я люблю только бесстрашных и сильных...

Буря утихла теперь, и спокойно блестят под мягким светом луны снеговые поляны. Не ищи встреч с окрестными жителями. Здешний народ свиреп; он не знает законов гостеприимства и жалости к путникам. Вокруг крытых соломой жилищ торчат на высоких жердях черепа чужестранцев... Далеко обходи эти жилища; не прельщайся дымом от их очагов.

По пустынным равнинам белого чистого снега держи путь прямо на тот вдали чернеющий лес. Там ты увидишь замерзшую реку. Вдоль ее берегов иди в сторону противоположную той, где утром появится солнце. Эта река приведет тебя к морю. Боги ветров помогут тебе добраться оттуда на родину.

Иди же, о путник, но не забудь того, о чем просила тебя Ехидна, дочь Каллирои...

ИКСИОН

(Древнегреческий миф)

...Звуки Орфеевой лиры наполнили Тартар. Замерло печальное шествие к Лете дев Данаид. Заслушавшись дивной мелодии, остановил свою скучную работу Сизиф, и коршуны, косясь головою, перестали терзать измученного распростертого Тития. Пройдя мимо них, Орфей внезапно замер на месте, пораженный новым неожиданным зрелищем. Еще колеблясь, остановилось в воздухе над потухавшим пламенем раскаленное большое колесо. При красноватом свете углей на закопченном ободе его что-то белелось. Голова с темными прядями сбившихся кудрей бессильно свесилась на широкую грудь перевитой крепкими путами человеческой фигуры.

Страдалец и певец встретились удивленными взорами.

— «Кто ты?» спросил Орфей.

— «Играй!» послышался в ответ хриплый умоляющий голос: «играй еще! Мне отрадно тебя слушать. Боль утихает от звуков». И Орфей заиграл.

— «Так!.. Тише!.. Можешь ли ты вместе играть и слушать?»

Фракиец, перебирая струны, кивнул в ответ головою.

— «Я тот, кого ненавидят боги, а люди называют нечестивым. Я сын Флегия, Иксион, отомстивший за обиду Кротону. Я показал ему на нем самом, каково трогать чужих жен. Ни чудовища, ни гиганты, ни непреклонный Прометей, ни чета Алоидов, ни сама царственная Гера не могли нанести Зевесу такой обиды, как я. Велики мои муки, но утешением мне служит, что страдает также и он. Ибо, кроме позора молвы, я принес ему и мучения ревности. Всякий раз теперь, как глядит он в ясные очи своей Геры, ему хочется прочесть в них истину. И мучится он не менее моего, ибо огонь, который терзает сердце сына Реи, вряд ли слабее, чем пламя Аида...

Играй, о певец, быть может, я хоть на миг забуду свои муки»...

Несколько времени слышались одни только тихие струнные звуки. Орфей, желая развлечь страдальца, старался играть что-то веселое.

Струны смеялись...

Иксион встряхнул головою.

— «Нет, не могу!» — произнес он. — «Моя мука, вероятно, все-таки сильнее, потому что сам я тоже не знаю, отомстил я или нет. Геру ли заключил я в объятия, попав на Олимп, или это был только призрак, Нефела, созданная хитрою богиней?..

Жалкие мы люди: ловим божественную красоту, а в руки нам достается лишь мечта, лишь призрак прекрасного...

Все равно! я знаю Зевса. Он должен страдать. Разве он может верить своей гладко причесанной Гере. Ведь она женщина. В ее глазах не прочтешь правды. И Зевс знает это.

Мы оба страдаем. Но кто из нас страдает напрасно — это знает только она, прекрасная богиня с большими ясными глазами, где не прочтешь ни злости, ни торжества, ни стыда!..

На Олимпе все было тихо, когда я туда прокрался, ступая, как вор. Гордо сияли яркие звезды на черносинем небе. Покинув погруженную в сон супругу, Зевс опустил на землю, смотреть ночные пляски ореад при полной луне. Спальный покой его был весь залит серебряным светом. На широком, работы искусного Гефеста, ложе виднелась одинокая спящая фигура. Тихо и ровно дышала божественная грудь... Да, это была она. Это было не облако! Зачем облаку сопротивляться? Облако не может иметь такое твердое тело, такие нежные, но сильные руки...

И она могла бы ими защищаться гораздо решительнее, если б хотела. Хотела...

Разве облако может хотеть? Разве оно натирается благовонным елеем?.. Нет, это была сама Гера, и ее держал я в объятиях в ту душную ночь на облитом лунным сияньем Олимпе!..

Помню я разбудивший меня от сладкого сна раздирающий душу крик: — «То была не я, о, супруг! Обманчивое облако, Нефелу, подсунула я дерзкому безбожнику. Я обманула его, Зевс. Вот оно, это облако!» Легкий полувоздушный призрак заколыхался около моего плеча, но не успел я, приподнявшись на царственном ложе, его коснуться, как Гермес, Гефест и Паллада влекли уже меня сильными руками вон из чертога Зевса.

На пороге покоя в последний раз оглянулся я на царственную Геру.

О, как была она хороша, полуодетая, посылавшая вослед мне звонкий презрительный смех и гневные взоры.

Но я знаю, что глаза ее умеют быть вовсе не грозными.

Знает это и он, мой враг, обрекший меня на вечные муки, он, который мучится вместе со мною...

И лишь ей одной известна истина... Ее очи... О, эти очи!.. Певец, твои струны смеются; мне больно!.. Пусть лучше адское пламя, чем этот насмешливый хохот, этот смех, который звенит теперь в моих ушах!.. Уйди!»...

Иксион застонал, закрыл глаза и заметался...

Орфей вздохнул и молча двинулся далее. Он, знавший тайны богов, счел излишним говорить Иксиону, что Зевс вовсе не мучится ревностью и весьма равнодушен к тому, верна ли ему его супруга с большими ясными глазами...

Мысли о собственной утраченной жене скоро вытеснили из головы Фракийца всякое воспоминание об Иксионе.

Он шел твердо вперед, стараясь не обращать внимания на доносившиеся к нему из темноты вздохи и стоны.

Тропинка под ногами героя слабо светилась...

ФИЛИН
ПЕРСЕФОНЫ

В Родопском ущелье, грустя об утрате супруги, сидел на заросшем дубами холме фракиец Орфей. Люди стали неприятны певцу, и он удалился на свою лесистую родину, в дикую глушь, где его слушали деревья, звери и птицы. Им он пел, вторя себе на разливающих мелодичную грусть струнах кифары, о виденном им царстве теней, где души умерших, сидя среди цветов асфоделей, на берегу лениво катящейся Леты, неподвижно глядят в ее черные воды, как бы стараясь припомнить забытую ими минувшую жизнь. Он воспевал красоту гордо печального лика царственной Персефоны, ради которой спускались в Тартар герои, — богини, чья невинная прелесть заставила когда-то Аполлона с Аресом забыть Афродиту...

Наступил вечер. Круг зверей мало-помалу редел. Незаметно скрылись один за другим серые волки, тихо исчезла пятнистая рысь, заснули в густых ветвях нежные голуби, неуклюже ушел бурый медведь, ускакали, как бы желая дать отдых певцу, длинноухие зайцы. Наконец, Орфей остался один.

Он начал уже думать, что хорошо теперь было бы уснуть, завернувшись в плащ, у корней ветвистого дуба, но в этот миг над ним замахали почти бесшумно чьи-то сильные крылья, и большая ночная птица, перелетев с одного дерева на другое, села как раз против него.

Посвященный во все тайны леса и знавший язык зверей и пернатых, великий Орфей тотчас же почувствовал устремленный на себя взгляд и понял, что большой филин на суку старого дуба хочет о чем-то с ним говорить.

— Что тебе нужно, птица, чей крик предвещает недоброе? Какую беду для меня вновь замышляют седые подземные парки? Знай, что с тех пор, как я потерял свою Эвридику, мне не страшны больше утраты.

Филин завозился слегка на ветвях и ответил:

— Не предвещать тебе горе я сюда прилетел. Меня привлек в это место твой голос, певший о той, что для меня всего дороже на свете. Певец, не видал ли ты здесь Персефоны?

— С тех пор, как я спускался в сумрачный Тартар и пел пред ее престолом из темнокрасного камня, я не видал царицы теней. Но почему ты ищешь ее на земле, а не в царстве супруга, — спросил слегка удивленный Орфей.

— Еще в течение дня она втайне от мужа ушла из-под сводов Эреба, и я тщетно теперь стремлюсь ее отыскать в благоприятной моим глазам ночной полумгле.

— Но, что у тебя общего с нею? — продолжал удивляться фракийский певец.

— То, что из-за нее мною утрачен прежний мой вид, а некогда я был отроком прекраснейшим из всех рожденных нимфами Тартара. Имя мое Аскалаф. Мою мать зовут черноволосою Орфной, а мой отец — бог реки Ахерона... В бледнозеленых тростниках, среди родных тихо шепчущих струй провел я свое безмятежное детство, ласкаемый темносребристыми нимфами и дивясь на сонмы теней, проходящих по необозримому Персефониному лугу. Раньше, когда наш Гадес еще не привозил к себе прекрасной жены, этот луг назывался иначе...

Помню я как четверка бешеных черных коней, из которых один был ранен стрелой Артемиды, примчала к нам в Тартар на колеснице из огненнокрасной бронзы владыку Гадеса с похищенной им дочерью Деметры. Распущены были ее золотистые косы, а светлый хитон разорван в неравной борьбе с будущим мужем.

Всю силу разумной речи своей потратил Гадес, чтобы успокоить горько рыдавшую деву. — «Не думай, что мы живем в вечной тьме», — говорит он. «У нас существуют для рассеяния мрака, которого ты так боишься, иные, чем солнце, светила. В нашей стране не испытаеть ты ни летнего зноя, ни зимнего холода, ибо здесь вечно царит пышноцветная осень, и деревья круглый год приносят плоды. Мой дворец великолепен не меньше, чем у твоего отца на Олимпе, а в просторном саду перед ним, среди неизвестных тебе цветов и растений, шелестит золотыми листьями дерево с плодами, вкус которых заставит тебя позабыть про нектар Олимпа. Это дерево прими от меня, как брачный подарок»...

Так успокаивал испуганную розоланитную богиню чернокудрявый Гадес.

Скоро под стройные хоры нимф Ахерона, Леты и Стикса отпразднован был брак владыки Эреба с дочерью Зевса.

Печальна была и ничего не вкушала за свадебным пиром наша молодая царица.

Ее красота тронула сердце мое. Я полюбил, притаюсь в кустах обильного цветами сада Гадеса, смотреть как бродит по белым дорожкам, срывая черные с золотом лилии и голубоватые ирисы, юная богиня в аметистовой тунике с широко открытой шеей. Помню, две пепельно-серые бабочки долго однажды вились вокруг ее головы, почти касаясь легкими крыльями нежных и благовонных волос нашей царицы. Я видел как она подошла к подаренному ей златолистному дереву и сорвала с его гибких ветвей один из похожих на ваши гранаты плодов. Снял ароматную кожицу, Персефона ела янтарно-красные зерна, а я любовался на мягкие движения рук олимпиянки и, когда она удалилась, подобрал брошенную в траву оболочку плода.

Я любовался нашей царицей и тогда, когда она, облекшись в темно-лиловые ризы и надев подаренный супругом зубчатый венец, сидела с ним рядом в тронном покое при трепетном пламени бронзово-темных светильников с цветком нарцисса в опущенной правой руке.

Какими бледными были возле нее дочери Стикса и Леты!

Мне казалось тогда, что новое солнце сошло в область теней, и я был счастлив. Но никакое счастье не продолжается вечно.

Вскоре по царству теней пронеслась, как на крыльях, грозная весть, что, по неотступным мольбам Деметры, Зевс решил расторгнуть брак Персефоны. Действительно, перед тронном Гадеса скоро предстал вестник олимпийских богов легконогий Гермес.

«Владыка мрака», — начал он, опершись на свой кадуцей, «мне самому тяжело передавать тебе волю твоего громоносного брата. В сердце своем почувствовал он слезы и скорбь против воли сошедшей под своды Тартара дочери. Не желая карать без вины милую ему Персефону, разрешает он ей воротиться на солнечный свет и приказывает тебе отпустить твою молодую супругу, если только она не вкушала доселе от плодов твоего богатствами обильного царства».

При этих словах легкокрылого Гермеса весельем исполнился нежнорумяный лик Персефоны.

«Я вернусь обратно на поверхность земли! К милой матери, которую не раз уже видала во сне! О счастье!» — вскричала она.

И мне стало грустно. Неужели веселое солнце уйдет навсегда из области легких теней?!

Чело нашего повелителя было нахмурено, но он не хотел перечить своему эгидодержавному брату.

«Быть может, ты что-нибудь ела здесь, Персефона?» — неуверенным голосом спросил он молодую жену, с которой ему так неожиданно приходилось расстаться.

«О, Гадес, ты сам помнишь, что я отстраняла от себя все блюда и чаши, который ты мне подвигал за свадебным пиром», — отвечала царица.

Ничего не мог возражать хорошо это помнивший курчавобородый наш царь. Он поднялся на ноги, поправил свисшую на бледный лоб непокорную прядь волнистых волос и, откинув опирающуюся на острый двузубец руку, приготовился держать ответную речь своему олимпийскому брату.

Боязнь навсегда утратить из глаз улыбку нашей богини неожиданно подвинула меня на отчаянный шаг. Выступив вперед из толпы, наполнявшей дворец, я воскликнул, обращаясь к Гадесу:

«О, властелин, я видел как наша царица вкусила плодов подаренного тобою златолистого дерева, и вот корка, брошенная ею в траву!»

Крик отчаянья Персефоны ударил мне в сердце и лишил меня чувств...

Тяжела бывает месть разгневанных женщин. Берегись, о, певец, беспощадной их ярости... Однажды, когда я, укрывшись в кустах безуханных палевых роз, любовался дочерью Зевса во время купанья ее в садовом бассейне из белого камня, она, неожиданно увидев меня, гневно воскликнула:

«Ага! Вот ты где, предатель, словами своими принесший мне горе! Ты и теперь подсматриваешь за мною?! Будь же отныне зловещей и никому не милою птицей!»

И богиня брызнула в меня темной водой из купальни.

Несколько капель, попав на тело мое, совершили странное в нем превращение. Вся кожа покрылась желтыми и черными перьями; закруглилась голова; крючковатый клюв занял место носа и рта; на укоротившихся ногах выросли кривые железные когти, а руки стали длин-

нее. обросли мягким пухом и сделались крыльями. Одних лишь глаз не могла она ничем заменить, так как глаза мои были полны только ею.

Чтобы скрыть стыд мой и, опасаясь насмешек, я улетел из темного Тартара и стал лесной нелюдимой птицей... Но на поверхности земли мне стало скучно без моей жестокой, но прекрасной богини, и я, после долгого отсутствия, вернулся обратно в царство молчания. Там я застал не одну перемену.

Привыкнув быть царицей в Эребе, Персефона перестала стремиться уйти навсегда от супруга. Наш повелитель вовсе не так суров, как думают люди, и не препятствовал ей бывать по временам на земле. Он не поссорился с Персефой даже тогда, когда она стала преследовать его бывших любовниц и обратила в траву нимфу Менту. Зевсова пылкая кровь бурлила в нашей царице, и скоро она увлеклась сошедшим в Тартар возлюбленным Афродитой прекрасным Адонисом. Я зорко следил следил за богиней и, осторожно скрываясь, с болью и наслаждением в сердце не пропустил ни одного их свидания.

Но не перестававшая любить сирийского юношу давняя соперница нашей царицы, выпросив у отца, чтобы тот вернул Адонису жизнь, потребовала его у Персефоны обратно. Гордая дочь венчанной колосьями Деметры не пожелала его отдавать Афродите, и спор их кончился тем, что Зевс приказал Адонису проводить по полугоду поочередно во власти у обеих богинь.

Не успокоясь на этом, наша царица покидает зачастую Эреб, чтобы и на земле увидеться с прекрасным сыном Кинира, когда Афродита случайно бывает в отлучке... Как верный раб, и я лечу следом за нею, ибо глаза мои никогда не могут насытиться зрелищем золотистоволовой царицы теней. Сегодня Персефона исчезла еще до наступления сумерек. Ревность моя заставила меня вылететь следом за нею и сбила с верной дороги, ибо свет солнца мешает мне видеть. Песни твои, в которых ты упоминал о Персефоне, привлекли меня в эту долину... Укажи мне, певец, в какой стороне находится Сирия, ибо там тайно увидится с возлюбленным царица.

— Лети в сторону месяца, — ответил Орфей. — Достигнув моря, направь свой полет налево, вдоль берегов, пока не услышишь гимнов в честь Адониса... Да будут мойры благоприятны к тебе.

И Орфей долго глядел вслед улетающей птице.

ЭРОТ
В ЗАПАДНЕ

В теплое, летнее утро юный Ликон, сын Гнатона, лежал в росистой траве, выжидая, не попадетсЯ ли в одну из западней, развешанных им по соседним кустам и деревьям, какая-либо певчая птица. Две его верных собаки хорошо охраняли пасшихся в окрестных зарослях коз.

Вокруг молодого пастуха жужжали дикие пчелы и стрекотали кузнечики. Тихо лепетали под дыханием легкого ветра листья тенистого дуба, в ветвях которого дрались, крича, две желтые иволги...

Растянувшись на своем пастушьем плаще, пригретый солнцем, Ликон мало-помалу задремал.

Незримо пролетавший над отроком бог сновидений бросил в него горсть маковых лепестков из яркоцветного венка на своих черных кудрях.

И первый же из лепестков, опустясь на золотистые ресницы юного пастуха, принял вид звонко смеющейся Клеаристы, не обращавшей доселе на отрока никакого внимания.

Ликон улыбался во сне... Внезапный стук западни заставил его подняться на ноги и взглянуть туда, откуда послышался шум. В клетке, повешенной среди ветвей молодого дубка, кто-то, трепеща крыльями, прыгал и бился.

К изумлению своему, сын Гнатона, подойдя ближе, увидел, что в западню попалась не птица, а красивый ребенок, ростом с новорожденного и с крыльями белого голубя на розовой спинке.

Увидя подошедшего отрока, крошка, сердясь, запрыгал в клетке, и, хватаясь за решетку ее, требовал, чтобы Ликон тотчас же его отпустил.

— Если ты не откроешь сейчас же мне дверцы, я пушу в тебя стрелой из этого лука!

И, достав из висевшего у него с левого бока колчана острую стрелу, малютка стал натягивать свой крошечный лук.

Сообразив, что такая стрела может ужалить более всякой осы, Ликон закричал пленнику, чтобы тот в него не стрелял.

— Иначе я убегу, и некому будет тебя отпустить на свободу, — прибавил пастух в качестве довода.

И ребенок с крыльями за спиною перестал тогда угрожать и начал слезно просить, чтобы отрок выпустил его из клетки.

— Как ты попал в мою западню? — спросил малютку сын Гнатона, — верно ты хотел утащить смоквы, которые там служат приманкой?

— Нет, в клетку впорхнула бабочка. Я хотел ее изловить и влетел вслед за нею. Тогда клетка внезапно захлопнулась, а бабочка исчезла между тростинок решетки. Отопри мне дверцу, о мальчик! Я сын пendorжденной Киприды, зовусь Эротом, и сами великие боги боятся моих золотых отточенных стрел. Даже Зевс трепещет, чтобы я не обратил его в лебедя или быка.

— Если ты такой страшный колдун, то я боюсь тебя выпускать. Мне, как и Зевсу, страшно, чтобы ты не обратил меня в птицу или животное. Поклянись, что ты не причинишь мне вреда волшебством и не ранишь меня своею стрелою.

— Клянусь тебе в этом серпом бессмертного Крона, только отпусти меня поскорее! Мне надо поспеть во дворец самого царя олимпийцев. Я оставил там игральные кости и боюсь, что виночерпий отца богов, Ганимед, отыщет их без меня и присвоит...

Ликон немедленно открыл дверь западни, и малютка Эрот стремительно выпорхнул оттуда.

Перелетев на соседнюю ветку, он расправил свои немного примятые крылышки, и недовольно взглянул на пастуха.

— Прощай, — сказал он, улетаая, — никогда тебя не коснется моя золотая стрела и никогда ты меня не увидишь, хотя, быть может, сам пожалеешь об этом...

Едва Ликон успел вернуться к месту, где спал, и вновь лечь на свой плащ из овчины, он услышал чей-то незнакомый голос, звуки которого были несказанно приятны.

— Боги и люди! Не видел ли кто моего сына Эрота, нагого малютку с золотыми кудрями, крылатого и вооруженного луком? Он, прови-

нившись, убежал у меня. Тому, кто мне укажет, где он, я подарю бессмертный мой поцелуй, а кто мне его, схватив, приведет, получит такую награду, которой позавидуют сами олимпийские боги! Если беглец уприсил кого-либо спрятать его, пусть не надеется на обещанья коварного бога. Неблагодарный, он оплатит неисцелимую раной своей беспощадной стрелы...

С этими словами на поляну вышла богиня, в которой Ликон, не сомневаясь, узнал Афродиту. Олимпиянка была так стройна и прекрасна, как только могут быть бессмертные жены.

Тело ее казалось ослепительно белым; волосы были золотисты, как медь, а уста, как лепестки розово-алых цветов олеандра. Стан богини охватывал чеканный затейливый пояс.

Увидя Ликона, Афродита обратилась к нему:

— Отрок, ты не видел Эрота?

— Видел, богиня. Он попался мне в западню, и я его только что выпустил оттуда.

— Ах, зачем ты его отпустил?!

— Я не знал, что ты этого не желаешь, богиня... И, притом, малютка мне угрожал своим луком.

— Куда он полетел?

— Он торопился на Олимп и боялся, что виночерпий царя богов, Ганимед, утащит его игральные кости.

— Хотя я недовольна тем, что ты его отпустил, но все-таки сдержу свое слово и поцелую тебя. Подойти ко мне, отрок!

И богиня, склоняясь, откинула каштаново-темные кудри пастуха и поцеловала его в лоб, загорелый от солнца.

— Того, кто получил от меня поцелуй, будут стремиться поцеловать многие девы и женщины. Будь счастлив, отрок, — пожелала она простершемуся в ногах у нее сыну Гнатона.

Когда, дрожа от волнения, юный пастух поднялся на ноги, около него не было никого. Даже покрытая росой трава на полянке была не примята, так что на миг он даже подумал, что все бывшее с ним он видел во сне...

Оба бессмертных сдержали свое обещание. Покорные воле Киприды девы и женщины, едва завидя Гнатонина сына, прониклись к нему неодолимым влечением.

Шаловливая хохотунья Клеариста первая прибежала к Ликону, подарила ему овечку и всячески старалась показать, что молодой пастушок очень ей нравится. Горожанка Продика зазвала его к себе, угостила вином и, умащивая отроку кудри, объяснилась ему в страстной любви. Точно так же поступали и другие...

Но и Эрот сдержал свое слово.

Ни разу сердце Ликона не почувствовало сладостной боли от золотой острой стрелы сына Киприды. Напрасно весело улыбалась ему Клеариста. Сын Гнатона смотрел на ее пылью покрытые загоревшие ноги, загорелую шею и растрепавшиеся жесткие волосы, и ему вспомнились розоватые персты на безупречных ногах пафосской богини, белизна ее тела и золото коснувшихся некогда его лица душистых мягких кудрей.

Когда тянулась к нему с поцелуем пышнотелая Продика, пастуху кидались в глаза недостатки ее зубов, искусственная краска лица и чересчур толстые бедра.

И отстранив резко рукой плачущую женщину, он уходил к своему стаду еще более грустный, чем она.

И ни к кому не загорался любовью...

Горе тому, кого избегли стрелы Эрота!

Но еще несчастнее он, если его поцеловала богиня любви.

ДРЕВНЕЕ
ПРЕДАНИЕ

Три храма посвящены Афродите в карийском городе Книде. В одном из них, том самом, где ее почитают под именем Эвплонии — Дающей доброе плавание — знаменитом изваяньем Богини работы самого Праксителя, случилось некогда необычайное дело.

Некий молодой человек, родившийся, если верить историкам, в Акарнании, ежедневно стал являться за храмовую ограду и приносить к ногам Афродиты много даров. Целые часы проводил он в священной роще за первой стеной, не обращая внимания на зазыванья гиеродул и вырезая украдкой на светлой коре миртов и стройных платанов имя или символ Богини. Порою его видели среди приносящих жертву или в немом благоговении созерцавшим превосходное изваяние Праксителя.

Благодаря щедрым приношениям Эвплоние, в том числе серебряному треножнику с искусным изображением ласкающих друг друга грифонов и египетских сфинксов, как жрецы, так и служительницы храма относились к молодому человеку радушно. Ему позволялось даже являться на поклонение Пенорожденной раньше, чем толпе остальных богомольцев, и, как раскрыло потом следствие, его видели у входа в святилище во время совершения обряда утреннего омовения Богини.

К молодому акарнанцу так привыкли, что не обращали внимания на некоторые его странности, вроде бросания в помещении храма игральные кости или громкого восторженного шепота, в котором выливались его пылкие чувства к матери Эроса. Кости же он бросал, как бы гадая об исполнении какого-то задуманного им предприятия, и весьма радовался, выкинув знаки Богини.

Вероятно, злые демоны овладели умом и духом молодого человека, так как он не удовольствовался поклонением изображенью Киприды, но преступил за грань благоговейного почтения к ней, и был за то справедливо наказан.

Однажды утром явившиеся для уборки прислужницы храма, отдернув завесу святилища, застали молодого безумца у самой Праксительской статуи, которую он, забыв всякое уважение к святыне, дерзостно обнимал. Платье и волосы преступника были в большом беспорядке; он громко произносил самые необузданные выражения страсти и, казалось, не замечал ни криков негодования пришедших в смятение служительниц храма и гиеродул, ни появившейся в дверях вооруженной копьями стражи. Когда пришел, наконец, верховный жрец, и по его приказанию безумца повлекли из святилища, преступник неоднократно пы-

тался вырваться из рук его тащивших людей, чтобы еще раз обнять изваяние.

Несмотря на явное помрачение рассудка, виновный был приведен пред лицо должствовавших его судить жрецов и архонтов. Судьи взглянули на совершенное ИИМ преступление строго, и молодой акарнанец, осмелившийся оскорбить прикосновением священную статую, приговорен был к смерти под ударами бичей, а имущество его — к отобранию и храмовую казну.

Во время пытки, которой подвергли подсудимого с целью узнать вдохновителей преступления и его сообщников, акарнанец рассказал много невероятных вещей, порою прямо противоречащих религиозным преданиям и вполне могших доказать его безумие, если бы священный совет заранее не обрек его смерти.

Подсудимый признался в своей кощунственной страсти к богине. Рассказал будто менее чем за два месяца до преступления Афродита явилась ему во сне и обещала обладанье собою. Для этого ему надобно было в течение сорока дней по нескольку часов пребывать вблизи наиболее похожего ее изображения и всеми силами воли ее призывать, а затем, свершив над собой обряд очищения морскою водою, проникнуть на ночь в святилище, куда в том же сне обещала ему явиться Богиня...

При допросе выяснилась также виновность одной из прислужниц, с вечера запиравшей ворота внутренней ограды. Эта женщина дозволила себя подкупить и дала молодому безумцу возможность проникнуть ночью в святилище, будто бы для получения пророческого сна. Сама же она, по собственным словам, беспросыпно спала в близлежащем притворе притворе и ничего не видала и не слыхала.

Прислужница в тот же день подвергнута была сперва пытке каленым железом и, когда эта пытка ничего нового не принесла, — казни чрез удушение.

О своих отношениях к Богине акарнанец повествовал пространно и с преступным бесстыдством. Он говорил, будто от Праксителевой статуи отделился обитавший в ней, как то утверждают египтяне, божественный дух; будто дух этот принял уплотненную сущность и вел себя по отношению к нему как страстно влюбленная женщина.

Члены священного совета, вняв показанию одной из служительниц храма, видевшей поутру как молодой человек обнимал самую ста-

тую, не придали веры словам подсудимого, хотя тот и клялся, что богиня не только ласкала его, но и рассказала ему многое про себя и прочих богов. Хотя все данные под пыткой показания преступника были, несомненно, ложны, тем не менее иерофант-председатель суда делал вид, что им верит, выспрашивал о подробностях и отдал распоряжение тут же находившемуся писцу-логотахиграфу их записать.

По этой записи, тайно извлеченной из храмовых запретных архивов, и излагаются здесь речи явившейся акарнанцу богини и все происходившее, по его словам, в ту ночь в святилище храма.

— «Я лежал ниц перед изваянием, отцы-судьи, и почувствовал вдруг чей-то взор у себя на затылке. Приподняв голову, я увидел, что от освещенного лунной мрамора отделяется подобие тумана или белого пара. Постепенно сгущаясь, туман этот образовал собой очертания божественно-прекрасного женского тела, стоявшего в том же положении, как и Праксителево изваяние. Страх и восторг так овладели мною, что я не мог промолвить ни единого слова и лишь простер к видению руки.

— «Встань», — услышал я голос: «думай, что пред тобой не богиня, а давно тобой любимая дева, тайно пришедшая к тебе в сумраке ночи, когда спят люди, а боги заняты каждый своими делами. Не бойся меня. Твое сорокадневное воздержание и непрестанные мольбы привлекли к тебе мои благосклонные взоры. Все реже и реже встречается здесь, на омываемой зелеными волнами земле, любовь, в которой люди могли когда-то спорить с бессмертными...

Исполнившись смелости, я подполз и поцеловал розоватые пальцы богини на ее стройных ногах... Клянусь Ахероном и тенью отца, который меня на его берегах ожидает, что под губами моими почувствовал я не пар и не жесткий мрамор, а лепесткам нежных роз подобное тело.

— «Подымись, обними стан мой, ибо давно не испытывал он влюбленных объятий», снова услышал я голос богини в то время, как две ее легких руки легли на плечи мне и обвили шею.

Радость наполнила душу мою, и в то время как я, подымаясь, скользил дрожащей рукой по ее безупречному телу, в моей голове пронеслась крылатая мысль: «я счастлив, как бог, как те бессмертные боги, которые раньше меня любили ее»...

Дальше не думал я ни о чем, отцы-судьи. Богиня, хотя вы и не верите мне, все-таки любила меня, и казнь, которую вы мне готовите, не

страшна для того, кто полон нездешнюю радостью.

Помню и ласки, которые мне расточала та, пред кем преклоняются боги и люди, возлежа возле меня на разостланном мною плаще.

Осмотрите гиматий мой, высокие судьи. От ткани его до сих пор исходит благоухание роз...

Помню также речи, которые она шептала, склонясь надо мною, распростертым в любовном бессилии:

— «Как слабы вы, люди, и как нежна ваша любовь! Нежность — это то, чего нет у бессмертных богов, которые всегда жестоки в страсти своей и любви...

Мне вспоминается день, когда родилась я из пены морской, оплодотворенной кровью низверженного небесного бога. Этот день был днем победы восставших против него сыновей. Лишив власти своего старца-отца, они плясали в безумном веселье, все кроме Океана, который обнимал, содрогаясь от ужаса, мать свою Гею... Едва я вышла из волн родного мне моря, навстречу мне попался торжествовавший победу Крон. Откинув свой запачканный отчею кровью изогнутый серп, как зверь бросился на меня этот преступный отпрыск Урана и насильно заставил быть своею наложницей. От него родила я Пофа и Эроса, унаследовавших крылья отца. Кроме меня необузданный бог соединился также с Дионой, которую финикияне называют Белит и Реей, почитаемой в Иоппее, а кроме того и с другими титанидами. Я была счастлива, когда он ради них оставил меня...

К борьбе, возникшей затем у Крона и прочих титанов с восставшими против них Зевсом, Гадесом и Посейдоном, я была безучастна. Победив отца и воцарясь на Олимпе, Зевс, по требованию ревновавшей его ко мне сестры своей Геры, отдал меня, с согласия прочих богов, своему покрытому копотью сыну Гефесту. Это любимое детище обутой в золото Геры всегда было мне неприятно, и я мстила ему, деля ложе со многими другими богами. Когда же он, мучимый ревностью, застал меня однажды с Аресом, я велела жестокому как и отец его Эросу внушить хромоногую сыну волоокой богини несчастную страсть к Афине-Палладе. Плодом этой страсти был тайно воспитанный мудрой божественной полудевицею бог Эреффей... Зевсу и его белорукой жене я отомстила, постоянно внушая Кронову сыну пылкое чувство то к той, то к другой грязной дикарке, которых он, ослепленный властью, моей, считал прекраснее гладко причесанной Геры. Ради внушенной мною

любви царь богов не раз принужден был становиться быком, так же как его украшенный темною гривой брат Посейдон — морским конем или бараном.

Ставший царем подземного мира Гадес был много наказан за обиду мою тем, что женился на Персефоне. Эта богиня принесла ему много несчастья...

Но бессмертные боги скоро узнали о моих тайных делах и в свою очередь мстили мне, как могли. Едва удавалось мне полюбить кого-либо из смертных, олимпийцы тотчас же умерщвляли его. Обратившись вопреку Арест убил Адониса, аргонавт Бутэс умер в объятиях моих, благочестивый Анхиз был поражен преждевременной старостью...

И тебе также грозит, возлюбленный мой, их бессмертная зависть, и ты должен заплатить будешь жизнью за сладость объятий моих», говорила она...

Да, высокие судьи, я знал, что меня ожидает, и не хотел покидать храма Киприды и ее божественных ласк до наступления рассвета, когда она ушла от меня, погруженного в сон... Когда я очнулся, богини уже не было возле, но я не хотел уходить, не прикоснувшись к прекрасному камню, из которого вышел его бессмертный двойник. В этот миг вошли прислужницы храма... Вот и все, священные судьи»...

До конца оставшийся верным своему нечестивому измышлению преступник умер, как было постановлено, под ударами бичей.

Сама богиня свидетельствовала о лживости рассказа его, так как до сих пор показывают богомольцам темные пятна на паросском мраморе изваяния в тех местах, где осмелился прикоснуться к нему пораженный безумием акарнанец.

ЦИРЦЕЯ

Рестаурация мифа

— Сын мой, — сказала царица острова Эи, чародейка Цирцея, высокому смуглому юноше с лицом хищной птицы, — ты уже вырос и возмужал. Пора тебе навестить отца своего, Одиссея. Некогда он прогостил у меня целый год и, уезжая, клялся, что вернется обратно. Свежи ему, Телегон, вытканый много плащ и напомни о неисполненном обещании.

С этими словами Цирцея встряхнула уже готовую пеструю ткань с изображениями диковинных зверей, птиц и растений.

— Мать и царица моя, — отвечал, любуясь узорным плащом, Телегон, — давно самому хотелось мне попросить у тебя дозволения повидаться с отцом, но я не смел, боясь тебя прогневить; теперь же с радостью направляю я путь в ту сторону, куда ты мне велишь.

— Завтра утром ты наденешь чистый хитон, а нимфы принесут в твою лодку вина, хлеба и мяса. Дельфины тебя отвезут к берегам каменной Итаки, которою правит твой славный отец. Возьми с собой этот меч. По серебряной рукоятке его узнает тебя Одиссей. В день нашей первой с ним встречи он хотел меня этим мечом заколоть. Передай твоему отцу, что я хочу показать ему дочь, Кассифону, которой он еще не видал... Привези мне царя Итаки, даже если бы ты застал его больным или близким к смерти. У меня найдутся средства вернуть его к жизни... Ступай!...

На другое утро Телегон взял свое копье с острым шипом морского ежа на конце, повесил через плечо данный матерью меч, попрощался с сестрой и, не смея беспокоить запятой варкою волшебного зелья Цирцеи, отправился в путь. Шесть пар темных дельфинов, неустанно ныряя в волнах, повлекли его лодку в туманную даль мимо там и сям встававших из моря пепельно-лиловых очертаний далеких островов.

К вечеру следующего дня сын чародейки был уже в виду окруженных шипящею пеною белых скал известковой Итаки. Войдя в небольшой спокойный залив, Телегон вытащил на берег лодку и спрятал ее в густых зарослях ивы. Дельфинов он отпустил, приказав им немедленно явиться на свист. Вскинув затем на плечи небольшую котомку и опираясь на копье, юноша взобрался по узкой тропинке на крутой откос скалистого берега и пошел наугад в сторону, противоположную морю.

Телегон долго брел в сгустившейся тьме вдоль пустынных полей и попадавшихся по временам оливковых рощ. Высокая каменная стена

преградила дорогу молодому герою, но он, со звериной ловкостью, взобрался наверх и, прыгнув затем на землю, очутился в плодовом саду большого загородного дома. Выбрав удобное место в кустах, сын Цирцеи свернулся клубком и мирно заснул...

Его разбудил сильный удар ноги, направленный в спину. Обходившие утром фруктовые деревья рабы хотели связать забравшегося за ограду бродягу, но тот выхватил меч и, положив, ударом в живот, одного из них среди гряд виноградника, остальных обратил в дикое бегство.

На крики рабов из маленькой калитки внутренней ограды выскочил широкоплечий, с седеющими редкими волосами, человек в расшитом хитоне. В руках у него был длинный жезл, которым он замахнулся на Телегона. Молодому герою показалось, что его противник вооружен тоже копьём, а потому он немедля метнул с силой свое. Проколотый насквозь острым шипом широкоплечий человек в хитоне свалился, а стоявшие за его спиной рабы с громкими воплями кинулись прочь. Как хищный барс, прыгнул к упавшему навзничь врагу Телегон и, желая прикончить его, занес подаренный матерью меч. Но едва раненый заметил сверкнувшее над ним лезвие, левой рукою он неожиданно сжал Телегонову правую руку так сильно, что тот не мог ею двинуть.

— Юноша, кто ты и откуда у тебя этот меч? — неожиданно спросил поверженный враг.

— Зовут меня Телегон, а меч дала мне моя мать, вечно прекрасная нимфа Цирцея; ей оставил его, уезжая, отец мой, герой Одиссей, царь вашего острова, — ответил, пытаясь вырвать руку свою сын чародейки.

— Одиссей пред тобою, мой сын... Копье, конечно, отравлено?

— Да... Неужели я убил отца?!... — воскликнул, выпуская из пальцев меч, Телегон. — Горе мне! Что скажет теперь пославшая меня к тебе мать?!

— Торопись передать мне ее поручение, сын мой.

— Она просила, отец, напомнить тебе о клятве ее навестить... Привези мне Одиссея, — говорила она, — хотя бы он был на одре болезни или даже при смерти...

— Боюсь, что ты не довезешь меня, сын мой... Остановись, Телемак! — обратился раненый царь к прибежавшему с мечом в руках рукоудрому молодому герою — Это твой брат, Телегон. Не узнав отца, он нечаянно ранил меня своим острым копьём, — произнес, обливаясь

кровью, Одиссей.

Повинуясь отцу, Телемак бросил занесенное над братом оружие и стал поднимать Одиссея. Обступившие своего господина рабы не знали, помогать ли переносить его в дом, или бежать звать на помощь.

В калитке показалось несколько женщин, и одна из них, рослая и облеченная в ярко-белую ткань, с раздирающим воплем бросилась к ногам Одиссея.

— Не мсти ему, Телемак, за мою смерть, — с трудом произнес, обращаясь к старшему сыну, слабеющий царь. — Я чувствую, что скоро умру. Почитай мать и не давай ее обижать своей Навзикае... Не плачь, Пенелопа, — добавил герой, обращаясь к верной жене.

— Ты не умрешь, мой отец! Мать приказала мне, расставаясь, привезти тебя, даже если бы ты умирал. «У меня найдутся средства вернуть его к жизни», говорила она.

— Попробуй... Сын мой, — вновь обратился Одиссей к вынимавшему осторожно из раны копьё Телемаку, — немедля пошли в город и прикажи приготовить корабль с двумя сменами сильных гребцов. Отвези меня, пока не поздно, на Эю, к нимфе Цирцее, которая может меня исцелить.

— Я поеду с тобой, Одиссей! — воскликнула Пенелопа. — Не покидай меня здесь! Сейчас же я приготовлю запасы в дорогу.

— Не надо корабля, — сумрачно произнес Телегон. — Моя ладья может вместить четверых, а дельфины Цирцеи свезут нас быстрее, чем ваши две смены гребцов.

— Где твоя лодка?—обратился к младшему брату Телемак.

— Там. — И Телегон рукою показал направление. — В небольшом заливе, с высокими берегами, поросшими ивой.

— Вероятно, у Крутых спусков. Не трать понапрасну времени. Это бесполезно, — прошептал Одиссей, обращаясь к заговаривавшему кровь на ране Телемаку. — Распорядись, чтобы меня немедля снесли на Лаэртых носилках в ладью Телегона...

И немного спустя, в сопровождении толпы народа, несколько дюжих рабов торопливо несли вдоль желтевших полей накрытого широкополой соломенной шляпой, тяжело вздыхавшего на золоченых носилках царя Итаки. Слева от носилок шел черноволосый, в бабку свою Гекату, Телегон, а справа — светлокудрявый, с голубыми глазами Пенелопы, Телемак. У обоих через плечо висели мечи.

На полдороге от цели пути их нагнала на колеснице, запряженной белыми мулами, в накинутах поверх белого пеплоса пурпуровом царском плаще жена Одиссея.

Опустясь по крутому откосу, рабы и домочадцы царя помогли его детям вытащить и подвести к удобному месту ладью Телегона. Поставив на корме и в носовой ее части кувшины с водой и съестные припасы, они постлали на дно овечьи мягкие шкуры, накрыли их чистой тканью и уложили стонавшего от боли Одиссея. Телегон поместился на носу, а Телемак с Пенелопой на корме. Влезшие в воду рабы вывели тяжело нагруженную лодку на глубокое место.

Телегон бросил в воду концы прикрепленных к резному носу с изображением лотоса длинных веревок и свистнул в висевшую у него на шее пеструю раковину. Провожавшие своего царя жители Итаки видели только, как неподалеку от берега заплескалось, играя, стадо дельфинов, а следом за тем ладья Телегона, колыхаясь на шипящих пеной волнах неожиданно поплыла все быстрее и быстрее в открытое море...

Холодные брызги обдавали пурпур плаща, в который куталась много лет не плававшая по морю, пораженная горем царственная Пенелопа. Сидевший возле нее Телемак то думал о стряпшейся над их семьей беде, то соображал, захлестнет или нет волна внутренность судна. Телегон свистом своим то ускорял, то умерял быстроту бешено мчавших ладью дельфинов Цирцеи. Морской ветер дул ему прямо в лицо, развеивая по сторонам длинные пряди черных волос.

Один Одиссей лежал неподвижно, до бороды накрытый своею сидонскою мантией. Глаза царя Итаки были закрыты; лицо неестественно бледно. Он не слышал ропота разбивавшихся около борта пенистых волн и не чувствовал ни запаха моря, ни соленого вкуса брызг, попадавших ему на побелевшие губы.

Заметив, что отец уже мертв, Телемак молча накрыл ему лицо взятым с собою продолговатым и чистым белым холстом.

На поросшем старыми соснами черном утесе своего лесистого острова неподвижно сидела чародейка Цирцея. Опустив голову на розо-

ватые ладони подпертых коленями рук и распутив воспетые когда-то Орфеем, подобные лучам солнца, огненно-рыжие волосы, дочь Гелиоса устремляла в фиолетово-синюю даль взоры своих черных нечеловечески сверкающих глаз. Волшебница нимфа нетерпеливо ждала возвращения сына, посланного ею к царю каменистой Итаки. Пятнадцать зим пролетело, с тех пор как Одиссей покинул Цирцею после целого года пребывания у ней. Разбросанные перед царицей гадательные кости расположились в таком прихотливом порядке, что никак нельзя было разобраться, сдержит или нет герой данное им когда-то обещание снова приехать на лесистую Эю.

Немало любовников перебивало у чародейки на этом острове, с тех пор как золотистые кони отца перевезли ее туда из холодной Сарматии. Даже сам бранелюбивый олимпиец Арес, опоенный волшебными соками трав, подолгу забывал у Цирцеи о кровопролитных битвах своих. Но никто из деливших ложе царицы не вспоминался ей так часто, как побочный сын Сизифа, Улисс-Одиссей.

Черные глаза божественной нимфы жадно впивались в морскую даль, ища в ней изогнутой ладьи Телегона.

«Сердце говорит мне, что я кого-то скоро увижу. Но вот уже близится вечер, а сына все еще нет», — думала Цирцея, полная тоски ожидания и дразнящих мечту воспоминаний о прошлом.

Наконец, вдали показалась темная точка.

— Это он! — воскликнула, взглядевшись в нее, дочь Гелиоса. Точка стала расти и, наконец, обратилась в ладью, которую везла стая прыгавших резво дельфинов. В ладье сидело трое, а когда пловцы вошли в скрытую поблизости между утесов бухту, Цирцея разглядела в надвигавшемся сумраке и четвертого путника, распростертого неподвижно на дне. Привязав лодку, двое мужчин, из которых один был Телегон, подняли лежавшего и, в сопровождении бывшей с ними высокой женщины в пурпуровой хлене, узкой тропинкою стали подыматься вверх.

Взглянув в лицо Телегонова спутника, Цирцея простерла к нему свои белые руки и с радостным криком: «Одиссей!» бросилась навстречу. Но ее сын неожиданно остановил чародейку словами:

— Мать, ты ошиблась. Одиссей — тот, кого мы несем, а это — мой брат Телемак.

— Как ты похож на отца, о герой! Но что случилось с моим Одиссеем?! — взволнованным голосом спросила дочь Гелиоса.

— Мой муж, царь Одиссей, — выступила дотоле сзади стоявшая женщина, — заколот сыном твоим; не знаю, кто ты: богиня или смертная женщина. Муж ничего никогда не рассказывал мне о тебе.

— Будь моей гостьей, царица!... Но покажите мне Одиссея! — потребовала Цирцея.

Телемак и несвязно оправдывавшийся Телегон опустили на землю одеяло из овчины, на котором лежал их отец, а Пенелопа приподняла белую тонкую ткань, покрывавшую лицо ее мужа.

Цирцея увидела бледные, с застывшим на них выраженьем страдания, черты когда-то любимого ею героя. Глубокая жалость проникла в сердце волшебницы.

— Он мертв, — произнесла она. — Недаром внутренности жертв сушили мне горе и смерть вместе с чьим-то прибытием... Но не следует еще раздирать сердца печалью... Телегон, веди гостей в дом и позаботься о том, чтобы они остались довольны пищей и ложем. Ко мне же пришли нимфу Альс. Пусть она сюда поспешит с маленькою золотою шкапулкой, что стоит в нише возле постели моей. Я же останусь здесь, и, если душа героя не переступила еще пределов Аида, я призову ее обратно в тело силою своих заклинаний.

И когда Пенелопа с Телемаком, дивясь встречавшим их ручным медведям и львам, ушли в сопровождении Телегона, Цирцея, сняв украшенный подвесками металлический пояс со своего стройного стана, подняла руки к потемневшему небу и воззвала к матери своей, царице ночи, Гекате:

«О, Владычица душ, отлетевших от тела! если тобою от Гелиоса рожденная дочь была когда-либо приятна тебе, — исполни просьбу мою: помоги вернуть дух распростертого здесь сына Сизифа в царственное тело его!»

А затем, обнажив холодный труп Одиссея, она, с помощью пришедшей Альс, переложила его на черную землю и, натерев в разных местах пахучими соками трав, стала громким голосом петь заклинания.

Сила их была такова, что появившаяся было на небе луна заволочлась черными тучами, в лесу послышался вой собак, а поднявшийся вокруг в странных очертаниях беловатый туман закачался в такт песне Цирцеи.

Нимфа Альс, стоя поодаль, видела, как слабо блевшее во мраке тело героя зашевелилось под простертыми над ним руками волшебницы. Она слышала затем, как герой простонал:

— Зачем возвращаешь ты душу мою от берегов Ахерона, зачем вновь внедряешь ее в это остывшее тело?

— Оно вновь согреется радостью жизни, — ответила чародейка. — Альс, дай мне мази из склянки зеленого цвета. У него открылась рана, и оттуда выходит отравленная дротиком кровь.

Хотя цвета в темноте различить было нельзя, Альс, зная, какая мазь нужна госпоже, подала ей просимую склянку, и открывшаяся рана скоро затянулась под легкими нежными перстами Цирцеи.

— Встань и пойдём! — громким голосом возопила вдруг чародейка.

И, повинувшись приказу ее, поднялся на когда-то крепкие ноги свои и сделал, шатаясь, несколько нетвердых шагов царь Одиссей.

— Альс, накрой его скорее плащом! Подбери потом склянки и поддерживай его с другой стороны! — приказала Цирцея.

В сопровождении двух нимф вошел царь Итаки в хорошо ему когда-то знакомый, застланный зеленым мрамором и выложенный блестящею бронзой мегарон высокого каменного дома дочери Гелиоса.

Приподнялись, увидя его, с кресел, украшенных белого костью индийских быков, пораженные ужасом Телемак с Пенелопой. Вбежавшая в мегарон Цирцеина дочь Кассифона замерла, увидя бледного, как смерть, с трудом подвигавшего ноги героя.

— Сядь, Одиссей, возле своей прекрасной жены, — сказала Цирцея, — и наслались вместе с нами вином, хлебом и мясом жирного вепря.

Дочь Икария с изумлением смотрела, как ел и пил ее возвращенный к жизни супруг, не спускавший глаз с величественно красивого лица и не тронутого загаром стройного стана дочери Гелиоса. И горькое сознание того, что сама она близка стала к старости, промелькнуло в голове Пенелопы, блеснув двумя крупными слезами в ее голубых, некогда прекрасных глазах...

Когда гости кончили есть и прислуживавшие нимфы убрали со столов золотые корзины с хлебом и блюда с жареным мясом, Цирцея сказала, обращаясь к возвращенному ею к жизни герою:

— За этим столом ты убедился, царь Одиссей, что ты снова живой человек, могущий наслаждаться обильной едой и веселящим душу ви-

ном. Но за избавление твое от мрака Аида надо будет принести за тебя искупительную жертву подземным богам. Для этого, ранее чем ты вернешься в Итаку, царственная супруга твоя должна будет, так же как некогда ты, пересечь океан и заколоть у туманных берегов киммерийской земли Гадесу и Персефоне черных овцу и барана, которых я озбочусь достать. Чтобы предупредить жалобу этих богов тучегонителю Зевсу, тебе, Пенелопа, следует отправиться завтра же утром. С тобою поедет мой сын Телегон. Он укажет тебе Персефониному рощу и поможет в принесении жертвы. Теперь же, царица, выпей эту чашу, дабы убедиться, что дочь Гелиоса не злоумышляет против соперниц.

И Цирцея протянула жене Одиссея принесенную черноволосою Альс золотую чеканную чашу с изображением голубок, целующихся среди кистей и ливы винограда.

Пенелопа вспомнила все страшные рассказы о людях, обращенных в свиней, о ставшей чудовищем Скилле и о других волшебствах, приписываемых Цирцее, но, сообразив, что тут же находится сын, Телемак, который не преминет за нее отомстить, твердой рукой, с достоинством носящей пурпур царицы, взяла предлагаемую хозяйкою чашу с темным и терпким вином и в несколько глотков ее осушила.

И совершилось чудо. Вместо Пенелопы, состарившейся за ткацким станком в течение двадцатилетнего ожидания мужа, перед глазами присутствующих, в креслах, украшенных серебром и белой индийскою костью, сидела юной невесте подобная девушка, совершенно сходная с той, которая много лет тому назад, стыдливо закрыв покрывалом лицо, покинула вместе с Улиссом дом своего отца, акарнанца Икария.

Задумчиво сидевшая поодаль Кассифона вскочила с своего раздвижного, барсовой шкурой накрытого кресла и, как девочка захлопав в ладони, воскликнула восторженным голосом:

— О, как ты прекрасна теперь, царственная Пенелопа! Такою же выходит из канафосских струй ежегодно обновляющая в них девственность свою и красоту олимпиянка Гера!

— Принеси зеркало, Нэсо, — приказала Цирцея одной из прислуживавших нимф.

Телегон сидел бледный, несатым взглядом впервые влюбленного юноши впиваясь в лицо преображенной царицы Итаки.

Когда Пенелопа увидела себя при ярком свете пылавших на очаге кипарисовых дров на полированном серебре чеканного зеркала, румя-

нец восхищения покрыл ее щеки, и радостно заблестели голубые глаза. Но, совладав с собою, дочь Икария встала с кресла и деланно спокойным голосом произнесла:

— Еще жертву, богиня, я принесу на том алтаре, который собственноручно воздвигну тебе, воротясь на Итаку.

— Желаю, чтобы вернувшись к тебе юность, Пенелопа, была долговечна. Теперь же моя дочь укажет тебе место для отдыха... Кассифона, отведи царицу в опочивальню ее! Тебя, Одиссей, и тебя, юный гость мой, — прибавила Цирцея, обращаясь к Телемаку, — нимфы отведут в ваши спальни...

На другое утро Телегон выслушал в украшенном белыми изваяниями покое матери ее приказания.

— Хотя горячность твоя, сын мой, едва не лишила тебя навеки отца, а меня — близкого мне человека, но так как ты не забыл моего приказания и привез его тело, — я прощаю тебя. Новое мое поручение не будет тебе неприятно. Я заметила вчера, как пожирал ты очами возвратившуюся красоту Пенелопы. От тебя самого будет зависеть понравиться ей. Принеся на киммерийском берегу должные жертвы, позабудь дорогу на Эю, а дельфинам шепни, чтобы они вас отвезли на Счастливые острова. Запах цветов там и самый воздух располагают к любви, и я думаю, что даже Пенелопа сделана не из камня. Все-таки она приходится двоюродной сестрой дочерям Леды. Не бойся отца. Я скажу ему, что ты получил от меня приказание отвезти царицу на остров Итаку, а затем послан был мною в Колхиду навестить своего дядю, царя Ээта... Отправляйся же, сын мой!...

Немного спустя Цирцея вместе с рыжеволосою Кассифоной, нимфами, Одиссеем и Телемаком провожала собиравшуюся пересечь с Телегоном Океан свою помолодевшую гостью. Облеченная поверх блестяще-белого пеплоса в пурпур, Пенелопа казалась не царицей, а скорее юной царевной. Когда она, опираясь на загоревшую руку смуглого Телегона, вскочила в ладью и закачалась с ней вместе на прозрачно-зеленых волнах, вздох облегчения невольно вырвался из высокой груди чародейки. Когда же везомая черными дельфинами лодка скрылась из вида, Цирцея медленным шагом, опираясь на густую гриву шедшего рядом с ней огромного льва, направилась вместе с гостями и дочерью к своему высокому, с расписными карнизами, дому. По дороге, глядя то на давно знакомое бледное лицо заметно облысевшего Одиссея, то

на свежий румянец его голубоглазого кудрявого сына, царица Эи как бы сравнивала мысленно между собою сильно напоминавших один другого героев...

— Взгляни сюда, Телемак: в эту маленькую тихую бухту много лет назад вошел на пути из-под Трои наш черный корабль. Из всех, кто на нем был, остался в живых только я... Эльпенор сломал себе шею; шестерых пожрала несытая Скилла; остальные стали добычею рыб... У той речки, которую мы перешли только что вброд, я убил когда-то оленя. Мне порою не верится, что я тот самый Одиссей, который перебил женихов Пенелопы, сам был убит собственным сыном, вновь был перевезен с Итаки на Эю и возвращен здесь к жизни чародейкой, с которой делил некогда ее широкое ложе...

— Ты счастлив, отец, — восторженно отвечал Телемак: — ты пользуешься любовью Цирцеи! Она вечно цветет своею никогда не вянущей красотой! С тех пор как мы гостим у нее, она мне нравится с каждым днем все больше и больше.

— А что ты скажешь о ее дочери, Кассифоне?

— Она тоже прекрасна, отец, но в ней есть что-то жестокое, напоминающее брата моего Телегона. Взгляд ее зеленых очей вселяет порою какое-то смущение в мою душу.

— Вероятно, оттого, что эти глаза околдовали тебя? — добродушно смеясь, спросил Одиссей.

— Возможно, отец. Ведь она тоже чародейка.

— А что бы ты сказал, Телемак, если бы мы с Цирцеей предложили тебе жениться на ней?

Телемак задумался на миг и попробовал робко возразить:

— Но ведь у меня есть уже Навзикая...

— И у меня была Пенелопа, когда я в течение года был мужем Цирцеи, а затем семь лет жил с прекрасною нимфой Калипсо. Навзикая подождет, а память о совершенной мною резне женихов отвадит у молодежи соседних островов охоту свататься к ней... Да притом мы здесь погостим и уедем, а Кассифона не захочет, вероятно, расстаться с матерью.

— Пусть будет, как ты хочешь, отец.

В тот же вечер Одиссей, переговорив с Цирцеей, добился согласия чародейки на брак ее дочери с Телемаком. Хитроумный герой опасался, что его сын слишком засматривается на стройное белое тело и золото пышных волос владычицы Эи, и хотел отвлечь пыл желаний его только что расцветшею красотой Кассифоны.

Рыжекудрая, зеленоглазая дочь чародейки отнеслась к вести о близости брака так равнодушно, что удивился даже сам Одиссей.

Следующею же ночью, после обряда наложения родительских рук, при пении держащих факелы нимф, наперсница волшебницы, Альс, на колеснице, запряженной парюю львов, отвезла одетую в прозрачный свадебный пеплос Кассифону в маленькую хижину среди чащи леса, где ее ждал покорный воле отца Телемак.

Новая жена поразила Одиссеева сына странной осведомленностью о его прежней жизни. Ей не только хорошо был известен характер Навзикаи и все достоинства и недостатки тела феакийской царевны, но и другие, более ранние, привязанности и увлечения ее мужа. Телемак был изумлен, когда Кассифона медленным ровным голосом рассказала ему, как некогда в Пилосе мыла его в теплой бане и натирала затем благовонным елеем младшая дочь царя Нестора, белорукая, на стройных ногах Поликаста...

— Ты был тогда юн, Телемак, и не замечал ни излишней полноты ее груди, ни недостатка волос в заплетенных косицах. Скажи, может ли цвет ее кожи сравниться с моей белизной?

— Откуда тебе известны подробности жизни моей? — спросил удивленный Телемак.

— Ты забыл, что я дочь и внучка двух чародей, равных которым нет на земле. Не мудрено поэтому, что я заглянула в прошедшее человека, который дан мне в мужья...

С моря доносился рев разыгравшейся бури. Ветер шумел в тростниковой конической крыше и, проникая в небольшое отверстие для дыма, колебал огоньки плавающих светильников. Но в маленькой, хорошо обмазанной цветною глиною хижине было тепло, и босые ноги молодых тонули в мягком мехе разостланных на полу шкур диких зверей. На угольях поставленной недалеко от входа грелки-курильницы шипела благовонная смола. Взоры Улиссова сына манила к себе белизна тонких тканей, покрывавших широкое брачное ложе, где, задум-

чиво прислушиваясь к рыканиям львов в соседнем лесу, ожидала его зеленоглазая рыжекудрая дочь чародейки Цирцеи...

Наутро их разбудила бесшумно вошедшая в хижину царица острова Эи. Она одинаково нежно ласкала, прижимая к металлическим украшениям на белой груди, обоих молодых. Следом за нею пришел Одиссей. Царь Итаки старался казаться развязным и гордым и вел себя, как старый друг и любящий муж. Но зоркая Кассифона заметила, как ее мать освободила раз легким движением стан свой, а другой раз сняла с подобного цветом слоновой кости плеча широкую загорелую руку Одиссея.

— Друг мой, — произнесла, обращаясь к нему, дочь Гелиоса, — проводи сына искупаться в холодных струях ручья, что течет у тех скал. — И царица показала рукой направление пути. — Да и тебе не бесполезно будет подкрепить купаньем силы свои, — присовокупила вслед гостю Цирцея. — Ничто не помогает так от преждевременной дряхлости, как чистая вода горных потоков.

Несколько смущенный Одиссей не заставил повторять себе приглашение и быстро ушел в сопровождении сына.

— Как провела ты ночь, Кассифона? — спросила заботливая мать.

— Нельзя сказать, чтобы дурно, хотя Телемак все-таки только человек.

— Пожалуйста, не обращай своего мужа во льва, — пошутила Цирцея: — он удивительно напоминает мне Одиссея в дни, когда тот, мощный как бог, возвращался от стен Илиона. Теперь сын Сизифа — развалина и мне больше не нужен. Я хотела бы даже от него освободиться.

— отошли его обратно на Итаку, — сказала Кассифона.

— Не найдя там своей Пенелопы, он начнет жаловаться на меня всем олимпийским богам. А я не хотела бы ссориться с благосклонной к герою Палладой или с Гермесом, от которого он происходит. Нет, с Одиссеем надо будет поступить иначе.

— Тогда отдай его Альс. Она честолюбива и давно хотела повелевать и владеть обращенным в какого-либо зверя героем, — посоветовала Цирцее ее рыжеволосая дочь, застегивая на лилейном плече золотую пряжку прозрачного пеплоса.

— Надо будет попробовать, — задумчиво молвила чародейка. — А ты не горишь еще ревнивой страстью к Телемаку?

— Бери его от меня хоть сейчас, — был ответ мечтавшей об олимпийских богах Кассифоны.

— Еще рано. Я подожду, пока он тебе не надоест...

Через два дня отвергнутый царицею острова Одиссей был утешен ее наперсницей Альс. Черноволосая стройная нимфа с загадочной улыбкой на продолговатом бледном лице с предупредительным почтением отнеслась к исканиям пожилого героя, и последний снова почувствовал себя жизнерадостным и веселым. Скрывая свою страсть от царицы Цирцеи, любовники сговорились бежать с утесистой Эи на Счастливые острова.

— Там, о герой, — говорила Альс, — нет дикого темного леса, которым, как щетиной, зарос остров Цирцеи, переполненный стадами зверей, бывших прежде людьми. Поля на тех островах сплошь покрыты цветами, а от полднего зноя можно укрыться в беседках из кустов олеандра. Невиданные тобою плоды растут на тенистых деревьях, и отягченные ветви их сами клонятся в сторону путника. Аромат этих плодов приятнее запахов нектара и золотистой амброзии. Там, Одиссей, ты будешь вечно блаженствовать с преданной тебе, знающей все тайны любви волшебницей Альс.

И Одиссей, опасаясь коварных козней со стороны разлюбившей его Цирцеи, добровольно дал новой своей любовнице себя обратить в могучего золотистого жеребца, который фыркал от радостной гордости, ощущая на хребте у себя прекрасную ношу.

Мимо Цирцеи и Телемака проехала на нем Альс к отлогому спуску в мерно шумящее море. Раздувая широкие ноздри и подняв светлую гриву, с громким и бодрым ржаньем вошел воображавший себя мощным кентавром царь Одиссей в увенчанные пеною волны.

Отойдя от берега, пустился он вплавь по направлению, указанному ему бесстрашною всадницей, и плыл до тех пор, пока под копытами у него не показалось твердое дно неподалеку от берегов желанной земли...

Но неосторожен тот, кто доверяется волшебницам нимфам. Черноволосая Альс с загадочною улыбкой на продолговатом бледном лице предпочла не возвращать герою его прежнего облика, и никто из жителей каменистой Итаки не встречал более своего бывшего царя Одиссея...

Телемак остался один в гостях у Цирцеи. Чародейка сказала ему, что Одиссей убежал с нимфой Альс, и это успокоило молодого героя. Объятия гордой Кассифоны, а затем и опытной в любовном искусстве дочери Гелиоса заставили его забыть обо всем. Молодого человека не смущало даже напоминавшее ревность враждебное чувство окружавших обеих волшебниц диких зверей. Сын Одиссея был храбр и, не мигая, с сознанием своего человеческого превосходства, смотрел в коричнево-желтые глаза бивших с глухим рыканьем хвостами о бедра барсов и львов.

Но перед дочерью Гелиоса ему приходилось смирять свою гордость. Телемак догадывался, что царице Эи удалось какими-то чарами сделать его рабом ее прекрасного тела. Цирцее, казалось, доставляло порой удовольствие помыкать Одиссеевым сыном, обращаясь с ним, как с игрушкой, которую она то уступала дочери, то неожиданно требовала себе.

В своем высоком каменном доме с раззолоченным входом и расписными стенами она мучила влюбленного в нее Одиссеева сына, как кошка попавшегося ей в когти мышонка, то осыпая его нежными ласками, то приказывая уйти и оставить ее одну на высоком ложе из черного дерева, к каждой ножке которого было приковано на золотой длинной цепи по рыжему льву.

— Ты надоел мне, сын Пенелопы. Сходи посмотреть, не соскучилась ли по тебе моя дочь, — говорила в таких случаях Цирцея своему любовнику, который хорошо знал, что Кассифона относится к нему со скрытым презрением.

Однажды, возмущенный насмешками царицы, Телемак не пожелал подчиниться ее приказанию уйти.

— Берегись, сын Пенелопы, как бы не постигла тебя за твое неповиновение участь отца, — надменно простирая руку к нему, произнесла огненно-рыжая дочь Гелиоса.

— Так это ты виновата в пропаже отца?! Говори сейчас, как ты его погубила?! — воскликнул молодой человек.

— Я не губила царя Итаки! Я лишь подарила его своей прислужнице Альс, и та пользуется им, как конем. Ему вовсе не так уж плохо, как неплохо и матери твоей Пенелопе, которую я отдала в наложницы Телегону...

— Ты лишила меня и нежной дружбы отца и чистоты моей матери, завистливая, злая колдунья! — вскричал весь охваченный негодованием и гневом Телемак.

— Чистоты матери! — последовал полный обидного смеха ответ. — Наивный юноша! Ему до сих пор неизвестно, что во время поездки его в Пилос и Спарту у Пенелопы родился ребенок, которого женихи насмешливо называли «Пан», ибо каждый из них имел право считать себя отцом этого пропавшего при возвращении Одиссея дитяти...

С диким криком, потрясая попавшимся под руку тяжелым светильником, метнулся при этих словах сын Пенелопы к ложу царицы и, прежде чем та успела спрыгнуть оттуда, чтобы искать спасения в бегстве, ударил в голову дочь Гелиоса. Ярость удвоила силы, и белизна тканей, покрывающих ложе, окрасилась кровью из раздробленного черепа божественной нимфы.

Увидев затем, что он совершил, Телемак соскочил в ужасе на пол, чтобы бежать прочь от страшного зрелища. Но сын Одиссея забыл про прикованных к ложу, украшенных черною гривой львов. Один из них, оскалив грозно клыки и ощетинаясь, присел, чтобы прыгнуть, но герой предупредил его ударом светильника. Лев упал и, задержав ногами, остался на месте. Но в это время Телемака свалил тяжким прыжком сзади другой. Этот другой накрыл Одиссеева сына тяжестью тела и, не причиняя герою вреда, не давал ему встать. На рев львов в высокий терем царицы одно за другим стали показываться испуганные лица служивших Цирцее дочерей протоков и рек.

Наконец, вошла, в сопровождении двух огромных серых волков, Кассифона. С мечом в руках, остановилась она на мгновение на пороге, бросила взгляд на неподвижно скорчившееся тело своей матери и молча, с зловещим видом, направилась к Телемаку. Схватив своего мужа левой рукой за кудрявые мягкие волосы, дочь Цирцеи наклонилась, запрокинула ему голову и медленными движениями руки, по временам приостанавливаясь, перерезала горло молодому герою его же мечом, оставленным им у нее накануне в маленькой хижине с тростниковой остроконечною кровлей...

Глухо рычавший лев, как бы понимая, что происходит, продолжал все время лежать на Одиссеевом сыне, пока не прекратились содроганья его.

Затем он поднялся и, прижав уши, прогнал грозным оскалом зубов слишком близко подошедших волков Кассифоны, после чего жадно стал лизать языком темную лужу, расплывавшуюся около шеи, которую обвивали недавно белые руки двух божественных нимф.

Одна из них, с изувеченным, ужасным лицом, лежала среди напитанных почерневшею кровью покрывал широкого ложа. Другая, с выражением нечеловеческой злобы на обрамленном огненно-рыжими кудрями лице, топтала останки Одиссея сына Телемака.

ДАФНИС

Дафнису было всего несколько дней, когда пастухи нашли его в лавровых кустах у подножия Этны и познакомили плакавшего громко ребенка со вкусом козьего молока.

Так как альсеиды — нимфы долин и лесные девы-гамадриады нередко подкидывают своих новорожденных детей пастухам, то и Дафниса стали считать порождением нимфы. Пастушки, воспитывавшие ребенка вместе со своими детьми, дивились его темносиним глазам и шептали тихонько друг другу, что если и можно сомневаться в происхождении мальчика от нимфы, то его отцом все-таки непременно был один из бессмертных богов.

Когда Дафнис подрос настолько, что в состоянии был помогать пастухам караулить по склонам Этны любящих объедать молодые кустарники коз и целыми днями стал пропадать вместе с другими детьми в горных тущобах, ему случалось однажды встретить в полдневный зной одного из сельских богов. Из темного заросшего у входа кустарником грота, возле которого дети подняли шум, послышался вздох, как будто кто-то протяжно зевнул. Почти вслед за тем из зарослей дикого винограда показалась увенчанная рогами голова мохнатого бога. Бог этот захохотал так громко и страшно, что дети, не помня себя от ужаса, как испугнутые воробьи, бросились в разные стороны. Один Дафнис остался на месте и с любопытством глядел на вышедшего из пещеры пробужденного от полдневого сна козлоногого Пана.

Видя, что ребенок его не боится, бородатый сын Гермеса взял Дафниса да руки, поднял и стал внимательно разглядывать его лицо. Бессмертные и дети бессмертных умеют друг друга узнавать по глазам. И бог Пан наверно узнал, кому приходится сыном бесстрашный синеокий ребенок, потому что не только не рассердился за прерванный сон в час, когда вкушает покой вся природа, но нежно поцеловал мальчика в лоб и назвал его маленьким братом. Затем он пригласил Дафниса в грот и угостил там сотами, полными золотистым, приятно пахнущим

медом. К вечеру, сидя на мохнатых коленях благодушного бога, мальчик уже перенимал у него незамысловатый напев на искусно сработанной флейте. Дафнис так выразительно глядел на нее, что провожавший его вечером к жилью пастухов козлобородый сын нимфы Дриопы, прощаясь со своим новым знакомым, подарил ему флейту.

— Возьми с собой эту певучую трость. Вижу, что ты непременно украд бы ее, если б я не порадовал тебя этим подарком, маленький брат. Приходи ко мне чаще. Я познакомлю тебя с горными нимфами. Но никому не рассказывай, что ты бываешь со мною.

И с тех пор юный подпасок привязался к Пану, как к старшему брату, свято храня тайну свиданий своих с богом горных скал и лесистых ущелий.

Козлоногий сын Гермеса научил Дафниса многим тайнам, известным лишь самым мудрым из пастухов. Мальчик стал уметь заговаривать кровь и заставлял коз повиноваться ему с первого слова. Волки не смели трогать стада того, кому покровительствовал великий Пан, собаки же понимали все, что мальчик шептал им в мохнатое ухо, и, караулили коз так же ревностно в отсутствие своего господина, как и при нем...

По мере того, как Дафнис становился из мальчика отроком, ему все более нравилось смотреть, как пляшут при лунном свете горные нимфы. Так как он являлся сперва на место их плясок в сопровождении Пана, то ораеды не дичились его и допускали даже в свой хоровод. То вторя на флейте свирели козлоногого сына Дриопы, то сам сплетая руки свои с нежными руками легкою поступью пляшущих нимф, Дафнис был счастлив, как бог.

Его игрою на флейте заслушивались не только нимфы, но и смертные люди. Вздыхали, опершись на длинные посохи, юные девы, пасущие овец в обильных травую долинах. Старцы шептали друг другу, что они не запомнят так правильно сложенного тела и таких божественно плавных движений. Пожилые женщины плакали украдкой, после того как взгляд их встречался с темносиними глазами Дафниса, и проклинали в душе годы свои.

И напрасно звонко смеялись при виде его наиболее резвые из пастушек, напрасно приглашали они отрока по вечерам в свой незатейливый, но веселый и шумный хоровод. Гордый своею тайною близостью к Пану и ораедам и никогда еще не любивший, Дафнис не желал

принимать участия в плясках и играх сверстников и сверстниц своих.

Но и его час был уже близок.

В один прекрасный солнечный день, когда начинал уже спадать я зной, над сицилийским берегом пролетал на голубиных крыльях своих мрачный и недовольный Эрот. Мать застала его на Олимпе за азартной игрою в кости с Ганимедом и Гермафродитом.

— Так-то, сын мой, ты исполняешь мои приказания?! Вместо того, чтобы, творя волю мою, поражать золотыми стрелами любви человеческий род, ты проводишь время в праздных забавах!.. Сейчас же лети в Сицилию! Я сейчас была в великолепном храме на Эриксе, и сколько слезных молитв услышала там от жаждущих трепетных ласк белохитонных девиц! Неужели я, вкусив аромата ворохами принесенных мне роз, не исполню мольбы юных красавиц Сицилии?! Лети же туда и, если юноши не обращают страстных взоров на дев, заставь их любить своими золотыми стрелами! Если же я вновь услышу их жалобы, — верь мне, — отниму и лук твой, и стрелы, и даже эти игральные кости!

Так говорила в праведном гневе своем богиня любви...

Не прощаясь со своими товарищами по игре, так как они давно скрылись, боясь Афродиты, Эрот вздохнул, надел золотой красивый колчан, взял с расписной колонны привешенный к ней гибкий лук и полетел чрез синезеленое море.

Когда юный бог пролетал над предгорьями Этны, взор его пал на притаившуюся между кустов темноволосую, с гибким станом, молодую пастушку. Тяжело дыша от охватившей душу ее страсти, смотрела Номия на игравшего неподалеку на флейте под буковым деревом Дафниса.

Улыбка, сходная с той, которая озаряет охотника, увидевшего вблизи от себя давно желанную дичь, показалась на лице сына Киприды. Мягким движением руки достал он из колчана стрелу с золотым острием, посмотрел еще раз на Номию и натянул тетиву. Еще миг, и стрела незримо вонзилась в сердце под буком сидевшего отрока.

Он кончил играть и встал. Неведомое дотоле чувство наполняло ему все его существо. В груди замирало и сладостно ныло сердце, а уста горели желанием прижаться к неизвестным еще золотисто округлым плечам и белой груди.

Незримый, с той же безжалостной улыбкой охотника, поднял Эрот покорную руке его Номию за черные волосы и с силой толкнул на-

встречу идущему к ней Дафнису.

Оба они остановились друг против друга, и Дафнис положил руки на плечи Номии. Эрот еще раз усмехнулся и полетел отыскивать новую жертву.

Отрок же, отдаваясь охватившему его тело желанию и позабыв обо всем, приблизил уста к похожим на темно-алые вишни губам черноглазой и золотистым загаром покрытой сицилианки...

Ей он стал отдавать все свои дни. Для нее позабыл прекрасный отрок о козлоногом брате своем и даже о ночных хороводах ореад. Стадо свое он стал пасти в долинах, поближе к овцам всецело овладевшей им Нонии.

Неожиданно для самой себя снискавшая страсть самого красивого из пастухов, гордясь победой своей, смуглая дева ни на шаг не отпустила от себя мягкокудрого отрока. Вместе с ним приходила она по вечерам на то место, где плясали обычно со своими возлюбленными юные пастыри. Остановившись в сторонке, так чтобы все могли их увидеть, и не принимая участия в пляске, клала Номия украшенную белыми цветами черноволосую головку свою на плечо спутника и с тихой улыбкою счастья слушала, как он, шепча ей речи любви, уговаривал уйти с ним подальше от любопытных взоров толпы.

Оставаясь наедине с Дафнисом, дева, как бы не веря в прочность связующей их любви, требовала от него клятв в постоянстве.

— Скажи, что ты мне никогда не изменишь, — просила она, отдавая тело свое подобным цветку олеандра устам прекрасного отрока. — Поклянись мне в этом всеми богами Олимпа!

— Клянусь.

— Поклянись, что ты мне не изменишь, даже если бы тебя соблазнила сама Афродита.

— Клянусь. Ты для меня прекраснее и Афродиты и всех прочих богинь!

Отрок не знал, что его слова невидимо слышит бессмертная, имя которой он произнес. Крылатый сын хвастался пафосской богине, что золотою стрелю своей заставил влюбиться отрока, прекрасней которого ему не случалось видеть в Сицилии.

— Разве совершенно чуждый любви, этот пастух не растает теперь с девой, с которою я случайно его соединил. Целыми днями сидит он в буковой роще, на месте первой их встречи, возле ручья, стекаю-

щего с одетой зеленью Этны. Полетим туда, и ты сама увидишь его, — предлагал своей матери, желая снискать улыбку ее, золотистокудрый Эрот.

И случилось так, что богиня в сопровождении сына прилетела в тот самый миг, когда Дафнис произносил свою клятву.

Афродита устремила строгий, внимательный взор на обоих любовников. Отрок, действительно, был безупречно красив и, судя по некоторым признакам, происходил от богов. Черты обнимавшего его смуглянки Номии далеко не были столь же правильны, и она в сравнении с обнимавшим ее Дафнисом казалась самой обыкновенною, хотя и миловидною пастушкой.

— Сын мой, — сказала богиня, — ты поступил неосмотрительно, соединив божественной крови отрока с девой неравной ему ни по происхождению, ни по красоте.

— Мать и богиня моя, — возразил Эрот, — разве боги и даже богини не соединяются зачастую с неравными им по крови людьми. Ты сама...

— Сын мой, ты поступил небрежно! Прекрасному отроку надо было подыскать боле достойную пару... Я сама, впрочем, позабочусь об этом. Ты же немедленно прерви их любовь, охладив сердце ему свинцовой стрелой.

Сказав это, Киприда скрылась в сумерках наступающего вечера, так как ей почему-то был неприятен вид обнимавших друг друга Номии с Дафнисом.

Эрот не спеша достал из колчана несколько стрел, выбрал из них ту, что свинцовым своим острием отвращала любовь, наложил на тетиву и, целясь, начал натягивать лук... Послышался свист, и стрела ударила в сердце волнистокудрого отрока.

— Почему ты вздрогнул? — спросила расположившаяся рядом с ним на плаще из овчины смуглая Номия, приподняв на локте свою миловидную головку с белыми помятыми цветами в слегка растрепавшихся черных волосах.

— Вероятно от холода. В воздухе повеяло сыростью, ночь близка, и в селении давно ожидают наших коз и овец.

— Мне кажется, еще рано... Впрочем, пойдем. Сегодня ты как будто недостаточно ласков со мною... Но если ты полюбишь другую, — добавила Номия, подымаясь на свои стройные загорелые ноги, — даже

если ты станешь только заглядываться на кого-либо, кроме меня, — знай, я выколю тебе оба глаза и на миг не пожалею их синевы.

Собрав свое стадо, молча и медленно зашагал рядом с Номией, гнавшей овец, задумчивый Дафнис. В сердце отрока закралось сомнение, действительно ли он любит ту, которой только что клялся в любви...

С этих пор юный пастух стал стремиться, уединясь где-нибудь среди поросших кустарником скал, отдаваться мечтам. О чем — он и сам не сумел бы себе объяснить. Он чувствовал только, что не любит более Номии. Ночные смутные сны обещали ему какую-то новую, жуткую, но желанную любовь.

Предчувствие не замедлило сбыться.

Однажды, когда Дафнис, угнав своих коз подальше от поля, где паслись овцы Номии, сидел на нагретых солнцем утесах зеленеющей Этны и тихо играл на Пановой флейте, он увидел идущую к нему из лесу высокую девушку, одетую в городское пестрое платье и с дорожным посохом в правой руке.

— О, пастух, — обратилась к нему, приблизившись, путница, — скажи мне, не знаешь ли ты юного Дафниса, что пасет, говорят, своих коз на предгорьях Этны. Если известно тебе, где он живет, покажи мне дорогу к нему. Давно уже ищущий я его среди здешних скал и ущелий.

Дафнис смотрел на говорившую и не верил глазам. Эта величественная златокудрая дева с блестящими украшениями на голове и груди, огнецветном плаще и богатых пурпуровых сандалиях искала его.

— Кто бы ни была ты, — начал он, — богиня или смертная знатнорожденная дева, ты пошла верным путем. Дафнис, которого ищешь ты, — пред тобою. Другого с этим именем нет среди пастухов в наших краях. Скажи мне теперь, кто ты и почему искала меня?

— Имя мое Химера. Я — дочь царя Демоника, который правит в городе на морском берегу по ту сторону этой горы. Он получил недавно прорицание оракула, приказавшего ему, во избежание заразной болезни, грозящей стране, отправить дочь на поиски синеглазого Дафниса с тем, чтобы стать женою ему на том самом месте, где этот пастух пасет своих коз. Я вижу, юноша, что ты, — действительно, Дафнис, ибо, глаза у тебя блестящего темносинего цвета, а потому я готова исполнить приказание бога.

И спокойным движением белой руки назвавшая себя Химерою дева стала отстегивать золотую пряжку огненно-красного плаща на

своим покатом плече.

Дафнис продолжал глядеть ей в обрамленное золотом кудрей и подвесок лицо, с глазами цвета темной фиалки, и неожиданно вспомнил, что именно эти нечеловечески красивые черты чудились ему в ночной тишине, когда он лежал с закрытыми крепко глазами.

Шагнув навстречу Химере, Дафнис поцеловал ее в розово-алые губы и стал помогать немного смутившейся деве снимать сверкающее ожерелье с белой, ароматным елеем благоухающей шеи и украшенную цветными камнями диадему с мягкого золота волос...

На закате солнца Химера неожиданно стала прощаться, говоря, что ей надо идти обратно к отцу. Как ни уговаривал деву юный пастух остаться с ним навсегда, как ни просил он свою возлюбленную позволить ему проводить ее, хотя до ворот города, где правил ее отец Демоник, дева была непреклонна.

— Нет, оракул мне приказал идти туда и обратно без провожатых, — говорила она.

— Дай тогда мне еще раз поглядеть на твое лицо, ибо я боюсь, что никогда его вновь не увижу, — просил пастух.

— Смотри, — последовал короткий ответ.

И когда Дафнис впился взором в лицо так неожиданно подарившей ему пыл своей страсти Химеры, он вдруг вскрикнул и отшатнулся.

Лицо, которое он так недавно еще покрывал поцелуями, вдруг озарилось каким-то странным светом, и черты его сделались несколько иными, более неземными и прекрасными. Дева стала значительно выше ростом, сияние же до того ослепительным, что Дафнис не выдержал и зажмурил глаза.

— Прощай, пастух, и помни свою... Химеру, — послышался звонкий и нечеловечески смеющийся голос.

Когда Дафнис поднял ресницы, около него не было никого. Лишь аромат роз носился на том месте, где стояла его чудесная гостья.

Ярким светом блестела в вечернем небе звезда Афродиты. Дафнис не знал, что не он один имел возможность любоваться Химерой. Притаившись в зеленых кустах, вся дрожа от гнева и страсти, видела Номия свидание вероломного пастуха с приходившей к нему в пурпур и золото разодетой горожанкой.

Затаив в душе месть, покинутая Дафнисом возлюбленная стала вы-

ждать лишь удобного времени, чтобы ему отомстить.

И вот однажды, когда юный пастух спал в знойный полдень среди кустов олеандра, она развела поспешно огонь и, раскалив на нем бронзовый наконечник копья, подкралась к спящему и выжгла ему оба глаза.

С криком боли и ужаса вскочил ослепленный пастух, но пред ним была одна только красная тьма, и чей-то злой смех раздавался среди этой тьмы, становясь все тише и тише.

Потом смех стих вовсе и вокруг молодого слепца слышалось только блеяние коз...

Лишь поздно ночью отыскивали попавшего в беду товарища пастухи.

Лишившись зрения, Дафнис перестал пасти стадо. Из жалости к ослепшему юноше женщины и девы заботились о нем больше, чем прежде. Ибо даже и с повязкой на глазах Дафнис все еще был красив, а его флейта пела так страстно и жалобно, что все слушавшие певца невольно отирали порою на щеках свои слезы.

— Скажи нам, ты очень несчастлив, что не можешь более видеть ни синего неба, ни зеленой травы, ни ярких цветов, ни проникающих в сердце женских улыбок, — спрашивали иногда у молодого слепца любопытные.

— Нет, не жалею, ибо теперь всегда и везде я вижу одну лишь Хи-меру, — было постоянным ответом у Дафниса...

Узнав о беде, случившейся с тем, кого он называл своим маленьким братом, Пан был весьма опечален. Немедленно он дал знать на Олимп отцу своему, богу Гермесу, чтобы тот к нему прилетел.

Легконогий сын Майи, услышав зов Пана, не замедлил явиться, благостный и готовый исполнить всякую сыновнюю просьбу, только бы тот не приходил на Олимп и не вызывал видом своим насмешек и пересудов бессмертных богов.

Гермес не ошибся. Пан, действительно, обратился с просьбой к нему.

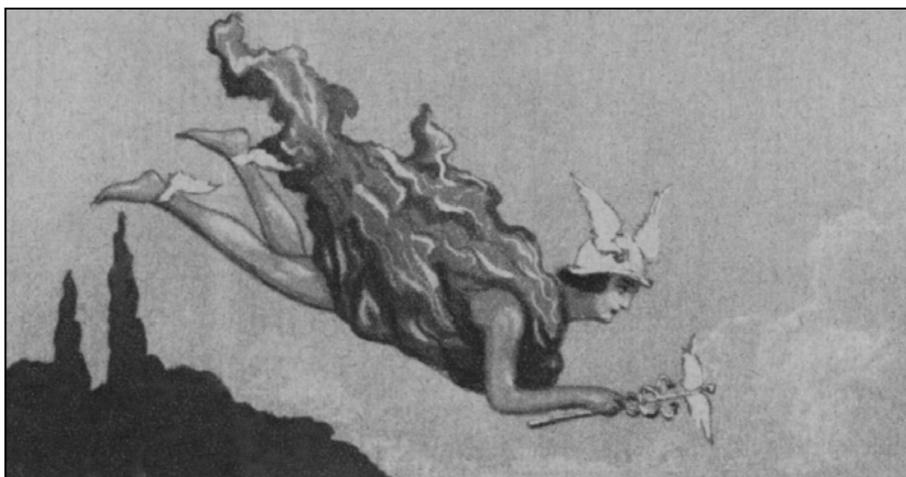
— Отец мой, защита твоя и покровительство, о которых я тебя буду просить, нужны не мне, а другому из рожденных от тебя сыновей... Скажи мне, отец мой, домогался ты когда-либо любви у дриад в лавровой роще у подножия Этны?

— Домогался, — после краткого припоминания ответил Гермес.

— И не без успеха? — продолжал допрашивать Пан.

— Да.

— В таком случае плод твоей счастливой любви сделался юношей с такими же, как и у нас с тобою, глазами. Ты ведь знаешь, таких темно-синих глаз не бывает у смертных. Теперь этих очей лишила его пастушка, приревновавшая юношу к самой Афродите. Дафнис, твой сын, так понравился ей, что эта богиня приходила к нему под видом царевны Химеры. Теперь надо его спасти от горя и нищеты. Он сын не какой-нибудь смертной, как Ганимед иди Вакх, а божественной нимфы, а по отцу — внук самому эгидодержавному Зевсу. Место ему не на земле, а на Олимпе, где Аполлон мог бы вернуть племяннику зрение.

— Ты говоришь верно, мой сын. Я сейчас же отправлюсь взглянуть на бедного Дафниса и затем, испросив позволение у отца и владыки, надеюсь поселить его на Олимпе.

Сказав это, бог в украшенном крыльями шлеме распростился с Паном и улетел...

Вечерние сумерки — любимое время Гермеса. Побывав у Кронида, незамеченный никем, пробрался тихим шагом сын Майи к большому камню, где поодаль от людского жилища сидел с флейтой в руках объятый печалью Дафнис.

— Милый мой сын, — начал Гермес, — время твоих испытаний окончилось. Я — отец твой, порождение Майи и громоносеца Зевса; твоя мать — одна из дриад (Гермес забыл ее имя).

— Сын бессмертных, ты должен вернуться к бессмертным. На Олимпе тебе возвратить зрение и ты лицом к лицу увидишь в золото обутой богинь.

— А увижу я на Олимпе Химеру? — спросил Дафнис, в голосе которого вовсе не чувствовалось радости.

— Ты отгадал, сын мой, среди бессмертных ты встретишь богиню, которая приходила к тебе под именем Химеры. Богиню эту зовут Афродитой.

— А, Афродита! Та самая богиня, которая равно улыбается всем бессмертным богам и всем им равно изменяет! Отец мой, правда ли, что она и Химера — одно?

— Правда, Дафнис. Девы, которую звали бы Химерой, сколь мне известно, не существует под солнцем.

— В таком случае, и я не хочу существовать. Отец мой, не уноси меня на Олимп! Дай мне возможность плакать и разлиться в слезах.

— Хорошо, сын мой. Как ни горько мне тебя потерять, еще горче было бы видеть тебя вечно печальным. Плачь же, сын мой!

И кадуцеем своим бог Гермес коснулся выжженных глаз, когда-то любовавшихся золотокудрой Химерой.

Из темных впадин на исхудавшем лице печального Дафниса полились в два ручья горячие слезы. Их было так много, что к утру на месте, где сидел отрок, люди нашли один только кристальносветлый источник.

Этот источник и по сие время зовут источником Дафниса.

ШЕПОТ
ПАНА

«Странник, не бойся меня. Не протягивай руку к оружию. Никакого вреда не причинит тебе сын стыдливой Дриопы и легконогого Гермеса. Отдыхай. В полуденный зной спит вся природа. Когда-то спал в это время и я; но с тех пор как пастухи окрестных селений обходят пещеру мою и на камни, возле которых лежит теперь твоя голова, не проливается больше горячей струей козлиная кровь, с тех пор как меня неизвестно за что стали бояться и избегать, мне бывает грустно в эти часы, и я люблю пожертвовать сном для дружелюбной беседы с дремлющим путником... Не трудись подыматься! Меня ты все равно не увидишь. Мой голос — жужжание пчел, щебет птиц, лепет листьев и журчанье ключа... Речи мои понятны только в дремоте.

Покойся! Тебя охраняет внук олимпийца Зевеса. Ни змея не подползет, чтобы тебя укусить, ни вор не украдет твоей скромной котомки... Возле тебя лежат таблички с папирусом? Каким его тонким и плотным делают нынче... Не беспокойся, я не позволю ветерку унести этих исписанных страниц. Я никогда не умел разбирать того, что изображено здесь темными знаками... — «Стихи», говорят мне в ответ твои сонные мысли?... — Что ж, я всегда любил певцов и поэтов. Когда-то давно, один из них, родом неподалеку отсюда, сложил в честь мою гимн. Он начинался так:

Ныне, о муза, воспой любимого Гермесом сына.
Он, двурогий, шумлив и на козких ногах по равнинам,
Лесом заросшим, водить хороводы с нимфами любит.
Те, обрывистых скал пятой попирая вершины,
Пана зовут, пастухов пышнокудрявого бога...

В юности этот певец не раз бывал под здешними сводами, и так как он нравился мне, я играл ему на свирели... Потом, говорят, он ослеп и умер в лишениях...

Да, прежде меня не боялись, а любили и почитали. Ибо я никому не вредил, а приносил только пользу.

Звероловам я нагонял дичь в их тенета, и они считали меня своим покровителем. Пчеловоды молились мне, чтобы я не давал улетать далеко роям и указывал дупла, где укрывались с гудением ульи. Но чаще всего меня призывали к себе пастухи. Они больше всех остальных приносили мне жертв. В былые года почти на каждой покрытой лесом гор-

ной вершине тихо качались под ветром на сучьях раскидистых сосен шкуры заколотых мне тучных козлов. Одни из них были только что содраны, и черная кровь капала с них на слой прошлогодней хвои; другие давно уже высохли; от дождей и солнца осыпалась прежде лоснистая шерсть, и запах тленья тонкой едва уловимой струею мешался со смольными ароматами сосен...

Но зато на пастухов мне и больше всего приходилось работать. Надо было отгонять от стад хищных волков (как будто для этого мало было собак), пригонять заблудших козлят и, что самое трудное, помогать плодиться стадам. В двух-трех местах желавшими сделать мне удовольствие пастухами составлены были столбы с деревянной резной головой наверху, столь страшные с виду, что я сам первое время боялся ходить мимо этих изображений, особенно под вечер. Дело в том, что кроме воткнутых сверху огромных рогов и бороды большого козла во всем остальном эти идолы напоминали очень бога садов, и напряженно грозный их вид заставлял меня сторониться, пока, наконец, я к ним не привык... В те года, если стада плохо плодились, мне случалось слышать угрозы, а изваяньям моим — даже терпеть порою насилия. Я сам видел однажды, как дикари-пастухи одно из них бичевали и предавали его поруганию...

Зато в счастливые годы у меня голова кружилась от дыма принесенных мне жертв; я пьянел от запаха крови, а истуканы мои лоснились от жиру, которым их натирали...

По вечерам я любил иногда, не разбирая дороги, всползти по утесам на гребень ближайшей к морю горы и оттуда смотреть на город, который некогда был расположен у берега.

Там, где теперь у обмелевшей, илом затянутой бухты стоят две-три жалкие хижины ведущих однообразную жизнь рыбаков, когда-то на устланных мрамором улицах толпились шумя и крича на разных наречиях десятки тысяч людей. Цветные платья женщин, блеск оружия воинов, песни матросов и еле слышное гудение бубна радовали издали мне взоры и сердце. Я любил созерцать этот город, когда заходящее солнце пурпурным золотом обливало ярко сверкавшие бронзою кровли дворцов и мраморных храмов с величественными изображениями богов и героев. Я привык к городу и любил его жителей.

Никто из них никогда не терпел от меня обиды в этих ущельях, никто не имел права сказать, что сбить мною с пути. — Ни один ре-

бенок, заблудившийся в горах, не был мною покинут без помощи. Всегда выводил я их к морю или к жилью пастухов.

И население страны платило мне уважением и любовью. Обитатели соседних селений и городков доверяли мне даже такое трудное дело как испытание дев, чья невинность была опорочена злою молвою.

В сопровождении шумной толпы, жрец вел одетую в льняную длинную тунику девушку, с пурпуровой повязкою в волосах.

Босыми ногами, держась за обвивавший тунику пурпуровый пояс, с опущенным низко лицом, тихо вступала она под сень моего священного грота и со страхом в сердце шла в его глубину, где скрывалась из глаз оставшейся поодаль толпы...

Я любил этих девушек с горячим пылавшим лицом и сердцем, громко стучавшим под мою мохнатой ладонью... Если дева была непорочна, я должен был ее отпустить, украсив венком из свежих сосновых ветвей и играя нежно на семиствольной свирели. Когда же я убеждался, что она ложно себя именует не знающей ложа мужчин, я мог оставить ее у себя навсегда. Девушка сама, обыкновенно, не желала возвращаться обратно без венка из сосны и звуков свирели. Сколько вздохов, просьб и молитв приходилось выслушивать мне во мраке этого грота. — «О, Пан, о любимый мой бог! Всегда буду я тебя чтить. Долгие годы буду вешать свежий венок из белых и пурпурных роз на твое полное мужских сил изваяние!»... Сколько ласк мне расточалось, и я порою не в силах был устоять против них. Легкие руки, за миг перед тем гладившие нежно мне шерсть, снимали с моей головы сосновый венок, а горячие губы, покрывая меня поцелуями, шептали прерываемые глубокими частыми вздохами просьбы: — «Милый, сыграй мне теперь на свирели!... Без твоей сладкой игры не хватит сил у меня выйти из грота!»...

И под переливы нежной свирели, которую рассказывал я тем, кто умел понимать, все бывшее в гроте, с торжеством выходила к народу, скромно потупив блестящие очи, нежная дева. Гулом приветственных криков и рукоплесканиями встречали долго ее ожидавшие жители города. Прекращались шутки, шепот и спор, и все устремляли полный благочестивого умиления взор на венец из свежей сосны над розовым от смущенья лицом...

Но никогда не следует уступать женским мольбам! Не верь, о странник, обещаниям пурпурных уст, дарящих тебе поцелуй, обещают ли они

тебе вечную страсть, или только розовый благоуханный венок... Один только раз увенчала им мужественную мощь мою дева, но ее никто не подозревал в принесении жертвы Афродите. У нее не было красиво лицо, но я пленился этим лицом, когда оно омывалось слезами... Эта девушка не преминула украсить мое изваяние цветами Киприды... Но ее вскоре выдали замуж далеко от родины... Все же остальные забывали обыкновенно сдерживать клятвы свои... Мало того, благодаря их болтовне, про меня стала ходить дурная молва. В городе заговорили, что бог Пан берет взятки, что его посулами можно склонить показывать ложное... Я сделался строже и не хотел играть тем, кто игры не заслуживал. Я прятался вместе со свирелью моей в самые темные уголки этого грота от преследовавших меня мольбами своими девиц, отталкивал их и, если они не хотели уходить обратно к толпе, поздно вечером выводил их через другой скрытый в кустах тесный выход в долину, где их уже дожидался обыкновенно любовник...

Но одна из таких дочерей этого города безвозвратно погубила добрую славу мою. После неудачных попыток меня обольстить, она, разорвав себе тунику и растрепав волосы, в растерзанном виде выскочила из грота, крича, что я домогался ее любви в уплату за сосновый венок и игру на свирели. Когда же она мне отказала, я, будто бы, овладел ею насильно. Бывшие в толпе друзья этой девы, хотя и хорошо знали цену рассказу ее, стали шуметь и громко меня обвинять в корысти и лжи...

Это так возмутило меня, что я пришел в гнев и громким внезапным воплем своим навел такой страх на толпу, что она в тот же миг метнулась вон из ущелья, в безумном страхе давя тех, кто упал.

После этого случая окрестные жители редко решались меня вопрошать о чистоте своих дев. Большею частью они обращались на суд божества соседней реки... Теперь не шумят уже по камням в соседней долине ее холодные струи. Они иссякли, и сама прекрасная нимфа этой реки отошла вместе с ними туда, где царить мрачный Гадес. Ты наверно не знаешь истории нимфы Родопис, хотя я и рассказывал ее некогда одному бродячему поэту, побывавшему в этих местах. Он говорил, что его зовут Тацием...

Так вот, еще в те времена, когда царили здесь олимпийцы, одной из самых любимых спутниц Артемиды была презиравшая мужчин девушка по имени Родопис. В высоко подобранной тунике, с колчаном, полным бронзовых стрел, за спиной и острым дротом в руке, гонялась

она вместе с богиней за рыжими львами и легконогими ланями. Лай охотничьих псов был ей приятней разговора мужей, и она дала даже клятву при алтаре Артемиды-Охотницы никогда не приносить унижительной жертвы Киприде.

Когда эта клятва дошла до слуха матери Эроса, Пенорожденная была очень прогневана таким непокорством и вознамерилась наказать горделивую деву.

В том же городе жил молодой человек, столь же превосходивший своей красотой всех юношей, насколько Родопис была прекраснее дев. Подобно ей Эвтиник предавался охоте и подобно ей отвергал дела Афродиты.

В сопровождении Эроса, богиня направила полет свой в тот лес, где охотились ни разу не встречавшиеся дотоле дева и юноша. При виде Родопис, которая целилась в лань, Афродита сказала своему крылатому сыну: «Вот она, сын мой! Стрелой своею заставь полюбить ту, которая отвергает наши дела. Заставь ее покориться воле богов».

И золотая стрела с именем гордого юноши, сверкнув из лука юного бога, поразила Родопис в самое сердце, в то время, как сама отважная дева свалила бронзовой стрелой быстроногую лань. В тот же миг из лесу вышел прекрасный как бог Эвтиник.

И третья стрела, на которой написано было «Родопис», вонзилась незримо в грудь молодому охотнику. Дева и юноша подняли взоры и, нежданно увидев друг друга, воспламенились взаимной любовью.

Взявшись за руки, долго смотрели они друг другу в глаза. Потом я видел, как слабых и томных, словно пленников, повлек их за собою Эрот... Они шли. Голова Родопис была на плече Эвтиника, обвивавшего стан девушки, дотоле отвергавшей мужчин. Впереди манило заросшее темного зеленью отверстие грота. И там нарушены были обеты обоих...

Странник, ты никогда не слышал победоносного смеха Киприды! Я его слышал. Этот хохот ужасен. Он тише свиста змеи и громче рычания льва. Сами боги, заслышав его, трепещут как листья деревьев под дыханием знойного ветра...

Смех Афродиты достиг до слуха Делосской богини. Возвратившись, узнала она о торжестве Амагузии.

Твердой стопой со строгим лицом молча притекла девственная сестра Аполлона в нашу долину и зорким оком открыла в вечерних су-

мерках кравшуюся сквозь заросли ив на ночное свидание Родопис.

И гневно остановив деву, богиня ударила ее несколько раз по округлым плечам изогнутым луком.

— Вот тебе за нарушение клятвы! — воскликнула дочь тихой Латоны.

Схватив затем Родопис за пышные косы, повлекла ее Артемида к темному гроту, бывшему свидетелем нарушения клятвы.

Что происходило там, я не знаю, ибо избегал тогда встречаться с Богиней-Охотницей, которая кое за что была мной недовольна... Но, немного спустя, из пещеры заструился чистый как слезы, прозрачный поток, медленно покотившийся по зеленой долине.

Выйдя из грота, Артемида сказала следом за ней собравшимся нимфам:

— Пусть участь виновной будет уроком для вас. Нарушившая обет чистоты станет теперь на страже ее. На суд этих струй пусть идут сюда девы, про которых говорить обидно молва. Девушка, оскорбленная ею, пусть приходит в сопровождении родных и знакомых к этому самому гроту и в присутствии всех начертает на воске таблички клятву о своей чистоте. С одною этой табличкой на шее войдет она в струи потока, и, если клятва ее лжива, волны его с шумом покроют собою вероломные строки. Если же дева чиста, уста новой нимфы будут незримо целовать ей колени в струях потока. О таковой воле моей скоро возвестит оракул в Эфесе...

Но разве мог кто-нибудь, бессмертный или смертный, достичь послушания женщины? Сделавшись нимфой потока и судьей своих бывших подруг, Родопис скоро нарушила волю богини. И если девушка, чья невинность была заподозрена, приходила к ней на берег накануне дня испытания поплакать в надвигавшихся сумерках, дева эта могла быть уверена, что ее тайные мольбы будут услышаны снисходительной нимфой. В таком случае вода почти никогда не подымалась до таблички, висевшей в том месте груди, где кончается загар и начинается белое тело, но, тихо журча, упала ниже колен, дабы все могли видеть засвидетельствованную ею невинность.

Но о нарушении нимфой долга судьи стало, наконец, известно Артемиде. В ночной темноте, когда луна была скрыта черными космами туч, явилась богиня к нежно звенящим струям потока, приняв, на себя скорбно потупленный вид девушки из ближнего города. Став на бере-

гу и скрыв грозный бич в складках одежды, нежно просительным голосом воззвала богиня к нимфе реки: «О, Тихоструйная, сжался! Не дай мне стать жертвой позора! Доброе свидетельствуй о мне народу, который завтра придет на твои благословенные берега!»

И вот, из воды показались голова и серебристо-бледные плечи нимфы Родопис, которая, склоняясь на мольбы, вещала ласковым голосом:

— Не бойся, о, девушка, не выдам я тайны твоей. Без страха приходи завтра к светлым струям моим!

— Так-то ты, презренная, исполняешь волю мою! Дочь великого Зевса дерзнула ты обмануть! — гневным голосом вскричала Артемида, и безжалостный бич ее стал хлестать по нежному телу нимфы Родопис.

Только стонами и бессильной мольбой ответствовала та на гневные вопли и удары богини, тщетно пытаясь смягчить ее ожесточенное сердце. Но ярость дочери Лето не утихала, и струи потока окрасились розовой кровью злосчастной Родопис.

Через три дня они вовсе иссякли, и бедная нимфа, говорят, удалась отсюда под темные своды Тартара, где не могла достигнуть ее злоба Артемиды.

Таково было старое время, о, странник, когда на земле можно было видеть великих богов, воля которых вплеталась в жизнь населяющих эти страны людей...

Я заговорился с тобою. Колесница Солнца уже склонилась к закату. Скоро наступит вечер и прохладой своей оживить на время тусклые тени обитавших здесь некогда нимф... Бойся тогда оставаться, о, смертный, в этой долине. Они так жаждут жизни, что могут даже выпить твою, если ты поддашься их нежному шепоту, прелести плавных движений и молящему зову очей. Ты станешь хиреть, и близкие твои скажут потом, что ты захворал и умер от лихорадки... Проснись! Пора тебе в путь!...»

Легкий толчок заставил меня вздрогнуть и пробудиться. Вокруг не было никого. Где-то вблизи журчали струи ключа. В ветвях прыгали с чириканьем птицы. Со стороны моря пахло прохладой. Олеандры в болотной ложине шире раскрывали лепестки своих розово-белых цветов...

Я взглянул на часы, затем на компас и карту и сообразил, что мне следует торопиться, дабы успеть добраться по горным тропинкам до

наступления полного мрака к лежащему возле самого берега моря небольшому селению, о котором бог Пан говорил с моими сонными мыслями.

И когда я тронулся в путь, где-то за спиной моей раздалось, как бы провожая меня, полное жалобной грусти блеянье козла...

ГОЛОВА
МЕДУЗЫ

Сумерки уже спустились на землю, когда я вошел в пустую круглую комнату, где на черной подставке белела, мерцая во мраке, голова Горгоны-Медузы. Вечерняя мгла скрыла следы жестоких царапин и шрамов на ее правильно-гордом лице; исчезло с него выражение ужаса; змей в волосах не было видно; на губах же, казалось, играла полная тихой скорби улыбка.

Можно было подумать, что этот обломок некогда славной мраморной статуи мыслил и знал, что я приду его заклинать в час надвигавшейся тьмы, когда просыпаются души немых изваяний. Убедившись, что все двери закрыты, я стал перед лицом Горгоны-Медузы, обвел вокруг себя мелом черту и, наблюдая, чтобы моя тень не переступала пределов этого круга, привычной рукой изобразил нужные знаки. Отрешившись затем на время от всяких дневных волнений и мыслей, я тихим голосом мерно и плавно сказал слова заклинания. Всею душой я стал призывать прекрасный прообраз всех изваяний Медузы, дабы он, низойдя, вступил в общенье со мною. И долго просил я, долго молил, долго пытался заставить сделаться явным и зримым бессмертный двойник, предвечную форму змееволосой дочери Форка, но она не предстала перед очами моими, и лишь беззвучные речи жестоко погубленной девы мог я вызвать из ревнивого мрака в душу мою...

— Что тебе надо, северный варвар?! Зачем потревожил ты сон мой?! Мне так отрадно было переживать в сладостной грезе раннее детство мое, когда не думала я о любви, когда не знала позорной муки насилия и не встречала ни той, кто погубила меня, ни того, кто был причиною казни моей!...

— Знаю, Змееволосая, тебя погубил сын Данай, аргосец Персей. Кривым лезвием меча своего он разрубил твою прекрасную шею, и морская трава от крови твоей превратилась в каменно-алый коралл...

— Ты мало знаешь, северный варвар. Виновница смерти моей та, кого эллины звали Афиной Палладой. Не Персей, но она лишила меня светлых радостей жизни. Ибо зависть и ревность столь же свойственны вечным богиням, как смертным девам и женщинам...

Далеко отсюда, в той стороне, куда Аполлон угоняет на ночь рыжих коней своей колесницы, беззаботным, нежным цветком выросла я на берегу теплого моря... Сами хранительницы Сада Блаженных, сладким голосом поющие Геспериды, завидовали светлому золоту моих тон-

коронных распущенных кос.

И тот, кто заставляет приподниматься волну, под чьей стопой трепещет земля, а под трезубцем кипит океан, остановил на мне взор своих темносиних очей.

Мощный брат повелителя Зевса забыл для меня свою Амфитриту, забыл охоту на огромных китов, забыл даже пиры блаженных богов на высоком Олимпе. Дабы обмануть зоркую ревность супруги, повелитель пучин принимал, выходя ко мне на свиданье, излюбленный им вид коня с густою, длинною гривой. В тихий час вечерней прохлады, когда слабее бьют в прибрежные скалы за день уставшие волны и золотистоталый отблеск зари гаснет на горных вершинах, я выходила к темневшему морю и с нетерпением в сердце ждала.

Зорко впивалась я жадными взглядами в еле мерцавшую в ночной темноте млечную пену гребней прибоя, желая меж них отгадать и различить белую гриву и волнистый, как бы светящийся хвост бога-коня.

Храпя и фыркая, он выбегал из огромной, с шумом ударившей в берег волны, отряхался, и светлые брызги, блестя при луне, летели с его крупных, черных боков, и соленая влага стекала по крепким, тонким ногам. Изогнув гордую шею, весело он приближался ко мне и принимался ласкаться. Горячие мягкие ноздри красавца коня приводили в трепет мои обнаженные плечи, в то время как жадные руки обнимали мощную мокрую грудь и наклоненную голову тихо и радостно ржавшего бога.

Длинная белая грива его, от которой веяло свежестью моря, мешалась, падая, с мягкими волнами моих золотистых фиалками пахнущих кос.

Люди, вам неизвестна любовь обращенных в зверя богов!...

Сколько радостей мне подарил Посейдон! На его горячей спине уносились я в далекие страны. Стрелюю переплывал он моря; упругая влага кипела под его мощною грудью; в ужасе расступались, завидев блеск ярко горевших в ночной темноте синих очей, морские чудовища; в испуге ныряли в глубокие бездны, издали заслышав грозное ржанье, тритоны и нимфы... Я же хлопала в ладони и звонко смеялась, любуясь их страхом...

В далеких водах холодного севера, где царит старик Океан, в чьей седой бороде блуждают дельфины, увеселял меня мой возлюбленный бог необычной для смертных охотой. Приняв свой вид олимпийца, по-

велитель пучин мчал меня в колеснице, куда запряжены были четыре морских не знающих устали льва, по широким проливам меж белых снежных полей и ледяных кочующих скал. Там, не боясь зорких очей Амфитриты, сильной рукою метал бог Посейдон свой острый трезубец. Алой струей била кровь, расплываясь в студеной воде, а раненый кит-великан ударял по темным волнам мощным хвостом и ревел, как стадо быков.

Веселыми криками и смехом приветствовала я каждый новый удар смелого бога, любуюсь на черные пряди его увлажненных соленую пеной, растрепанных ветром кудрей...

И когда он был со мной, я забывала о тоске ожидания, о страхе перед ревнивой царицею вод и о зависти нимф и бессмертных богинь...

Да, они также завидовали мне, эти богини в гиацинтовых туниках, питавшиеся благовонной амброзией девы и женщины. Позднее мне в том пришлось убедиться.

Не удивляйся тому, что услышишь, северный варвар.

В одну темную бурную ночь, когда соленые тяжкие волны больно били в бока мне и грудь, как бы стараясь смыть меня со спины любимого бога, он повернул ко мне свой нечеловеческий лик и произнес:

— Не бойся бури. Волны эти подняты мной, чтобы сбить со следов мою жену Амфитриту. На колеснице, влекомой стаею быстрых дельфинов, она меня ищет теперь по морским необозримым равнинам. Видишь тот островок, окруженный черными скалами? К нему подплываем мы и там проведем всю ночь до утра. На рассвете, когда над морем будет стоять густой беловатый туман, я переправлю тебя к твоему родимому берегу.

Пробираясь между утесами, божественный конь вынес меня на твердую землю. Во мраке слышала я, как стучали о скалы его, подобные железу, копыта, как подымался он по крутым ступеням полуразрушенной каменной лестницы, пока не вывез меня на ровное место. В это время луна на мгновение показала свой лик среди разорвавшихся туч, и я могла рассмотреть, где мы находимся.

Окруженная скалами площадка была занята посредине каким-то святилищем. За высокой оградой, откуда торчали своими вершинами стройные тополи, виднелся маленький портик.

Приблизясь к обитым кованой медью вратам, Посейдон толкнул их мощным копытом своим, и они отворились. Гремя по каменным пли-

там двора, вступил, со мной на спине, божественный конь в маленький храм, где луна, перед тем как исчезнуть, дала нам разглядеть изваяние Паллады-Афины.

Здесь в полной тьме хотел мой любовник предаться страстным утехам.

Я, как могла, отклоняла желанье его, ибо мне было страшно прогневать нашей любовью ту, чье изображение стояло во мраке. Вся трепещущая, я умоляла бога выбрать другое, не столь священное место.

Но он не внял мне, и я должна была покорно отдаться его нечеловеческим ласкам.

Всю ночь зловеще кричали совы на крыше и как будто гневно вздыхала статуя Девы. Мне показалось даже, что я вижу сквозь мрак тусклый блеск ее горящих гневом очей...

Под утро, через туманом покрытые волны, всю утомленную, свез меня на своей широкой спине пресыщенный страстью бог Посейдон к берегам моей плодоносной страны.

Пригретая благостным солнцем, заснула я на ложе из мягкой травы, в роще, деревья которой здесь не растут.

И во сне явилась мне с искаженным злобой лицом яростная Тритогея.

— Ничтожная тварь, — сказала она, — не могла ты выбрать иного места для твоих бесстыдных утех?! Презренным телом своим ты обольстила великого бога, любви которого ты недостойна. Он мог бы избрать для себя лучшую, нежели ты!... А за то, что ты осквернила храм мой, — получи теперь должную кару!

И дочь Зевса коснулась своим темноострым копьем моих пышнокудрявых волос.

— Пусть вечно шипят в них злобные ядовитые змеи, пусть видом и свистом своим отгоняют они всех, кто к тебе подойдет с любовным желанием!...

Почувствовав боль в голове, я пробудилась. Кто-то шевелился в моих распущенных косах.

Объятая страшным предчувствием, со всех ног побежала к источнику я, дабы отразиться в его светлых сверкающих струях. Наклонившись к воде, заметила я, с ужасом в сердце, среди своих золотистых волос несколько маленьких змей. Они извивались, сердясь, и иногда кусали друг друга.

Я пыталась вытряхнуть их, потом оторвать, но они словно срослись с моей головой, и я поняла, что это была кара Афины-Паллады...

Эти змеи впивались порой мне в лоб и виски, но яд их был для меня не смертелен, хотя уколы маленьких острых зубов причиняли мне сильную боль...

Весь день я металась в томительном страхе по берегу моря, громко взывая к любимому богу.

И когда среди полумглы наступившего вечера он появился из пенных волн, я ринулась навстречу ему с лицом, искаженным болью и ужасом.

Увидев меня вблизи и разглядев причину скорби моей, объятый смущением бог попятился в море.

— Не приближайся ко мне, — воскликнул он громко, — кто обратил тебя в адскую фурию?! Кто населил пышные косы твои злобными гадами?

— Паллада-Афина меня наказала за осквернение храма!... Помогите мне, возлюбленный мой! Помогите, колыхатель земли!...

Но Посейдон еще отступил в свою родную стихию.

Из воды были видны лишь плечи и голова воздымателя волн.

— Мне тебя жаль, — сказал он оттуда, — но делить ласки твои я уже не могу. Богиня Паллада мне мстит за то, что когда-то я остался холоден к ее вызывающим взглядам... Удалить змей с твоей головы я не в силах... Но зато я могу отомстить за тебя... Да, я за тебя отомщу, — вскричал он, скрываясь, — тот храм вместе с островом сегодня же в ночь поглотит волна!...

Как будто бы мне было от этого легче.

И затем он исчез навсегда...

Тоска моей уязвленной души нашла себе выход в сладостно скорбных песнях, где я оплакивала горе мое. Каждый вечер, при блеске багряной зари, пела я на прибрежных утесах про красоту и мощь Посейдона, его черносиние очи и неустанный пыл бурных любовных утех.

И слава о песнях моих разнеслась далеко по берегам зеленосинего моря. Ибо я не переставала петь и тогда, когда мимо меня, мерно пеня волну длинными веслами, плыли суда с ярко раскрашенными богами на деревянной корме и звездами на цветных парусах.

Неоднократно с тех кораблей бросались в воду герои и плыли ко мне, торопясь добраться до берега. И на прибрежном песке вступали

из-за меня в полный ожесточения бой. Потому что каждый из смелых пловцов стремился первым упасть в объятия мои... Не ведая, что домогается смерти своей.

Ибо не уклонялась я от объятий, без которых тосковала душа. А обнимавший меня погибал во время сладкого сна на моей нежнобелой груди от незаметного укуса змеи.

И немного спустя возле меня лежал холодный и неподвижный, каменной статуе подобный мертвец с улыбкою счастья на спокойном лице, среди столь же холодных, сгустившейся кровью залитых товарищей.

С тоскою в сердце я покидала погибших героев.

Иногда, заметив, что я удалилась от берега, с кораблей выходили вооруженные люди и подбирали трупы товарищей. Издали они посылали проклятия мне и грозили оружием.

Такая жизнь сделалась мне ненавистной...

И когда заметила я низлетевшего с неба молодого героя с крыльями на золотом светящемся шлеме и кривым бронзово-острым мечом, я поняла, что настало время освобождения от мук.

Покорно легла я спиной на нагретый солнцем прибрежный песок, взглянула в последний раз на синее ясное небо и со вздохом закрыла глаза, притворяясь погруженной в сладостный сон.

Я слышала, как осторожно крался, боясь меня разбудить, лисьей походкой юный герой; слышала, как почти беззвучно он ступал, приближаясь ко мне, своими золотыми сандалиями; слышала, как зашипели, увидя его, мои пробужденные змеи... На мгновенье он остановился, не знаю, любуясь ли телом моим, или соображая, как вернее направить удар... Затем быстрая резкая боль, от которой безглавое тело мое невольно забилося, руками впиваясь в горячий мелкий песок и иссохшие водоросли. Помню, как он осторожно, не касаясь руками, поддел мечом и спрятал в дорожный плотный мешок мою змееволосую голову.

Поэтому не известно мне, что он сделал с телом моим: бросил ли в море опозоренный труп, или зарыл его в прибрежном песке...

Все мечты и вся моя страсть к твердокопытному богу морей, воплотясь призрачно-белым крылатым конем, полетели как пух болотных цветов над пенистым вечно бушующим морем, а злоба и чувство мести к богине Палладе, получив образ грозного видом чудовища, скрылись в прибрежных пещерах. Крылатый конь получил от богов и смертных имя Пегаса. Хризаор названо было чудовище...

Я освободилась от всех моих чувств, и теперь мне так отраден призрачный сон небытия. Не тревожь этого сна, северный варвар!... Отпусти!...

— Ступай с миром, легкая тень. Иди, и пусть тебе снятся самые сладкие сны твоего беззаботного детства.

Я почувствовал холод; как будто кто-то пронесся мимо лица моего, и стих в душе у меня голос Горгоны-Медузы...

Сделав знак отпуска, я повернулся, заклил «стерегущих», подождал и мерным шагом вышел из комнаты.

Ал. Кондратьевъ
Мифологическіе
разказы

БѢЛЫЙ КОЗЕЛЬ

БЕЛЫЙ
КОЗЕЛ

Артемиде лежала в тени ветвистого вяза и от всего сердца хотела уснуть. Девственную богиню утомила двухдневная непрерывная охота. Без усталости мчался через лесные овраги большой белоногий лось. Бешено отбивался он от своры его облепивших собак. С немолчным лаем гнались за ним кровожадные псы.

Дважды он стряхивал их, оставляя нескольких визжать на земле, и убегал, преследуемый остальными. Но когда лось сбрасывал собак в третий раз, к нему приблизилась сама Артемиде, далеко опередившая свою свиту.

Просвистело не знавшее промаху копьё, и зверь упал на колени. Псы повалили его, и пурпурная кровь, вытекавшая из раны, окрасила их свирепые морды.

Весело понеслись по зеленому лесу и тенистым оврагам протяжные переливы охотничьего рога богини. Но не ответили им, как бывало, веселые сигналы подруг. Изнеможенные от трудов, далеко отстали охотницы и не слышали призывных звуков. Рассеявшись по лесу, отдыхали они в кустах и пещерах.

Богиня протрубила еще раз, но, не слыша ответа, догадалась, что спутницы ее отстали и соберутся не скоро. Тогда Артемиде решила, что и ей следовало бы отдохнуть.

Под раскидистым вязом она улеглась на мягкой траве; верные псы, устало высунув языки, расположились вокруг. Положив под голову колчан, богиня закрыла глаза.

Волнение, которое Артемиде продолжала еще испытывать, и сильный запах цветов мешали ей заснуть. Беспокойство об оставленных подругах вызывало тревожные мысли. Мало ли в этом дремучем неизвестном лесу ходит косматых сатиров. Во время погони богиня несколько раз пробежала мимо страшных пропастей, со дна которых подымались удушливые испарения. Там могли гнездиться чудовища или, еще хуже, какие-нибудь страшные божества, царившие на земле до олимпийцев...

Артемиде вздыхала, беспокоилась, но усталость мало-помалу взяла свое. Голова кружилась от запаха цветов; древесные листья что-то шептали; кругом шелестела трава, и богине казалось, что цветы и деревья убаюкивают ее тихой песней:

Спи, богиня прекрасная,
Спи, утомясь охотою.

Очи, что звезды ясные,
Пусть сомкнутся дремотою.

Пчелки жужжат мохнатые;
Пьют цветы благовония.
Негою снов объятая,
Спи, богиня Латония!

Ветер шуршит осокою,
Шепчут листья кленовые,
Зевса дочь ясноокая
Бродит темной дубровою

С луком в руках и стрелами,
В чаще леса дремучего,
Дева взорами смелыми
Лося следит могучего.

Чье копье всех опаснее?
Кто, как ветер, стремительна?
Кто подруг всех бесстрашнее?
Чья краса ослепительна?

Это ты, о Латония,
Ты, дочь Зевса любимая.
Льют цветы благовония.
Спи, ничем не томимая!..

Незаметно для самой себя богиня заснула.

Снилась ей ночная охота за тем же не знающим устали лосем. Так же быстро бежал он, прыгая порой со скал, переплывая через быстрые потоки, белая пена которых блестела под серебристой полной луной. Крики подруг, звуки рогов, лай собак сливались с шумом водопадов. А белоногий лось все бежал и бежал, пока не прыгнул с высокого утеса в какую-то пропасть. Артемида, опять далеко опередившая собак и подруг, нагнулась взглянуть, что такое случилось с животным, и — задрожала от ужаса. На дне пропасти копошилась какая-то страшная масса, похожая сразу и на быка, и на змей, и на человека. Она подымала порой руки, похожие на щупальца, и испускала злобное пыхтение.

Артемиде схватилась за лук, но колчан ее был пуст; стрелы все выпалились во время погони; вместо тяжелого копья в руках у нее оказался тирс Диониса...

Чудовище же приподнялось на своих кольцах, и ужасная, подобная бычачьей, голова пропыхтела: «Мать Земля услышала мои мольбы и посылает мне жену в короткой тунике. Приди же в мои тесные объятия!»

Адские длинные щупальца обвили обнаженные колени богини. За щупальцами из пропасти выползло остальное безобразное тело... Артемиде уже отчаялась в спасении, но вдруг на вершине одного из соседних утесов показался большой белый козел. Длинная шерсть животного серебрилась при блеске луны. Темные глаза внимательно следили за происходившим. Он склонил голову и прыгнул вниз, на поляну, откуда чудовище уже увлекало богиню в свою глубокую пропасть...

Острые рога разбежавшегося козла со страшной силой ударились в мягкую кожу похитителя.

Чудовище застонало, выпустило жертву и тяжело шлепнулось на дно своей пропасти. Артемиде вздрогнула — и проснулась...

Солнце стояло уже совсем низко, озаряя окрестные скалы, поросшие диким лесом. Длинные тени стлались на поляне. Собаки гоняли где-то поблизости зайца. Из чащи порой долетал их неустанный, полный остервенения лай.

Подруги еще не приходили. Темная туша убитого лося недвижно лежала в десятке шагов.

Богиня оглянулась вокруг, и некоторое смущение стало закрадываться ей в душу. Среди небольшой поляны она была совершенно одна. Местность очень напоминала ту, которую она видела во сне. И, как бы в довершение сходства, из лесной чащи вышел большой белый козел, направляясь прямо к Артемиде.

Спокойно приблизился он к богине и, в нескольких шагах от нее, преклонил колени свои и рогатую голову. Такая покорность тронула дочь Латоны, и она снизошла до того, что позволила животному лизать свои руки.

«Если сон оправдается, — подумала она, — то этот козел должен спасти меня от чудовища, порождения Геи; кто бы он ни был, я его не отпущу от себя».

Прекрасная рука Артемиды легла на белую пушистую шерсть и приятно утонула в ее теплой волне. Богиня обняла животное, которое доверчиво к ней ласкалось. В карих, немного хитрых глазах светилась любовь и преданность.

Богиня вспоминала, что где-то видела эти глаза. «У кого бы это?» — думала она, пока руки ее обвивались вокруг шеи животного.

А козел тихо и покорно улегся возле, как бы боясь нарушить покой девственной сестры Аполлона.

Страх Артемиды исчез. Надвигалась холодная ночь. Одна за другой на небе зажигались звезды...

«Как приятно, когда близко есть преданное существо, в мягкой шерсти которого можно согреться. Он защитит меня от чудовищ лучше моих куда-то сбежавших собак», — подумала дочь Латоны, засыпая...

Странные сновидения посетили под утро Артемиду. Ей снилось, будто она выходит замуж за косматого сатира, при звонком пении безобразного лесного народа. Вместо милых подруг ее обступили всегда неприятные ей болотные нимфы. Перепачканные в тине, большие лягушки составили свадебный хор; громкое кваканье их зловеще звенит в ушах Артемиды. Вот нареченный супруг подает ей косматую лапу, и богиня, не смея противиться, идет вслед за ним в отверстие темного грота. Там она терпит ласки, от которых краснеют щеки ее, а сердце в груди то бьется, то замирает.

И эта мука тянется так долго, долго.

Любопытные нимфы, маленькие козлоногие сатиры и разные лесные уроды толкаются около входа, шепчутся, хлопают в ладоши, прыгают, пищат и звонко, пронзительно смеются.

Но вот чей-то хохот раздается все громче, покрывает все другие голоса и громовыми раскатами наполняет лес; зеленые холмы и овраги отвечают ему победным, радостным эхом.

Артемида протяжно вздохнула и пробудилась. Покрытая холодным потом, бледная, с распущенными волосами, вскочила и огляделась кругом.

Рядом с ней никого не было.

Козел, приходивший ночью, куда-то исчез.

Быть может, она видела его во сне? Нет, на земле заметны следы его острых копыт.

Неподвижно застыл в десятке шагов труп убитого лося. Купаясь в

ярких лучах солнца, над ним звенели уже рои золотистых мух.

Близ него разлеглись пришедшие к утру собаки. Вероятно, козел скрылся при их приближении...

А далеко, далеко в горах гремели раскаты чьего-то веселого смеха.

«Так смеется только Пан», — подумала богиня, и ночные сновидения почему-то всплыли в ее голове, яркой краской отражаясь на бледных ланитах.

Она снова прислушалась.

«Нет, это не смех, — решила богиня немного спустя. — Теперь как будто эхо охотничьего рога... Это подруги».

Действительно, на узкой тропинке из-за соседнего холма скоро, одна за другой, показались вооруженные луками нимфы. Некоторые из них вели на сворах свирепых собак; иные держали в руках короткие острые копыя.

Строго глядела на них неподвижная, как статуя, Артемида...

Зато как весело хохотал, окруженный своими верными нимфами, довольный, ликующий Пан.

— Как тебе удалось это сделать? — спрашивали его недоумевающие, слегка нахмуренные гамадриады.

— О, это был трудный подвиг. Цветам и травам я велел нашептывать спящей сны, полные ужасов, от которых ее спасал белый козел. Затем я подошел к пробужденной Артемиде в виде того же козла и начал ласкаться. Это подействовало. Она даже не хотела меня отпускать и заснула, обнимая мою шею.

Тут я не удержался, чтобы не поцеловать ее раза два или три.

Утром мне помешали вернувшиеся собаки. С вечера я отманил их быстроногим зайцем, который достаточно их измучил, прежде чем они его изловили... При появлении псов я поспешил удалиться.

Только Вы, пожалуйста, никому не рассказывайте об этом!..

Безрассуден, кто доверяется женщинам. Скоро Эллада и Фригия, Фракия, Крит и Цитера узнали про случай с сестрой Аполлона. Веселые nereиды передали весть о нем даже на самые маленькие острова.

Злорадно улыбалась Паллада. Звонко хохотал Гермес. Печально кивала головой Деметра, и три дня ходил мрачным нахмуренный Феб.

От богов узнали и люди. Они шепотом рассказывали друг другу про смелую хитрость Пана и втихомолку смеялись над горем обманутой Артемиды...

Вот почему ей ежегодно приносят в жертву круторогого белого козла.

ОРФЕЙ

Учитель, в соседней роще я видел сегодня плачущую Миррину. Она била себя в грудь и клялась, что нет на земле человека непреклонней тебя... Она грозила даже покончить с собой, как Телебою... Почему ты их прогоняешь?

— Ты желаешь знать, гемониец, почему я отверг любовь голубоглазой Миррины, почему прогнал от себя пришедшую под черным плащом белорукую Телебою? Дорогой мой, неужели не мог ты заметить, что все женщины мира мне неизвестны?

— О трижды Великий Орфей, о мой учитель, сколько лет прошло уже с тех пор, как ты потерял Эвридику. Неужели даже теперь тоскует по ней твоя безутешная душа?

— Нет, мой мальчик, я не томлюсь по оставленной в Тартаре супруге. И если бы бог, повелитель подземного мира, вновь отпустил ее на поверхность земли и она пришла ко мне в Гемонию, — верь мне, — я бы только молча от нее отвернулся.

— Учитель, разве ты не любил ее? Или несправедлива молва о том, что ты опускался в недра Аида ради супруги? Я слышал, что грозный Гадес был тронут твоею лирной игрой и печальной песней. Я слышал, что он позволил тебе увести на ясный простор, под кров лазурного неба, твою Эвридику. И лишь оттого, что ты нарушил запрет не смотреть на нее, пока совсем не выйдешь из Тартара, супругу твою увлек обратно в черный Аид крылатый бог Гермий... Разве это не правда, сын сладкозвучной Музы?... Но прости, ты нахмурен, я, вероятно, задел незажившие раны твоей наболевшей души.

Некоторое время на вершине поросшего кипарисами холма длилось молчание. Орфей сидел на пологом откосе. Около него на пестрых цветах лежала большая черная самка пантеры, с мурлыканьем гнувшая спину под ласковой рукой певца. Гибкий кончик хвоста кровожадного зверя игриво бил по зеленой траве. На нижних ветвях кипариса висела много славных побед стяжавшая лира. Кругом на деревьях сидели примолкшие птицы. Издалека слетелись они послушать Орфея.

Фракиец перестал гладить животное и, устремив взор в сторону дальних ущелий, произнес задумчивым тоном:

— Тебе говорили правду, о Антимах, но не всю. Повторяю, если бы на землю вернулась из области мрака та, которую я некогда звал своей Эвридикой, сердце мое не заныло бы сладкой болью. Нет для

меня больше женщин и дев на земле, омываемой сине-зелеными волнами. Все они лживы, и в их деланно ясных глазах светит собачья рабская низость, страх перед сильным, на дне же души таится у них вечная похоть, и всюду ищут они новых объятий, новой добычи!..

— Как, учитель, даже твоя Эвридика?!

— Да, даже она. Никогда не забыть мне того, что случилось в обители мертвых... Когда мрачный Гадес, склонясь на мольбы Персефоны, согласился отдать Эвридику и ее подвели ко мне две нимфы из темных вод Петы, я окинул внимательным взором лицо той, кто была моей женою.

Она стояла, нагая, бледная, стыдливо потупив ресницы, словно скрывая радость свидания с мужем.

— Вот твоя Эвридика! Гермес проводит вас до входных дверей царства забвения. Супруга твоя пойдет вслед за тобой. Но горе тебе, если взглянешь назад раньше выхода!.. Ты же, сын Майи, приблизься, чтобы услышать поручения мои к эгидодержавному брату.

Гермес подошел к царю преисподней, и бессмертные боги долго шептались между собой, смеясь и глядя по временам на нас с Эвридикой.

— Можешь идти! — сказал мне наконец повелитель Тартара, и мы, на изумление скорбным теням, пустились в дорогу.

Твердым шагом стремился я к выходу. Гордость победы теснила мне душу. Пальцы мои перебирали лирные струны, и шествие наше сопровождалось торжественным звоном... Тени усопших молча давали нам путь. Грустные лица их безучастно смотрели на нас с разных сторон. Выход был уже близок. Лазурно-лиловым снопом врезались во тьму стрелы светлого дня.

Я замедлил шаги. Сзади почудилось мне шепот и поцелуи. Я думал сначала, что это лишь испытание, чтобы заставить меня обернуться, и гнал от себя подозрения. Сделав еще десяток шагов, я очутился у поворота, за ним в лицо мне пахнуло струей теплого воздуха, а взорам открылись кусок лазурного неба и скаты покрытых цветами, сверху заросших лесом холмов... Сзади было все тихо. Но вот оттуда снова слышался тихий сдержанный смех и чьи-то протяжные вздохи... Сомнений быть не могло. Так вздыхала только она, моя Эвридика, в часы наших блаженных объятий.

Не помня себя от гнева, забыв наставление Гадеса, как зверь андрофаг из далекой Индии, кинулся я обратно в черную пасть адского входа.

Боги, что там я увидел! За поворотом пути она, моя Эвридика, моя нежная, полная кроткой грусти подруга, как дикая самка сатира, в пылком экстазе, отдавалась ласкам коварного Гермеса...

Как изваяние из мрамора, замер я, неподвижный от ужаса. И одни лишь глаза следили за тем, как с наглым хохотом снова увел от меня сын Майи в темный Аид ту, что была моей женой.

— Ты нарушил запрет, сын Каллиопы, а потому не видать больше тебе твоей Эвридики! — крикнул он мне, исчезая во мраке.

Прильнув к коварному богу, послушно скрылась с ним вместе белая тень моей преступной жены.

Ни одного проклятия не послал я им вслед.

Молча поднял я лиру и тихо пошел по зеленым холмам и тенистым оврагам подальше от Тартара. Путь мой лежал сюда, в обильную лесом Фессалию... Здесь мне не так тяжело. Здесь я почти не слышу женского лживого смеха. Здесь ветер шумит в ущельях; темно-зеленые сосны кивают мне головой, а звери ходят за мной по пятам и ласково трутся мягкой шкурой о мои нагие колени...

И как бы желая показать, что она понимает речи поэта, черная пантера зевнула и заботливо стала лизать длинным розовым языком покрытые пылью ноги Орфея.

Кончив сбой труд, она потянулась, волной поднимая гибкую спину, — затем прилегла, приняв спокойную позу, и устремила в лицо сына Музы внимательный взор своих желтовато-зеленых очей.

Орфей и его ученик сидели неподвижно. Кругом царила тишина. Одна лишь маленькая птичка робко чирикала что-то в ветвях кипариса.

ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ

(Рассказ духа)

Приближалась последняя борьба. Он готовился уже провозгласить победу. Но какую победу!.. Осмеянный, оплеванный, непризнанный, враг наш был осужден теми, за кого жертвовал жизнью. Казалось, все было против Него: даже ближайшие ученики объаты были сомнением. Но Он вперед знал все это и обрек Себя на смерть, помня, что только она может дать ему торжество. И Он шел к ней, шел, сгибаясь под бременем креста, избитый, униженный...

Но в воздухе над Ним уже носилась победа. И мы знали это и решились помешать Его смерти. Один из наших Великих духов создал адский план, который должен был вырвать победу из рук Сына Человеческого, как Тот любил себя называть. Для этого, полный непримиримой злобы, он решился разделить судьбу своего Божественного Противника... И дух тьмы шел рядом с Сыном Света, подобно Ему униженный, подобно Ему обреченный на казнь. Для нас самих не вполне ясно, как ему удалось войти в тело осужденного на распятие разбойника. Только Избранник наш шел неподалеку от своего врага, и взоры его сверкали, как раскаленные угли. Мы, полные страха и надежд, следили за ним издали. В небесах реяли мириады ангелов, слетавшихся на защиту Того, кто предавал Себя в жертву за мир. Но Обреченный не смотрел на них, ибо ведал, что Ему нельзя прибегать к их помощи, так как Он должен был страдать и умереть, как человек.

Мы знали, что за Его смертью произойдет нечто ужасное для нас, и в свою очередь готовились... Но, повторяю, все мы жадно следили за нашим Избранником, который должен был соблазнить и умереть. Правда, умереть ненадолго, но испытать все-таки перед этим все муки и ужас расставания с жизнью. Он твердо шел к месту казни, изредка оборачиваясь на пути. Но его пылающие взоры падали не на нас, не на Божественного Соперника, — он глядел на другого, приговоренного к смерти преступника, и во взглядах его было недоумение.

Многие из нас также обратили внимание на этого человека, но ничего выдающегося в нем не заметили.

Это был высокий, мускулистый, загорелый араб, спокойно следовавший позади товарищей по казни. Шел он понуриив голову, и губы его порой что-то шептали.

Военная стража говорила, что он прославился особенно дерзкими грабежами на побережье Мертвого моря. Много богатых купцов разо-

рил он до нитки, много караванов разграбил. Правда, в толпе слышалось, что он не трогал бедных и даже помогал им.

Я заметил: ангел, реявший над шествием, показал другому мечом на этого человека и сказал ему что-то, и другой ангел кивнул в ответ головой. Это меня обеспокоило... Но тут процессия подошла к месту казни, и мое внимание всецело было поглощено совершавшимися событиями.

Я видел: все трое мужественно перенесли мучительное вбивание гвоздей в ладони и приколачивание ног. Я видел, как от земли возносились к небу искупительная жертва за грехи людей; как Сын Человеческий молчаливо претерпевал страдания и насмешки. Из пестрой толпы предлагали Ему сойти с креста, и я понимал, что говорившие не допускали возможности чего-либо подобного.

Мы рисовали Ему мрачные картины. Мы шептали Ему на ухо, доказывая все неблагоразумие Его поступка: «Ты теперь умираешь, отвергнутый и осмеянный миром, и мир забудет Тебя и Твою проповедь. Семя слов Твоих упало на каменистую почву. Народ этот недалек и себязлюбив, а потому слова Твои ему не понятны. Кто хочет успеха у толпы, тот должен действовать на ее чувство и воображение. Им нужно чудо. Сделай его, и они поверят Тебе. Гордые фарисеи падут ниц перед Тобой, сами пойдут проповедовать учение Твое, и оно не заглухнет вовек; ибо скорее поверят тому, кто сошел с креста, чем тому, кто погиб на нем. Сойди же во всей славе Твоей, и они уверуют в Тебя!»

Но Он молчал, молчали и двое остальных. Кровь текла по Его ладоням и капала на землю. С каждой упавшей каплей вдали, как бы из-под земли, слышались раскаты грома, хотя небо было безоблачно и зной стоял нестерпимый. Наш Избранник, терпеливо переносивший муки, внимательно следил за тем, что делалось у подножия крестов.

Там толпились женщины, пропущенные сквозь цепь бесстрастных, закованных в панцири воинов.

Они молча смотрели на Распятого, и слезы лились по их бледным, исхудавшим от горя и бессонницы лицам.

«Сын мой, Ты рано покидаешь Меня, на кого оставишь Ты свою злополучную Мать?» — казалось, говорили глаза Той, что была старше других.

«Жено, се сын Твой, — как бы в ответ Ей сказал наш Противник и прибавил, обращаясь к любимому ученику, который один из двенад-

цати не оставил Его в минуту конца: Се мать твоя!»

И снова молчание, тягостное, как зной Палестины. Слышно было только, как тяжело вздохнул один из распятых...

Ни одного дуновения ветерка не пролетало мимо Голгофского холма. Некому было отереть пот, струившийся с лица страдальцев, защитить их от зноя...

А народ, подстрекаемый нами, вопил: «Сойди со креста?» — Но ответом было молчание.

Тот, Кого не могли смутить слезы Матери, был неуязвим для насмешек толпы. Вероятно, всем троем было тяжело. Большие и маленькие мухи, привлеченные острым запахом пота и крови, сотнями носились над крестами, ползали по лицам распятых, кусали, забивались в ноздри, уши и глаза, и некому было их отогнать... Среди этих мух я угадал кое-кого из своих. Они не теряли времени даром.

Я не спускал глаз с нашего Избранника. Тот молчал, и лишь тяжелое дыхание обнаруживало его муку. Он, очевидно, выжидал... Но чего? Вместе с ним ждали и мы.

Но вот наступила желанная минута. Сын Человеческий остановил взоры на нем. Иссохшие губы Избранника зашевелились...

«Если ты Сын Божий, милосердный, сойди с креста и спаси Себя и нас. Слышишь? Себя и нас! И мы ведь страдаем. Докажи нам любовь Свою!» — казалось, говорили его глаза, хотя он уже молчал.

Я видел, как Сын Человеческий вздрогнул, как задрожали Его ресницы. Хотя, быть может, дрожь эта произошла от мух. Лицо Его изобразило страдание, и Он отвернулся к другому сотоварищу по казни. Тот, очевидно, тоже ждал этого. Ждал его и Избранник, впившийся взорами в разбойника. В этом взоре было все: и надежда, надежда отчаяния, и даже мольба, сменившаяся гневом и даже яростью, когда разбойник смущенно опустил свои глаза под пылающими взорами Избранника.

Видимо, тот ожидал от него такой же мольбы, которая должна была подействовать на сердце Распятого, на его сострадание к человеческому горю и мукам.

Мы ждали с нетерпением того, что произойдет. Ждал Избранник. В небе ждали ангелы... Но вот краска покрыла побледневшее лицо разбойника: он поднял голову... Предсмертный взор его встретил ангела. И тот как будто внушил ему: «Мужайся!»... И среди тишины разбойник

обернулся к Сыну Человеческому и твердо произнес: «Вспомни обо мне, Господи, когда придешь в Свое царство!»

Это напомнило Божественному Страдальцу Его искупительную миссию. И Он ответил: "Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю!» И, получив такое радостное обетование, разбойник снова обратился взоры к небу, где стояли легионы ангелов. А Избранник метался на кресте, вызывая соболезнование даже у привычных римских воинов...

Все мы поняли, что наше дело проиграно.

Правда, на горизонте росла черная туча, грозившая покрыть небо и заслонить кресты от ангелов. Она несла смерть одному из распятых и медленно подвигалась к Иерусалиму... Там шли наши легионы, которые в своем отчаянии готовы были на все... Хотя все они чувствовали, что дело проиграно.

Да, мы были побеждены... Побеждены смертью Того, Кто называл Себя Человеческим Сыном! Он отнял у нас добычу, накопленную тысячелетиями, и увел ее с Собой.

Избранник наш, жертва которого не принесла никаких результатов, тщетно хотел отомстить тому, кто, по его словам, испортил все его планы... Но кто был этот загадочный человек? Да и человек ли это был? Души его мы так и не видели. По-видимому, он заключил какое-то соглашение с Избранником и нарушил его.

Если это человек, то, во всяком случае, он единственный из людей, признавший Бога в Распятом на кресте, осмеянном и униженном преступнике.

САПФО
У ГАДЕСА

Тихо шептались ракиты таинственной рощи Персефоны: яркие цветы асфоделей склонялись, передавая друг другу весть, долетавшую от тростников Ахерона и Петы. В Аиде случилась важная новость. Под угрюмые своды его снизошла новая, славная жертва далекой земли.

Та, кто в сладострастных гимнах Киприде пела о муках любви, та, чьи песни порой доносились в царство усопших, вызывая тайные слезы у легких бесплотных теней, заставляя вздыхать даже царицу мрака, ныне сама спустилась в область, где правит грозный, угрюмый Гадес.

И Афродита не заступилась за поэтессу, которая выше блистающих звезд прославила звонкой песнью имя Рожденной Из Пены, за ту, чьи стройные гимны неслись от скал Митилены далеко, далеко, до стран эфиопов, индийцев и персов!.. Много веков пролетит над покрытой зеленью тканью, многогрудой Геей, много храмов падет, много воздвигнется новых, а смертные все еще будут, слушая звонкие строфы, с тихим восторгом шептать славное имя Сапфо...

— Пойдемте смотреть, — звали друг друга бледные тени, — как будут судить ее душу. Нам говорили, что мрачный Гадес полон бессмертного гнева и, нахмуренный, ждет поэтессу.

И вот Сапфо предстала на суд.

Неподвижно стояла перед тронем, где восседал, рядом с бессмертной женой, повелитель Тартара, ее стройная легкая тень.

Лицо поэтессы было печально и строго, сдвинуты темные брови, сомкнуты некогда яркие, знойные неуголимые губы. Из-под развитой косы виднелась веточка лавра... И лишь бесплотные очи мерцали, как черные звезды...

— Мы давно ждем твою преступную душу, — начал Гадес, — давно приходили к нам вести о твоих безбожных делах. Ты чтילה одну Афродиту, забыв остальных олимпийцев. Ты позволяла себе то, чего даже боги боятся... Дерзость твоя была беспредельна. Песни твои разрушали счастье супругов; многих они лишили покоя и многим наполнили сердце жгучей болью отравы... Кто, как не ты, покидала семейный очаг, чтобы целую ночь проводить вместо объятий мужа в шумном сонме юных девиц, где рифмовались пляски и ласки? Кто, сидя у колыбели дочери, слагал песни любви, ты сама знаешь кому?.. Оскорблялась даже Киприда. Сам Аполлон Музагет был изумлен и разгневан, когда ты горделиво отвергла искания его любимца, Алкея, добро бы ради верности мужу!.. Нет, слишком много грехов у тебя, чтобы их пе-

речислить!.. Можешь ли ты сказать что-нибудь в свое оправдание?

И так отвечала ему поэтесса:

— Случилось то, что должно было свершиться. И разве уж так поступки мои нечестивы? Кто, как не боги, вложили мне в душу пылкие страсти, равных которым нет на земле, омываемой синими волнами? И разве они помогли мне хоть раз с высоты своих тронов, слыша, как стонет, жалуясь горько, моя эолийская лира?

— Неужели ты только стонала, пока жила на земле? К нам долетали слухи, что ты проводила время как на Лесбосе, так и в изгнание порой не без веселья.

— Ах, если бы это веселье всегда могло заглушить тоску одинокой души, могло утолить безумную жажду полного счастья!

— Ты ли была одинока! Вспомни, Сапфо, своего супруга Керкилла...

— Разве может дать счастье супруг! — И Сапфо улыбнулась, глядя на Персефону.

Та продолжала сидеть неподвижно: ни одна черта не шевельнулась на лице царицы, но повелитель Аида вдруг рассердился.

— Вместо мольбы о прощеньи, вместо раскаянья, ты позволяешь себе нечестивые мысли! Горе, горе тебе! Клянусь истоками Стикса, я караю тебя страшной казнью!

И бессмертный гневно ударил жезлом о ступени черного трона.

Тихо, но внятно, вновь начала говорить тень великой Сапфо:

— Как ты наивен, сын лучезарного Крона! Сидя все время в потемках, царя среди мертвых теней и чудовищ, ты помрачил свой когда-то ясный рассудок. Стыдись! Неужели ты мнишь, что здешние жалкие пытки будут мучительней тех, что я ношу в своем сердце? На какие же муки можешь меня ты обречь? Носить заодно с Данаидами воду в дырявую бочку, ворочать во тьме жернова, подобно Иксиону гореть в неугасимом огне?.. Но что значит огонь твой в сравнении с тем насытым пламенем, который жег мою душу! Бесконечный труд Данаид...

— Успокойся, ты не пойдешь к Данаидам, — перебил поэтессу Гадес, которому быстро нашептала что-то на ухо дочь златотронной Деметры.

— Камни Сизифа — игрушка в сравнении с теми, что я носила на сердце... Жажда Тантала... Ах, я привыкла уже к этой жажде от юных

лет, и утопить ее не могли даже волны под левкадским утесом. Что же останется у тебя в запасе? Терзающие внутренность коршуны и адские звери?.. Но, ах, свирепее гиен, безжалостней тигров страсть, которая меня пожирала, и когти ее острее, чем у орлов, рвавших когда-то печень Титана, страсть — необдуманый дар или коварная месть Афродиты! Я смеюсь над тобой, мнящий себя всемогущим, владыка ада, и муки твои мне не страшны!

Недовольная непочтительным видом и гордой осанкой тени, Персефона, склоняясь к супругу, снова что-то шепнула ему, и злая улыбка скривила тонкие губы царицы.

Тихая радость затеплилась в темных глубоких очах адской богини.

— Ты забываешь про иные позорные казни,— медленно начал Гадес.— Что скажешь ты, если я выдам тебя за старца Харона или отдам на поругание Церберу?

— Бедный Харон, несчастный Цербер! Мне жаль их обоих. После всех унижений, после позора обидной молвы, отринутых просьб, после измен, испытанных мной на земле, мне не страшны уже ласки адских чудовищ... Веди их сюда, но знай, что оба они скоро исчезнут из области мрака, ибо скорбь моя и пламя в груди моей — ненасытно.

— Мне жаль Цербера: он верно мне служит. Не могу я лишиться и Харона: этот старик неразрывно связан с Аидом... Что же мне делать с тобой?.. — произнес в недоумении царь подземного мира.

— О Властелин, — вновь зашептала тогда Персефона, — отошли ее в жилище блаженных! Там, где на зеленых лугах резвятся чистые души, пусть вечно сидит она, полная горя, и с завистью смотрит на чужую ей радость блаженных теней. Вот наказание, достойное бога и повелителя этого края!

Гадес задумался. Но вот он поднял свою черную посеребренную сединами голову и произнес:

— Мысли женщин всегда слишком поспешны. А куда же денутся те блаженные тени, взоры которых будут омрачены ее видом? Нет, не надо ей нового наказания! Преступница молвила правду: самую лютую казнь она носит в самой себе... Иди куда хочешь. Я не могу наказать тебя!

— И это царь мрака! Где власть твоя, Властелин подземного мира, о Гадес?! Я смеюсь над тобой! Ха-ха-ха!..

И безумный смех прокатился под сводами Тартара. Дико звучал он в царстве мертвых, мало-помалу переходя в истерическое рыдание. Бледные тени содрогались от ужаса. Гадес наморщил чело и погрузился в глубокую думу...

Издали, как бы в ответ, донесся другой звук, не менее ужасный, протяжный и наводящий тоску.

Это был Цербер...

АФРОДИТА
ЗАСТУПНИЦА

— Привет тебе, Победительнице! Привет укротившей бурю потопа!

— Откуда ты знаешь это, пришелец? Как могло стать известным тебе скрытое от жрецов Кипра и Пафоса?

Так говорила, озарив своим появлением темную глубину храма, с ясной улыбкой Афродита. Золотистое сияние осветило расписные толстые колонны с причудливыми разноцветными фигурами.

Прислонившись к одной из них, стоял приветствовавший богиню, издалека пришедший певец. Он нарочно остался на ночь в храме, зная, что Афродита является искренно верующим поклонникам. Чужестранец стоял, весь бледный от восторга, и слушал, а рожденная из крови и пены продолжала:

— Там, за пределами любимой богами земли, где над темными меланхленами, лающими кенокефалами и ярко раскрашенными злыми андрофагами царят иные страшные и незнакомые нам божества, разве известна моя улыбка? Разве чтут меня за каменными гранями Кавказа?

— Богиня, великая богиня! Ты сказала истину. Улыбка твоя не царит на снежных скифских равнинах. Ясные взоры твоих очей не заставляют на топких болотах сжиматься сердца не умеющих смеяться дикарей; но нигде так не тоскуют, так не томятся без Тебя, как там. Души людей тех, если можно назвать их людьми, отданы во власть мрачных и безобразных богов. Трепеща от страха, полные тупой покорности, поклоняются они своим жестоким властителям... И лишь море, старое седое море, на короткий срок свободное от льдин, да холодные яркие звезды шепчут этим дикарям свои святыя откровения...

— Смертный, как ты попал сюда? — холодно спросила богиня. — Как ты нашел дорогу к моему многоколонному храму?

— В утлой ладье, между белых скал изо льда, плыл я однажды, забыв про охоту на тюленей. Ласкаясь к непрочному судну, колыхали его темные волны. Я не греб и не правил. Неведомое течение с могучей силой захватило и несло мой челнок... И долго, долго влекло меня между нависнувших скал, острых льдин и гигантских плавающих островов.

Я выносив, но меня стал мучить голод, и не было сил у меня направить обратно ладью. Я растянулся на днище и, глядя на бледное небо, мало-помалу утратил сознание. Похотливая смерть положила уже мне на чело свою холодную руку.

Очнулся я в ледяном зеленоватом гроте, где седая старая женщина привела меня в чувство и дала мне вяленой рыбы с горячей тюленьей кровью. У нее прожил я суровую зиму, и она рассказала мне про великих богинь и богов, живущих на радостном юге. В томительно долгую зимнюю ночь она говорила мне, что когда-то знала всех олимпийцев, что когда-то жила вместе с ними, но волей старого рока должна была покинуть полную радости землю и удалиться в изгнание, в область седого океана, в страну ледяных пещер и снежных полей.

Она-то, старая поседевшая nereida, и рассказала мне многое, чего не ведают Твои жрецы.

Немало времени прожил я, слушая ее рассказы, пока наконец, воспламененный ими, не отправился при блеске алой весенней зари отыскивать Тебя, насладиться улыбкой Твоей, ясная, радостная Афродита! И судьба послала мне счастье!.. Добравшись до твердой земли, долго я шел по лесам и болотам, пока не встретил людей, несущих гипербореиские жертвы на далекий алтарь Аполлона. Я присоединился к их каравану. Вскоре мы сели на суда, могучие реки понесли нас на своих мощных волнистых хребтах.

Я плыл, а душа моя трепетала от радости, стройные гимны слагались в моей голове.

Афродита улыбнулась чужестранцу.

В избытке счастья, с сердцем полным восторга, он упал на колени и, простирая к богине свою жалкую, из черепа северного оленя сделанную лиру, воскликнул:

— Клянусь, что прослаблю имя Твое, о Пресвятая!

Богине надоели славословия; но желание услышать хвалу из уст северного варвара и женская жажда нового превозмогли.

— Спой что-нибудь про меня, о пришелец! — привычно ласковым тоном произнесла Афродита.

Не вставая с коленей, прижал к левому боку певец свою неуклюжую лиру и, склонив голову, на мгновение замолк.

Тихо загудели свитые из оленьих жил певучие, жалобные струны.

Немного спустя за ними последовали робкие, нараспев произнесенные фразы.

«Светлых великих богов забыли нечестивые люди. При звуках священных имен не трепетали безбожные сердца. Исчезли с земли благочестие и правда. В небесную высь не подымались благовония жертв».

«И черным тучам дал знак. Как стая чудовищ в безбрежном море, ринулись они на покатое небо и затмили светлые звезды. Глухо зарокотал гром — вестник божественного гнева. Обильными потоками пролился на землю грозный, неударжимый дождь».

«С горящими факелами в руках, на вершинах гор заплясали, кривляясь, демоны бури. Вырывая с корнем дубы, летали над землей, покинув пещеры свои неистовые, завывающие ветры. Боги-разрушители шли по горам и равнинам, затопляя поля, разрушая храмы».

«И густая тьма стояла над землей. Брат не видел брата, и матери не находили детей. И гибли в ревущих волнах и те и другие... В голосе бури слышались вопли погибающих зверей».

«Белой пеной покрылись недоступные вершины. Как ничтожные щенки, мелькали в крутящихся волнах немногочисленные захлестываемые корабли»...

«Боги оставили землю и удалились в небесные сферы. Полные страха перед гневом Всесильного Рока сидели они на престолах, опасаясь за собственную участь. Сидели и дрожали от ужаса».

«И одна лишь ты покинула землю!»

«Чьи рыдания слышатся над волнами? Кто плачет над волнами? Кто плачет над бурей бездны? Кто вопит, как страдающая роженица? — То она умоляет Всесильного. — Афродита ходатайствует за людей».

«И внял Ее мольбе Всемогущий. И склонился к повергшейся перед Ним. Склонился Он, Непреклонный, в одеянии из туч. Он, Повелитель вечности!..»

«И прекратились раскаты грома. Перестал идти дождь. Утихли буйные ветры: рассеялись, как предутренний туман, черные демоны бури. В сердце спасшихся на кораблях затеплилась робкая надежда. Вода постоянно убывала...»

«Божественное светило снова засверкало на чистом небе».

«Лучи его озарили Тебя, смягчившую сердце Непреклонного, Тебя, прекратившую потоп... Утомленная, Ты лежала навзничь на спасенной Тобой земле и улыбалась вернувшемуся Солнцу».

«Полный таинственных чар, ярко играл под лучами его Твой дивный семицветный пояс. С завистью глядели на него, шепчась меж собой, возвращавшиеся на землю богини».

— Прими же благословление мое, богиня богинь, Вечно торжествующая Афродита!»

Певец кончил. В воздухе слабо гудел последний аккорд его лиры. Загадочно улыбаясь своему восторженному поклоннику, богиня сделала шаг по направлению к нему...

Утром служительницы храма нашли его мертвым недалеко от серебряного чеканного светильника, ножки которого изображали рассерженных гиперборейских грифов.

В ОБЪЯТИЯХ
ТУМАНА

Миф

Я, Эпиген с острова Самоса, расскажу вам, о люди, то, чего не ведали ваши отцы: как Афродита, чувствуя ревность к богине моря и следя пышноволоосого брата Лето, попала в объятия Ээрия, бога ночного тумана.

Зловеще сверкали очи богини, когда она низлетала по темневшим волнам в то место, где скрылся к холодной телом, гибкой Остиде бог Аполлон. Сердце Киприды томила тоскливая зависть, и тихо она спускалась, слушая полные сладостной неги вздохи богини-соперницы. Пытливо вонзались в вечерние сумерки синие очи пенорожденной Пафии.

Златокудрого бога нигде не было видно; он погрузился в прохладную сень подводных пещер и там, забыв о небесах и земле, отдавался ласкам капризной океаниды.

Кругом было тихо. Серая мгла надвигалась на бледное небо. Шипели и бились о скалы немолчные волны.

— Я одиночка, — шептала дочь крови и пены. — Я, дающая негу всепоглощающей страсти богам, животным и людям!.. Весь мир полон моим блаженным дыханием, а я, дарящая миру любовь, сама ее не имею!

И грустно стояла богиня над морем у скал объята безрадостным сном пустынной Троады.

«Здесь когда-то любил меня кроткий дарданец Анхиз. Ему подарила я сына, который потом основал могучее царство взамен разрушенной Трои!.. Да, этого города больше нет, как нет и народов, чтивших мое всепобедное имя! Не курится более мне фимиама среди цветных колоннад моих некогда славных святилищ. Не проливают мне юноши пурпурно-теплой крови златорогих, белых телиц, и не слышно в честь мою прежних звонких и радостных гимнов. Люди, живущие в этой стране, забыли о прежних светлых богах, и некому больше дать мне радость взаимной любви!»

В то время сын Мрака от изменившей когда-то богу морей Амфитриты, Ээрий, в дымке ночного тумана выполз из своей прибрежной пещеры и окунулся в родную стихию.

От отца унаследовал он змеевидные ноги и от божественной матери синеватый отлив темного тела.

Полный неясных желаний, подплыл он к одной прибрежной скале, взобрался на острый утес и сел там во тьме, обвив, как змея, своими

ногами выступы скользкого камня.

Вот он увидел богиню, чтимую некогда на берегах Кипра и Пафоса. Высунув длинный, двойной темный язык, облизал он им свои бескровные губы, и дремавшие в полых пещерах морских берегов наяды услышали тонкий, похожий на пение свист.

Там не было слов, было одно лишь томление, одно желание обвить своим телом всю землю и так замереть...

Надвигалась ночь. Богиня мрака и сна простерла над берегами и морем свои покрытые звездами черные крылья.

Вдали пели сирены.

— Кто из богов даст миру покой и забвенью? Кто дарует прощение павшим титанам? Кто, положив ладонь на грудь Океана, скажет ему: полно, Старик, ты утомился вечно вздыхать; отдохни!.. Кто, Мощный, при виде тоски, объявшей Мать Гею, тихо скажет ей властное слово: усни!

Афродита внимала сиренам с прибрежной черной скалы, и стройные ноги сидящей богини ласкала зеленая белая пена.

Эти ноги пленили Ээрия.

Сын Мрака, змеей проплыв между утесами, беззвучно приблизился к Пафии.

Собрав все силы, мгновенно обвился он вокруг камня, где сидела пенорожденная, и сжал своими могучими кольцами белые ноги богини.

Афродита оказалась в плену.

Темный и властный, не разжимая тесных объятий, сел сын Мрака рядом с пойманной им гневной Кипридой.

— Кто ты, дерзнувший обвить своим гнусным мокрым хвостом мои прекрасные ноги? — спросила владычица Пафоса.

— Тот, кто немного спустя обовьет тебя и руками, богиня, — подавляя волнение, ответил Ээрий.

Прикосновение к телу бессмертной пробудило сильную дрожь в его собственных членах.

— Как звали ту ламию или иную дочь грязного Тартара, которой богиня судьбы послала такого прекрасного сына?

— Мою мать зовут Амфитритой, богиня...

— Уйди же, презренный, обратно в морские пучины и там ласкай невозбранно какую-нибудь самку тюленя, но не смей посягать на во-

лю бессмертных богинь!

— Что такое воля богинь!.. Да и некогда мне спорить с тобой! Ананке и Рок даровали мне на сегодня твое пышное тело! Повинуйся же мне, ибо я послан судьбой!

Сын Мрака обвинил своими сильными кольцами божественный стан, белую твердую грудь и дивные руки богини Киприды. Та пыталась бороться, не безуспешно. Гибкий Ээрий успел уже приложить к ее горячим устам свои холодные блажные губы.

Беспомощная, была она распростерта на вершине утеса, стараясь не видеть змееподобного лика бога тумана... Внезапно очи богини блеснули надеждой... Сверкая мягким серебряным светом, по темному небу как бы плыла колесница сестры Аполлона.

Артемида придержала коней и с презрением глядела на стыд не любимой ею богини.

Взор божественной девы был устремлен на темный кончик хвоста бога тумана, игриво бивший по бедрам бессильной Киприды.

— Помоги мне, дочь тихой Латоны, — простонала богиня любви, — чудовище хочет насильно добиться моих поцелуев!

Не говоря ни слова, взяла Артемида полное блеска копье и верной рукой метнула его в тело Ээрия... На усталые белые члены пленной богини из пробитых острым железом колец брызнула темная влага. Объятия бога тумана сразу разжались.

С шипом, страдая от боли, метнулся сын Мрака с утеса в соленые волны и скрылся бесследно среди прибрежных камней и пещер.

Дочь крови и пены с трудом поднялась на стройные ноги и послала рукой своей поцелуй дочери Лето.

— Благодарю тебя, темноволосая дочь Громовержца, рука твоя так же тверда, как в те дни, когда мы вместе разили гигантов. Скажи, не могу ли я оплатить тебе за услугу?

Но не промолвив ни слова и лишь кивнув в ответ головой, Артемида, гордая новой славой, погнала вперед своих быстроногих черных коней. Светло сияла ее колесница. Легко вертелись тонкие спицы серебряно-светлых колес, и вскоре клубистое, белое облако скрыло собой богиню.

Афродита вновь оказалась одна. Волны кругом глухо шипели и с шумом бились о камни. Оставаться дольше у суровых пустых берегов было небезопасно и скучно.

Со вздохом скрылась бесследно с темного неба богиня Киприда. Ее ждали пустые белые стены ее воздушного храма и одинокое ложе розовой спальни.

.

Утром она не покидала дворца, и люди, с тоской глядя в туманный серый покров, застлавший все небо, с тревогой в сердце искали там ее лучезарного лика.

И лишь к вечеру вновь появилась она над берегами Троады. Так же шумела белой сердитой пеной волна, дробясь о темные скалы. Так же пустынно были покрытые сонной дубравой холмы и безлюдны немые поля побережья.

Так же печально пели свою благозвучную песню девы сирены.

Отыскав светлым взором своих бессмертных очей скалу, на которой она накануне подверглась насилию, мать Купидона остановилась и грустно задумалась.

— Лишь один в целом мире ответил на зов моей бессмертной тоски, и тот оказался мерзким чудовищем! — уныло сама себе шепнула Киприда.

1906 г.
Средиземное море.
Пароход «Корнилов»

ЛЕБЕДИ
АПОЛЛОНА

Осенняя сказка

Чужестранец, ты удивляешься, почему так быстро осыпаются с деревьев пожелтевшие листья: ты изумлен, что наступили холодные пасмурные дни... Слышишь ты крики отлетающих лебедей? Знай, чужестранец, то Аполлон покидает нашу страну на жертву страшным и неизвестным тебе богам...

А богов этих много. В тучах тумана и снежной пыли, быстрые и безобразные, подвигаются они с севера. Голоса их, которые тебе кажутся воплями вьюги, волчьим воем, все приближаются. Среди хора их порой слышится чей-то звонкий презрительный хохот. Это смеется их повелительница, бессмертная ледяная дева.

Хочешь, я расскажу тебе про нее?

Все, кто видел эту богиню, знают, как ослепительна ее красота. Богини Олимпа завидуют ее улыбке и пышным волосам.

Слава об ее обаятельной прелести на крыльях ветров долетела до южных морей. Ветры рассказывали волнам о вечно юной деве с загадочными очами, насмешливой улыбкой и холодным сердцем.

Дева эта живет далеко на севере, среди глыб льда и вечного снега, и лишь изредка появляется в стране гипербореев...

Она распространяет сияние, которое может поспорить с золотистыми лучами Феба. Но лучи богини так же холодны, как и ее сердце, а сердце красавицы неприступно, как страна, в которой она обитает.

Молва, распространяемая ветрами, достигла и до Феба.

Светлый бог находился на Делосе и испытывал странное состояние. Надоели ему пыльные оливы и вечные всплески спокойного синего моря. Наскучили ему объятия резвых пышнотелых нимф.

Сыну Латоны хотелось испытать новые ощущения. Он жаждал новых ласк, новой неизведанной любви...

И вот до ушей его долетела молва о новой, чуждой Олимпу богине. Северная Аврора стояла перед ним, как живая. Олимпиец уже воображал, как он покорит светоносную деву, как ее ледяное сердце растает под его горячими поцелуями...

Жажда любви охватила душу Стреловержца.

— Скорее отыскать ее! — промелькнуло в его голове.

И Аполлон велел запрягать свою колесницу...

Не золотистые кони повезли бога — белые лебеди помчали его над синим морем. Мимо Пафоса неслась его золотая колесница.

Скорбной улыбкой проводила его купавшаяся в море Афродита.

Аполлон же летел, полный радостных надежд. Шафранного цвета хитон облегал его стройное тело.

В руках была звонкая лира. Торжественные звуки летели с ее очарованных струн.

Лебеди вторили им, испуская мелодичные крики.

Слыша их, люди поднимали головы и говорили:

— Смотрите, бот Аполлон летит на своих лебедях в сторону гипербореев.

А златокудрый бог все летел и летел в ту сторону, где царит вечная Ночь, которую седой Океан сжимает своими ледяными объятиями.

На границе ее владений усталые лебеди описали несколько кругов и опустились.

Страна гипербореев была уже известна Аполлону. Он и раньше на короткий срок посещал эти необозримые леса, непроходимые топи и спокойные кристальные озера.

Теперь взор его отыскивал среди них юную богиню с холодным сердцем.

Но ее не было видно.

Хотя обаяние красавицы чувствовалось повсюду.

Казалось, все напоминало о ней: и безмолвные леса, и неприступные трясины, и холодные как лед воды спокойных озер.

И лучезарный бог без усталости отыскивал свою возлюбленную.

Ночи для него не существовали.

Они перестали существовать и для всей страны гипербореев, покинутой своенравной богиней.

На лоно своей матери, в ее неприступные владения, с загадочной улыбкой удалилась бессмертная дева от лучистого бога.

Она знала, что он не может последовать за ней.

Аполлон же готовился к встрече красавицы.

Зеленый бархат трав разостлал он по горам и равнинам. Угрюмые леса зашелестели благовонной одеждой. Как золотые свадебные блюда, заблестели под его лучами озера.

Но ледяная дева не приходила. И Аполлон стал отчаиваться и скучать. Не утешали его хоры птиц, певших в его честь восторженные гимны. Песни кузнечиков стали надоедать ему, как на юге надоедали цикады.

И надежда бога стала гаснуть. Побледнело его светлое лицо. Ясное

чело его затмили скорбные думы.

— Не может покорить богиню моя красота: моя лира не в состоянии пленить ее сердце. Не воротиться ли мне на юг? В храмах Делоса отдохнул бы я от бессонных ночей. Мелодичные звуки систра под знойным небом Гелиополя развеселили бы мою душу. Так приятен мне аромат курений на дельфийских треножниках!..

— Нет! — решил Златокудрый, — подожду еще немного, быть может, она сжалится и придет!

В пурпур и золото он окрасил листву. Темно-красные кисти брусники щедрой рукой рассыпал по мягкому мху.

Но богиня не приходила...

Грустный в своем одиночестве, среди молчаливого леса, стоял Олимпиец.

Нетерпеливые крики лебедей вывели его из задумчивости.

С глубоким вздохом вступил Аполлон в свою колесницу.

Быстро помчали его белоснежные птицы, стремясь туда, где в зеленых камнях струится Эврот, где теплые волны Нила льнут к золотистому песку...

— Прощай, Феб! — шептали ему вслед цветы и травы.

Они знали, что погибнут, когда он скроется.

Но Аполлон, не обращая на них внимания, летел в дорогую Элладу. Радостным плеском встречали его синие теплые волны. Как розоватые жемчужины, блестели среди них смеющиеся nereиды...

А там, в стране гипербореев, было темно, холодно и белые снежинки сыпались все больше и больше. Северный ветер приносил их целыми сугробами.

Стянуло льдом реки, с которых давно улетели последние птицы. Люди кутались в звериные шкуры и прятались в расщелины скал. Хлопья белого снега висели на соснах и елках. Демоны вьюги перекликались на их вершинах...

Царица Ночь распростерлась над землей гипербореев.

Вслед за царицей из стороны льдов вышла ее дочь. Распространяя ослепительное сияние, остановилась богиня на полузанесенной снегами скале и стала смотреть в ту сторону, куда скрылся опечаленный Феб.

Странная усмешка по-прежнему играла на ее устах.

Казалось, ей доставляло удовольствие вспоминать, как мучился влюбленный Олимпиец.

Деву с холодным сердцем не огорчило, что Феб улетел обратно.
Она хорошо знала, что он вернется...

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ

(Из сказок древнего Египта)

Люди, ходящие под солнцем, расскажите мне, что случилось потом.

Так говорил жалобным голосом призрак, встретивший нас в закоулке подземного храма, где мы искали скрытых сокровищ. Уронив кирку, я стал усердно жевать отгоняющий темные силы лист боярышника. Товарищ мой с той же целью плевал себе на живот и громко читал заклинание, но не от злых привидений, а ото льва, видимо, не замечая с перепугу ошибки. Дрожал вместе с простертой рукой его ярко пылающий факел... Один лишь старый Харакс остался спокойным. Он поставил светильник свой на землю и, бормоча что-то на чужом языке, сел, а пальцы его стали чертить какие-то знаки на покрытом древней пылью полу.

— Ответь нам, несчастная душа, — произнес он отчетливым голосом, — кто ты и чего от нас хочешь?

В то же время левой рукой он сделал в воздухе быстрый и сложный, трудно передаваемый жест.

— Ты верно сказал, о живущий под солнцем! Я несчастен. У меня не только нет покоя и отдыха, но нет также ни тени, ни сердца, а где тело мое — это также мне не известно... Смертные, помогите мне отыскать мое тело!..

...Прекрасно и чисто было озеро. Бог Ра благосклонно отражал в нем свой довольством дышащий лик. Стада господина моего, топчя высокие тростник, утоляли в нем жажду. Белые гуси и огненно-красные цапли плодились там, как песок в южной пустыне. И с кривой дубинкой в руках я ходил для стола господина моего, чьи овцы, бараны и ягнята охранялись мной от злого порождения Сета...

...Зеленые тростники раздвинула она белой рукой и вышла стройная, в ожерельях и браслетах. Заплетенные в косы волосы ее синими змейками вились по нежным плечам. И концы их обделаны были в золото.

Белый цветок лотоса, как звезда, подымался надо лбом...

Задражали члены мои, и волосы поднялись, как щетина на спине кабана. Так ослепителен был блеск Ее тела... Прекрасные узоры, табуированные на груди и щеках. Зорко глядел глаз посреди живота, и тихо то поднимались, то опускались вновь ожерелья и амулеты.

Склонясь перед Нею, замер я, как изваяния побежденных царей.

— Юный пастух, желаешь ты бороться со мной ради достойной награды? Если ты победишь, то тело мое будет твоим, если же будешь побежден, то я буду зверем твоего стада.

— Да будет так, госпожа! — ответили губы мои. А сам пошел вслед за Ней.

И выйдя на берег, там, где было розовое место, мы стали бороться. Подобно божественной змее извивалась она в руках у меня и давила тело мое, как монолиты царственных пирамид...

Когда я был побежден и белым коленом своим Она упиралась мне в грудь, а руки мои, бессильно раскинувшись, вцеплялись в траву, Она мне сказала:

— Когда земля озарится завтрашним светом, приходи, если хочешь, вновь испытать силу и счастье.

А Сама, став южной пантерой, напала на стадо и лучшего барана унесла в зеленые заросли.

Я же, грустный, пошел домой, раздвигая тростник и шагая по тине вслед за встревоженным скотом.

И много дней приходил я бороться с Ней. Много раз, полный надежд, сжимал тело Ее, чувствуя, как слабеют колени...

Стадо же господина, порученное мне, все уменьшалось.

Последнего ягненка наконец унесла она в камыши. Он блеял долго и жалобно, и сердце мое страдало в груди.

Ибо я вырастил его и носил на руках через каналы, чтобы не схватили его ненасытные пасти «тех, кто в воде»...

Растерзав добычу, Она вновь призвала меня прийти, когда новым светом озарена будет земля.

— Госпожа, — отвечал я, — баранов больше нет у меня, нет также овец и ягнят.

— Приходи ты сам, — прозвучал из тростников ответ Ее, сладостный, как музыка арф...

И наутро, когда рожденный в лотосе Ра озарял своими улыбками землю, одинокий и грустный переходил я вброд канал за каналом, по сохому раздвигая тростник и бормоча по привычке заклятия от крокодилов.

— Пастух, я горю нетерпением бороться с тобой, — сказала Она, встретив меня, пылкая, как львиногрудая Сехт.

На зеленый остров Она привела меня, и там мы схватились. Я призывал на помощь богов, и руки мои сжимали стан ее, как обода дубовую бочку с заморским пьяным вином.

Упругое тело Ее прижималось к моему, и крепкие ноги были тверды, как белые колонны.

Словно скала, обрушилась она на меня и, обессиленного, повергла на землю.

И, став подобной львице пустыни, накинута на потерявшего мысли...

Дыхание ее было как пламя...

Люди, скажите мне, что случилось потом? Ибо существование мое было разбито.

А хайбет (тень) и тело мое исчезли от меня вместе с именем. И не знаю я, что было потом и как поступила со мной жестокая, победившая меня... Люди, скажите мне, что случилось со мной?!

И Харакс, приказав развести мне из запасных факелов небольшой огонь, стал сыпать в него зерна ладана. Старческие губы его вновь зашептали властные заклинания. И вместе с клубами благовонного дыма растаял и унесся сквозь щель в потолке в синее небо так сильно смутивший дух наш горестный призрак.

СЛЕЗЫ
СЕЛЕМНА

Юноша, если душу твою удручает тоска неразделенной любви — отправляйся в Ахайю и там, не доходя до мыса Дрепанум, отыщи реку Селемн.

В ее холодные струи ты погрузи свое огнем Киприды опаленное тело. С нежной братской лаской тебя обоймут тихоструйные воды, и, выйдя на берег, ты навсегда позабудешь о той, что повергла тебя в томную муку...

Эта река с целебными водами была, как раньше и ты, полным веселости отроком. Невинный и чистый, пас он стада близ берега моря, когда впервые увиделся с нимфой Аргирой. Всецело пленила его юную душу дочь сине-зеленой прозрачной волны. В знойный полдень, когда темно-бурые козы, устав щипать на прибрежных лугах жесткие травы, прячутся в тень раскаленной серой скалы, юный Селемн садился между камней и вперял взор своих темных очей в широкий простор вечно шумящего моря.

Ждать ему приходилось недолго. Из теплых волн, шуршавших по морскому берегу, легко выбегала стройная, вся серебрясь, нимфа Аргира. С легким смехом она приближалась к Селемну и, взяв мальчика за уши, нежно пила поцелуй его малиновых уст.

И оторвавши на миг свой взор от ненасытных очей серебристо-прозрачной наяды, отрок был полон восторженной радости, видя, как трепет его нетерпения мало-помалу передается ей.

Разостлавши затем свой овчинный плащ под сенью ветвей олеандра, бронзово-смуглый Селемн тратил свои свежие силы, чтобы утолить ненасытную жажду объятий нимфы Аргире. Совсем утомленным покидала наяда любовника, с тихим смехом вновь убегала в родные сине-зеленые бездны. Быстро мелькали, вздымая светлые брызги, ее красивые белые ноги, пока не поглощало ее набежавшей пеной волной.

Ей отдавал отрок весь пыл своей первой любви. О ней он мечтал по ночам, когда по черно-синему небу двигались ярко горевшие знаки небесных зверей, а в прилежавших к селеньям горах выли шакалы.

И легкие, отдых дарящие сны плыли мимо жесткого ложа громко вздыхавшего отрока, ибо смущал их и гнал властный образ подобной богине Фетиде нимфы Аргире, всецело владевший его беспокойной мечтой.

— Перестань любить сбою ненасытную нимфу! Она не жалеет тебя и ничего не дает тебе взамен за силы, что ты ради нее потерял.

Брось, она погубит тебя! Люби лучше нас, — говорили отроку смуглые светлохитонные девы, — почему не приходишь ты по вечерам смотреть на наши пляски под звуки томной свирели?

Но ничего не отвечал им юный пастух, ибо грязным казался ему густой темный загар девичьих плеч и верхней части груди, а прикосновение рук их было так грубо, особенно после нежных объятий бледной Аргире.

И сам он преобразился от этой любви. Спал загар его стройного тела, исчез румянец с ввалившихся щек, и только глаза стали казаться еще темнее и больше...

Нимфа Аргира первое время не замечала, как исхудал ее возлюбленный отрок, но потом, когда он начал слабеть и не мог уже неутомимо, как прежде, отвечать на ее пылкие ласки, стала им недовольна.

— Мой милый, ты, верно, мало ешь или спишь, — сказала она, — ибо тыходишь теперь на призрака гребца с галеры, погибшей у скалы мыса Дрепанум. Лунной ночью выходят с песчаного дна утонувшие с ней матросы, и легкие тени их до утра колышутся там, среди сердитых бурунов... Словно у них, холодны стали твои руки и ноги.

И лишь вздыхал ей в ответ утомленный Селемн, а на его темных глазах сверкали бессильные слезы.

Слезы эти стали чаще, по мере того как реже к нему приходила в золотисто-знойные полдни нимфа Аргира. Ибо неверной дочери моря приглянулся в то бремя полный здоровья и сил крепкоплечий рыбак. Наяда нарочно сделала вид, что запуталась в сеть, и втянувший ее в свою лодку смелый пловец был награжден таким поцелуем, каких никогда не умела давать его земная невеста.

Покинутый нимфой, целые дни грустил скорбный пастух; долгие ночи, не ведая сна, проливал он тихие слезы.

И от тех слез просветлели его, черные прежде, глаза... После одной из таких бессонных ночей, когда на побледневшем небе взошла звезда Афродиты, скорбный Селемн, простирая к ней руки, воскликнул:

— О, пенорожденная, если тебе не угодно вернуть мне радость отбетной любви, то сжался и прекрати мои мучений полные дни!

И слезы ручьями текли по его ыпалым щекам...

Велика власть рожденной от крови Урана дочери неба! Всеми богами правит она, превращая их в игрушку своей женственной прихоти. Ей ли трудно было исполнить то, что она совершила?!

Ибо свершила она такое дело, какое у смертных людей считается чудом. Слезы Селемна стали бежать все быстрее и быстрее. С лица падали они на каменистую почву и, извиваясь, журчали по ней тихими струйками. Сам же отрок делался легче, прозрачней и тоньше. Скоро он как бы растаял в предутреннем сумраке, а там, где он сидел, по камням струился уже в сторону моря светлый поток. Поток этот скоро слился с шумящим прибоем, как бы стараясь найти и обнять неверную нимфу Аргиру.

Но nereida ни разу с тех пор не приплывала к песчаному устью с шумом бегущей к морю новой реки.

И Селемн, как прежде, томился тоской: как прежде, слышались темной ночью протяжные вздохи под сенью нависших черных кустов, бывших когда-то кудрями смертным рожденного отрока.

И вновь пожалела его Богиня богинь, добрая сердцем Киприда.

С кроткой улыбкой она обратила к Селемну свои нежные взоры, и под взорами теми исчезла тоска влюбленной реки. Спокойно стали катиться прежде бурлившие волны, и этот покой передается в душу всем тем, кто погружается в их глубину...

Велика благодать твоя, святая Киприда!

Юноша, если душу твою удручает тоска неразделенной любви — отправься в Ахайю и там погрузись в холодные струи Селемна.

ПИРИФОЙ

Старый Харон смутился, увидя, что к месту его переправы подходили не бледные воздушные призраки, а живые люди. Харон ясно слышал их громкий разговор, изредка прерывавшийся здоровым, беззаботным смехом. Незнакомцы, их было двое, скорым шагом приближались к нему, явно желая овладеть старой лодкой перевозчика душ. Харон бросился туда же и успел вскочить в свой челн ранее их. Он налег на весло и хотел оттолкнуться от берега, но один из пришельцев схватился за борт лодки и удержал ее.

— Постой, приятель, перевези-ка заодно и нас! — произнес он, садясь вместе с товарищем в закачавшийся от тяжести челнок.

Сын Эреба и Ночи не привык к такому обращению. Он повиновался до сих пор только одному Гадесу и знать не хотел всяких бродяг, которые без спросу лезут, куда их не велено пускать... «И чего им тут надо? Верно, они хотят познакомиться с ехидной о ста головах или напиться своей кровью тартезского угря? Что ж, пусть тогда идут! Но пусть они знают также, что Цербер никого не выпускает из-под сводов Тартара, а титразские горгоны...»

— Перестанешь ли ты ворчать, старый оборванец! Гребни лучше, пока мы тебя самого не выкинули за борт, на съедение твоему угрю. И это так же верно, как я сын Эгея. Не правда ли, Пирифой?

При этом старший из пришельцев так погрозил Харону копьем, что тот заработал куда усерднее, чем в обыкновенное время, когда ему приходилось перевозить удрученные скорбью и страхом тени усопших. Он с силой пенил веслом свинцовые волны Ахеронова озера, и старая лодка его летела стрелой...

Оба пришельца были в коротких хитонах и в пурпурных царственных плащах. У старшего на голове была широкополая дорожная шляпа.

В руках у него было копье, у пояса нож в кожаных ножнах. На черных кудрях младшего лежал золотой обруч. Вооружение его состояло из бронзового меча, украшенного затейливым узором. Это был царь лапифов, Пирифой, сын Иксиона. Беспокойный дух его вечно жаждал приключений. Ныне он отправился в отчаянное предприятие. Как отец его покушался некогда на жен царя неба и земли, так и он стремился теперь обладать супругой Гадеса, повелителя Тартара. Много он слышал о бессмертной красоте дочери Деметры, похищенной в подзем-

ную область бога ада. Но увидя ее однажды на Элевзинских мистериях, сын Иксиона воспылал к богине самой пламенной любовью.

И в сопровождении афинского царя Тезея, своего верного друга, герой отправился в Тартар, не боясь никаких препятствий. «Трудно только начало. Трудно лишь отыскать вход в адские бездны — остальное пустяки!» — говорили они...

Но вот лодка ткнулась в илистый берег, и герои вступили на зыбучую почву, кишашую червями, пиявками и другими гадами. Бледный тростник, росший на берегу, слабо прошелестел им: «Вернитесь! Вернитесь, пока не поздно, пока не отъехал старый Харон!» Но не слушались герои шелеста; их манила самая трудность подвига, и они шли, пугая сороконожек, змей и лягушек, огибая высокие кучи зловонной грязи, на которых сидели, понурившись, слабо обозначенные, еле видные в полутьме призраки людей, наказанных за непочтение к родителям.

Вздохи призраков долетали порой до слуха героев. Мелькали порой звери, похожие на гиену. Они убегали и прятались со злобным ворчанием...

Вдали проковыляла на медной ноге старая, отвратительная нагая женщина с ослиной головой, на которой сверкали два пылающих, как угли, глаза. Она остановилась перед друзьями и угрожающе застучала своими длинными зубами...

— Это Эмпуза, — сказал Тезей и прицелился в чудовище из лука, — посмотрим, как ей понравится вот эта стрела.

Но отвратительное существо уже успело исчезнуть, как бы расплывшись в воздухе, а недалеко от героев пробежала старая, покрытая струпами черная собака. Она хотела, виляя хвостом, приблизиться к Тезею. Но Пирифой закричал:

— Не верь ей, это опять Эмпуза! — и замахнулся на животное мечом. Собака шарахнулась в сторону и тоже пропала. Зато где-то сзади послышалось насмешливое бляение козы.

— Не будем обращать на них внимания, — промолвил Тезей, — эдак они совсем собьют нас с дороги. Пойдем вперед. Мне кажется, что я вдали слышу музыку.

И герои пошли дальше. Дорога становилась труднее: попадались глубокие темные ямы, откуда слышались стоны и раздирающий сердце вой. Громадные кучи грязи преграждали им путь. Зато казавшаяся

прежде отдаленной музыка слышалась ближе и ближе. Скоро грязь сменилась утесами. Узкая тропинка змеилась между скал. Черными силуэтами они рисовались в синеватом сумраке. Наконец с вершины одного из утесов взорам смельчаков представилась блестящая внизу, как черная сталь, река забвения — Лета.

На другом берегу был обширный луг, поросший асфодилами. В самом конце его паслись темные коровы. За лугом была роща, откуда раздавалось пение, хлопанье в ладоши и звуки флейты.

— Вероятно, там живут чистые души, Тезей, скоро наша цель будет достигнута!

— О, если бы знал ты, товарищ, как хочется мне схватиться с каким-нибудь здешним уродом или исполином! Так бы, кажется, и переломал ему все ребра!

— Даже и Гадесу?

— Даже и Гадесу, Пирифой. Отдохнем только немного, и в путь! Сквозь деревья той рощи что-то светится: не дворец ли это твоей красавицы? Сядем вот на этот утес и будем смотреть на тот берег. Видишь, тени выходят резвиться на лугу. Хорошо им тут!..

Друзья сели. Под ними, внизу, медленно струила свои темные воды река забвения Лета. Вдали слышался глухой грохот катившихся камней. Они оглянулись в ту сторону и увидели, как трусливо шарахнулась снова было подобравшаяся к ним черная собака.

— Опять эта проклятая здесь! — вскричал Тезей. — Никак мне не удастся в нее прицелиться! Только что взялся за лук, а ее уже нет! Это она воет?

— Кажется, она... Послушай-ка, ей откликаются другие собаки... Одна, две, три... Слышишь!

— Слышу; только это не собаки... Взгляни сам.

Пирифой взглянул и увидел, как из рощи выбежало около десяти крылатых дев с обнаженной грудью и распущенными волосами. Некоторые из них были с факелами, другие держали бичи, третьи потрясали цепями. С диким воем приближались они к берегу Леты и, распластав широкие крылья, перелетали одна за другой реку забвения. Намерения их были ясны. Они стремились к друзьям.

Сын Иксиона хотел встать, чтобы схватить копьё, прислоненное к ближней скале, но — к удивлению своему — не мог шевельнуться. В бешенстве он рванулся — и все его усилия были тщетны. Тело героя

приросло к холодной скале.

В недоумении он взглянул на товарища и увидел, что тот точно так же безуспешно пытается подняться с камня, на котором сидел.

Адские девы с громкими криками радости уже окружили друзей, и пока они держали тщетно сопротивлявшихся Тезея и Пирифоя, другие надевали им на руки тяжелые цепи.

Со злобным хохотом издевались они над связанными, ударяя их по щекам. Волосы дев шевелились, и друзья могли заметить, что в черных кудрях у них извиваются змеи... Горько потупились оба героя, не смея взглянуть друг на друга от стыда. А эриннии хохотали над ними. К хохоту их присоединилась и приковылявшая откуда-то Эмпуза. Смех ее был еще страшнее хохота адских дев.

— Дочери ночи, дайте мне напиться их крови, дайте мне насладиться их жиром, допустите меня отведать их мяса! — кричала старуха взвизгивающим от волнения голосом.

— Ах, Эмпуза, нам так жалко, что мы не можем исполнить твоего желания. Наш повелитель приказал взять их целыми и невредимыми.

— Ну, дайте мне хоть разик их укусить! Хи-хи-хи. Они хотели меня, старуху, застрелить! Хи-хи-хи! А вот не они меня, а я их... хи-хи-хи... укушу!..

Страшные зубы заскрипели у горла неподвижного Пирифоя. Он чувствовал у своего лица зловонное дыхание Эмпузы и закрыл глаза.

— Смотрите, он испугался! — провозгласила старшая эринния.

— Он испугался! — как эхо повторили остальные.

— Герой, замышлявший похитить Прозерпину! — продолжала она.

— Похитить Прозерпину! — подхватили подруги...

Эмпузу все-таки отогнали, и она ушла, изрыгая проклятия не только на Пирифоя и Тезея, но и на эринний и даже на самого Гадеса, издающего такие гнусные приказы.

Пирифой открыл глаза.

— Он смотрит! — воскликнула одна из эринний.

— Смотрит! — подхватили прочие...

— Да, мы оба смотрим на вас, — сказал обозленный Тезей, — и видим, что все вы не можете похвастаться красотой. Нет среди вас ни одной, которая обладала бы хоть сколько-нибудь приятным лицом. Все вы немного чем отличаетесь от Эмпузы!..

Эриннии обиделись и разлетелись в разные стороны.

Они были все-таки женщины...

— Вот тебе и супруга Гадеса! — продолжал Тезей, когда друзья остались одни. — Ловко нас обошли! Но ведь как крепко сковали, подлые! Верно, у них все было давно приготовлено... Как они только проведали?..

Пирифой не отвечал и только еще ниже склонил голову. Ему было неловко, что товарищ попал из-за него в беду.

— И, главное, боги не станут теперь за нас заступаться, — со вздохом продолжал Тезей.

В глубине души он хранил, однако, надежду на то, что его спасет Афина, всегдашняя его покровительница. Но второпях он не принес ей жертв, отправляясь в поход, а девственная богиня злопамятна. И Тезей погрузился в глубокую думу...

Кругом было все тихо. Из камыша глядела на героев маленькая нимфа с печальным лицом.

Около нее из-под воды вынырнули две новых крохотных, похожих на нее головки; лукавые темные глазки с любопытством поглядывали то на мать, то на неведомых пришельцев, словно стараясь решить, опасные или неопасные это чудовища...

...Резкие звуки пастушьей трубы пронеслись под сводами Тартара.

Гулко отдавались они среди черных утесов, заставив встрепенуться несчастных пленников. Гигантского роста, совершенно нагой пастух гнал стадо к реке забвения. Молча бежали по асфодиловому лугу быки и коровы.

Пастух не торопясь подошел к берегу и тихо опустил на прибрежные цветы. Свою трубу он положил рядом, а ноги стал полоскать в темной холодной воде. Взором он отыскивал приросших к утесу героев.

— Что, попались, разбойники?

— Кто ты?

— Кто я? Меноит. Я все здесь знаю, ибо я здесь давно и не помню того времени, когда меня здесь не было.

— Ты и Персефону видел? Отвечай мне, пастух, часто она бывает в этих краях? Весела она или грустна? Любит ли она своего супруга? — засыпал Меноита вопросами Пирифой. — Отвечай мне скорее!

— Мне ли не знать Персефоны! — воскликнул Меноит. — На моих глазах вез господин свою невесту. Испуганная такая была... На моих глазах он и обвенчался с ней и на моих глазах ей изменяет... Я ведь знаю, зачем он так часто отправляется к истоку Стикса, к белой пещере с серебряными столбами, где живет его прежняя бледная любовница. Оттого он мне и стадо запретил туда гонять... И он думал это скрыть от меня, от своего старого верного Меноита!..

Старику, очевидно, хотелось показать свою близость к властителю Тартара...

— Ты мне не ответил, пастух, весела или грустна твоя царица... Любит ли она своего мрачного супруга?..

— Помню я женитьбу моего повелителя, — продолжал Меноит. — Пригнав быков на свадебный пир, я стоял у самого дворца. Отблеск факелов, помню, так и рдел на колоннах красного золота. Бледна и заплакана была молодая супруга моего господина; а он был радостен и горд. Гранатовое яблоко держал в руке повелитель и просил Персефону отведать сладких зерен. Она же все вздыхала и отказывалась... Помню я, как приходил потом Гермес и увел от царя молодую супругу. И гневен тогда был господин мой. Ничего он не ел и не пил и грозный ходил по Тартару. Все мы попрятались от его гнева. Глупый Цербер попался ему навстречу и, не узнав, заворчал... Ах! Как избил его тогда господин! И долго он ходил мрачный, пока не вернулась к нему снова Персефона. О, как он тогда веселился! Да и она тоже попривыкла к повелителю. Полюбила его, говорят, даже... только теперь вот...

— Что теперь? — быстро перебил рассказчика Пирифой.

— Да разве им угодишь! Уж на что любил ее господин, да не в добрый час, видно, привел однажды Гермес кучу теней. И был среди них призрак один; Адонисом звали. Подлинно, из себя хорош, да что в нем толку, коли он призрак! Только понравился он царице. Кровью ли она его овечьей отпаивала или какое-нибудь иное снадобье давала, не знаю, но как муж из дому — Персефона к Адонису бежит. Отправилась она раз на землю, а Гадес на Стикс пошел. Он в то время начал уж туда снова похаживать. Только слышу я, кто-то идет сюда к реке, осторожно так... и одеждой шуршит. Эмпуза всегда стучит, когда ковыляет. Гермес платьем не шуршит. Персефоне не время. Немезида у себя во дворце сидит. Эриннии, те молча не летают, все с воем, и тараторят очень... Смотрю — незнакомая. Ну, думаю, что к Гадесу, Верно. Пригласил к

себе, чтобы не так скучно было без жены... Сама-то красивая такая. Покрывало темно-лиловое. Пояс золотой... прямо на теле. А идет осторожно и все по сторонам оглядывается. Боится, чтобы не увидели. Через Лету по камушкам перебралась и к роще; а ей оттуда навстречу тот самый Адонис, что Персефону приворожил... Она к нему — и ну обнимать. Целует его, ласкает, чуть не плачет от радости. А он ей тоже, видно, обрадовался; только небось не рассказывает, как с Персефой время проводил... А потом в рощу пошли... И повадилась эта богиня к нам ходить. Как Персефона на землю, она уже здесь у нас. Смелая стала. Знает, что ее никто тронуть не смеет... Только однажды царица наша пораньше возвратилась, да ее и застань с Адонисом! Крику-то, крику сколько было!.. Тени сбежались. Сам господин явился на шум, взглянул на гостью и ахнул... «Что ты здесь делаешь, Афродита, зачем к нам пришла?» А у самого глаза разгорелись. Она ему в ответ, и храбро так: «Да не можем мы с твоей женой этого человека поделить. И мне он люб, и ей. Кому отдашь?» Молчит Гадес, покосился на супругу, а сам опять глазами впился в гостью. А те опять ссорятся. «Мой! — кричит одна. — Не отдам его тебе!» — «Зато я, быть может, отпущу его», — говорит господин. А Персефона ему: «Ну тогда я за ним уйду и не вернусь никогда!» Видит Гадес, что дело скверно, и говорит: «Ступайте к Зевсу, пусть он вас рассудит». Те ушли. Эриннии мне потом рассказывали, что всю дорогу богини ссорились... А Адонис идет себе с ними как ни в чем не бывало... Вернулась Персефона одна. Ничего не говорит. Прошло немного времени, глядим, а к ней снова Адониса Гермес ведет. Узнали мы потом, что Зевс ему велел с обеими богинями жить. Персефона его, по вашему счету, полгода и продержала... И ни капельки мужа не боится. Да и он тоже подолгу пропадать стал... Так и по сие время продолжается. Вот теперь и понимай сам, как она здесь скучает... Заболтался я, однако, тут с вами; давно пора стадо гнать!

Старый пастух щелкнул бичом и отошел от берега. Медленно удалялся он по лугу, направляясь к ракитовой роще Персефоны. Когда же он скрылся за деревьями, герои еще сильнее почувствовали свое одиночество.

Беззвучно катила свои волны неширокая темная Лета, извиваясь под нависшими утесами берега, на котором сидели пленники.

Пирифой закрыл лицо руками, а Тезей, перегнувшись назад, старался рассмотреть, что делается за его спиной...

Из глубокого ущелья катил огромный камень человек, весь покрытый черной пылью. Порой он кряхтел и стонал от усилий, напрягая свои мощные мышцы... Бледные призраки девушек с кувшинами на плечах сходили к реке; зачерпнув воды, они шли обратно и скрывались за утесами, легкие и стройные, как молодые тростинки.

Красивые лица их были сосредоточены и печальны. Это были Данаиды...

Проходило время, но сосчитать его не было возможности. Не проникают в подземное царство золотые лучи пыльного Феба и серебряное сияние его спокойной сестры. Нет там отличия между днем и ночью. Не возвещает умершим петух, что близится утро, и стыдливая Эос не вспыхивает ярким румянцем... Вечные сумрак и скорбь царят там повластно.

Героям казалось, что века протекли с тех пор, как они попали в тяжелый плен. Скучное однообразие изредка нарушалось проходившим вдали караваном душ. Во главе его шел обыкновенно Гермес. Первое время Тезей и Пирифой кричали изо всех сил, призывая к себе на помощь сына Зевса и Майи. Дикие крики гремели, теряясь под сводами Тартара. Тени испуганно оборачивались на отчаянный зов героев. Но Гермес делал вид, что не слышит воплей пленных царей, и невозмутимо продолжал путь. Гневно грозил ему вслед Тезей кулаком и подолгу изрыгал проклятия. Пирифой же раньше его понял бесплодность жалоб и воплей. Теперь он старался по возможности не глядеть на товарища, чтоб не встречать его немного укоризненного взгляда.

Порой пленники могли видеть, как по асфодиловому лугу гигантский призрак Ориона гнал стадо убитых им некогда зверей. Бесплотные львы, мощные когда-то быки, стройные олени и козы покорно бежали, подгоняемые огромной палицей охотника. Пятнистые леопарды изгибались в красивых прыжках...

Со свистом рассекая воздух сильными крыльями, иногда пролетали эриннии. Изредка они садились по-африкански, на корточки, неподалеку от пленников и насмешливо разглядывали их.

Тезей сначала их поносил бранными словами, а потом пытался заговорить с ними.

Быть может, в голове его мелькал план создать себе новую Ариадну.

Но эриннии только смеялись в ответ неприятным, пронзительным

смехом...

Некоторые из них, в длинных черных мантиях, были стары и безобразны. Отвратительные змеи шевелились в их седых волосах.

Другие, вовсе без одежд, с одним лишь пурпуровым поясом, были молоды, но злобное выражение лица делало их столь же неприятными. В руках своих они проносили иногда горящие факелы, ярко пылавшие в полутьме. При свете факелов пленникам удалось рассмотреть многое, чего они раньше не замечали.

Под соседним нависшим утесом, поминутно грозившим свалиться в темную Лету, неподвижно сидел призрак старца.

Какой-нибудь миг видел его Пирифой, но успел разглядеть, что расширенные очи призрака устремлены на него. И долго не мог забыть герой их выражения.

Старый Меноит, пригонявший иногда к Лете свое стадо, рассказал пленникам, что это великий грешник. Имя же его пастух позабыл.

Зато он подробно рассказал о другом грешнике, которого уже видел Тезей. Грешник этот, по имени Сизиф, причинил много беспокойства бессмертным. Он открывал, между прочим, тайны богов другим богам и ссорил их между собой. Когда за ним послали бога смерти, нечестивый Сизиф схватил и связал его... Смертные перестали умирать. Старики и старухи стонали под тяжестью лет и тщетно просили богов о кончине. Тогда олимпийцы послали против него самого бога войны, и тот привел грешника в царство Гадеса. Но и отсюда Сизиф пытался однажды бежать. Он присужден к заслуженному наказанию и вечно будет возиться с тяжелыми камнями.

В близлежащем ущелье герои заметили также постоянный отблеск пламени, дрожавший в вершинах утесов.

Тезей обратился раз к отдыхавшим неподалеку эринниям с вопросом о причине огня.

Одна из адских дев смерила взглядом Тезея и Пирифа и произнесла высокомерным тоном:

— Посягающих на богинь постигает лютая участь, — и улетела вместе с подругами...

Над пленниками проносились порой коршуны и молча спускались между скал. Коршунов было двое, и они чередовались, прилетая один на смену другому. Отлетали они, отяжелев от еды, лениво махая длинными черными крыльями. А из того места, откуда они вылетали, слы-

шались тяжелые вздохи...

Друзья чувствовали, что Аид наполнен тайнами; что тайны эти окружают их. И сознание силы и могущества повелителя этой области действовало на пленников угнетающим образом.

Чтобы как-нибудь подавить томящую скуку, друзья пробовали развлекать себя воспоминаниями.

— Помнишь, Тезей, как после охоты в Калидоне мы отдыхали у гостеприимного Ахелоя, в его гроте, на ложах из мягкого меха, и белоногие нимфы служили нам за пиром?

— Да, помню, тогда наш хозяин еще занимал нас рассказами про богов, и нам не хватало лишь Атланты, которая всем нам так нравилась. А ты помнишь, Пирифой, как мы ловко похитили дочь Леды Елену? Помнишь, как мы ее прятали у меня в Афинах... Право, досадно, что мы ее так скоро отдали назад братьям. Мне не хотелось тогда ссориться с ними... Хотя, впрочем, она скоро успела бы мне надоесть. Женщины ведь быстро надоедают... Взять бы хоть твою Гипподамию. Уж на что, кажется, хороша она была... Помнишь свадьбу — какая была пышная? Старший Атракс созвал лапифских старейшин. Нас, афинян, пришло тогда несколько человек. А ты, думая позабавить гостей, пригласил этих разбойников кентавров... Хорошая забава, нечего сказать, вышла. Прав был Атракс, когда не советовал давать им много вина. Помнишь, как они, пьяные, бросились на женщин?.. Как я ловко уложил тогда косматого Эврителиона, схватившего твою Гипподамию; так он и рухнул об землю! Хорошо, что у меня нашлась под руками, так кстати, тяжелая чаша... Ах, как весело было тогда с ними драться, в яркий солнечный день, на лугу, окаймленном соснами, под ясным синим небом!.. Не то что здесь... темно. Холодно. Скучно!.. Ах, Пирифой, Пирифой, куда ты меня завел!

У Пирифоя болезненно сжалось сердце, и он ничего не мог ответить.

И снова потянулись дни, которых нельзя было сосчитать...

— Кто бы ни были вы, — привет вам, герои!

Вы пришли недавно с земли? О, расскажите мне, кого теперь любит Кронид?!

Услышав тихую речь, подобную шелесту трепетных листьев, пленники подняли головы. Перед ними стоял, колыхаясь, матово-белый

призрак. Женщина неземной красоты с царственно-гордой осанкой ожидала ответа героев. Тоска и нетерпение были написаны на ее слегка исхудавшем лице. Тезей молчал, вглядываясь в черты привидения. Тогда Пирифой начал говорить:

— Я не знаю, кто ты, столь рано похищенная смертью с лица осиротевшей земли, но, вероятно, ты была не последней в твоём народе. Быть может, ты родилась от бога?.. Мне жаль, что я не могу тебе сказать, кто теперь служит забавой Зевсу. В последнее время называли Фиванку Антиопу, дочь царя Никтея. У нее родились близнецы, хотя ходит молва, будто отцом их был обыкновенный сатир... Другие же говорят, будто Зевс вернулся теперь к своей прекрасной супруге...

— Гере с волчьими глазами! Прекрасно, это на него похоже!.. Бедная беотянка! Вероятно, он и ей клялся даровать вечную жизнь под радостным солнцем... Обманщик! Сколько раз этой самой рекой клялся он сделать меня бессмертной!.. О, любовь олимпийцев! Сколько горя она приносит! Разве был кто счастлив из женщин, которые им отдавались? Горе, горе!

И призрак ушел, предаваясь неукротимой скорби.

— Разве ты не узнал ее, Пирифой? — спросил Тезей.

— Нет, а кто она?

— Некогда прекраснейшая из человеческих жен. Она даже приходится мне сродни. Это жена спартанца Тиндара, мать златокудрой Елены, которую мы когда-то похитили! Она нас не узнала.

Мелодичные струнные звуки вывели друзей из тяжелого раздумья. Звукам вторил приятный, слегка печальный человеческий голос. Голос все приближался и приближался... Замерли с кувшинами в руках Данаиды, внимая божественному пению. Кучка стоявших эринний опустила факелы и обратилась к слуху.

К пленникам приближалась фигура живого человека в белых одеждах с зеленым венком на кудрях. В руках он держал кифару, струны которой разливали отраду. Глаза путника были устремлены в пространство, но он шел, никого и ничего не замечая. Не видел он толпы бледных призраков, которые окружали его, жадно внимая томительным звукам. Не слышал он, как зашипела вода под факелом, уроненным одной из эринний... По выступившим из воды камням певец перешел реку забвения. Старый Меноит вышел к нему навстречу со своим стадом, и быки с коровами склонили к земле рогатые головы. Хищные

звери Ориона прилегли на цветы асфодилов. Из рощи Персефоны высыпали новые тени и толпой последовали за смертным, который сошел в Тартар, не успев умереть, и до сих пор не наказан за это. Призраки шептали друг другу, что адский пес не преминет пожрать его, и пытались удержать смельчака, простирая к нему легкие руки и преграждая путь...

Но человек в белых одеждах с удвоенной силой ударил по струнам и скрылся из глаз пленников по направлению к дворцу Гадеса...

И он вышел оттуда, гордый, сияющий славой, а за ним шла стройная, закутанная в фату, женская фигура. Победным счастьем гремели звонкие струны.

На краю зияющей пропасти чернела фигура Сизифа, который прекратил на время свою скучную работу, заслушавшись дивной мелодии. Неподвижные бледные тени замерших от счастья Данаид казались в полутьме чудными мраморными статуями, изваянными великим художником...

Когда игравший на лире проходил мимо пленников, Тезей закричал:

— Господин, ты, кого любят боги, попроси их за нас, живых, попавших в царство смерти!

Орфей вздрогнул, услышав человеческий голос. Он остановился на мгновение и сказал:

— Теперь я спасаю отсюда свою жену и не могу медлить. Кто вы такие, несчастные, навлекшие на себя гнев богов?

— Путник бесстрашный, скажи афинянам, что царь их, Тезей, сын Эгея и Эфры, страдает живой среди мертвых и просит его спасти.

— Божественный певец, если ты будешь в стране лапифов, утешь мою жену Гипподамию, дочь знатного Атракса, и ее малюток!

— Просьбы ваши будут исполнены,— произнес Орфей и скрылся за поворотом тропинки, спеша поскорее уйти из области мрака. Тень его жены следовала за ним...

Друзья не заметили, как тень эта скоро вернулась обратно в сопровождении торжествующих фурий.

Пленники стали себя чувствовать бодрее.

Робкая надежда зашевелилась в их сердцах. Они утешали друг друга, говоря, что их семьи и родичи, принеся обильные жертвы, сумеют умиловить владыку Тартара, и он отпустит их на свободу...

Но однажды среди вереницы призраков, спокойно идущих на суд Эака, Пирифой заметил ту, на кого так надеялся. Бледная и печальная шла Гипподамия с заплаканными глазами. Друзья увидели, что она заметно состарилась... Пирифой не решился окликнуть ее, но Тезей закричал:

— Гипподамия!

Содрогнулись все тени от громкого оклика. Прекрасная некогда Гипподамия поглядела на пленников, всплеснула руками и хотела кинуться к ним, но Гермес сердито преградил ей дорогу перевитым змеями кадуцеем.

И она, бессильная, покорно пошла вместе с другими тенями, часто оглядываясь туда, где на холодных камнях сидели Тезей и Пирифой...

Надежда пленников стала гаснуть. Склонив головы на руки, сидели герои, полные грустных дум, стараясь не смотреть друг на друга...

Сын Иксиона впал в какой-то полусон. Ему чудилось, что его кто-то зовет, кто-то простирает к нему руки, кто-то родной и близкий ему человек. Он знал, что это была не Гипподамия. Ему чудился иной голос, который он слышал в детстве. И не голос матери. Мать свою, Дию, дочь Дейонея, он помнил хорошо. Отца же, Иксиона, он потерял очень рано. Всего несколько сцен запечатлелось в его памяти. Знойный солнечный день. Он, совсем еще маленький Пирифой, стоит на дворе, недалеко от двери и слушает, как могучий и статный отец, воротившись с каких-то подвигов, что-то говорит своей жене. Голос у него громкий и сердитый. Мать перед ним в чем-то оправдывается. «Но ведь это бог! — говорит она. — Как же я смела ему сопротивляться?» И прекрасная дочь Дейонея, вся розовая от смущения, стыдливо потупляет глаза, на которых блестят набежавшие слезы. «Ну, так что ж, что бог! — гневно восклицает отец. — Коли он бог, так и знай своих богинь, а наших жен не трогай!.. Бог! А ведет себя хуже людей, право хуже! Вот я ему! Я не я буду, если не отомщу!» И Пирифой вспоминал, как бил себя в грудь его отец и как на той мощной груди гремели доспехи... Словно сквозь сон вспоминал Пирифой то, что было дальше. Отец, полный гнева, сказал: «Хорошо же. Пусть он на своей Гере поймет, что значит трогать чужих жен!..» С гневом Иксион ушел. Ушел, и с тех пор Пирифой его никогда не видел. Мать избегала говорить о своем муже и на все расспросы сына отвечала, что отец его прогневил богов и те сурово наказали Иксиона. «Веди себя хорошо, Пирифой; бойся оскорблять бес-

смертных, почитай жрецов, чаще приноси жертвы, и участь отца тебя не постигнет!..»

Став уже взрослым, Пирифой услышал однажды, что будто бы его отец забрался на Олимп и покусился там ночью на одну из богинь. Но олимпийцы подсунили смельчаку призрак...

Пирифой не поверил тогда этой басне. Мало ли чего не рассказывается про богов и героев...

И теперь ему невольно приходила в голову мысль об отце. Не его ли голос слышался ему в полусне? Ах, если бы увидеть его хотя на мгновение или сноба услышать этот мощный, отчетливый голос!..

— Проснись, Пирифой, снова кто-то идет сюда. Сердце мое бьется и замирает в груди! Я чувствую, что скоро буду свободен... Ах, как бьется оно!..

Сыну Эреба и Ночи было много работы. И работа была неприятная. Людей приходилось перевозить за последнее время мало, но призраков разных чудовищ достаточно.

И Харон был недоволен... Да и можно ли чувствовать себя вполне довольным, перевозя свирепого немейского льва, который щелкает зубами и сердится, что с него содрали шкуру? Да и оболы не платит!.. Или какая-нибудь лернейская гидра, которая, выпуча глаза, насилу помещается в его челноке? Из-за нее Харону совсем пришлось перебраться на нос. Или вот ему недавно пришлось перевозить страшного пса. Если б не две головы вместо трех, его смело можно было бы принять за Цербера. Хорошо еще, что с ним был призрак великан, которого слушалось чудовище... Или дракон, который величал себя хранителем Гесперидского сада и требовал к себе поэтому всяческого уважения... Коли ты хранитель сада, так и сиди в своем саду, а не лезь, куда не просят! И откуда их столько берется? И кто их сюда гонит? Жили бы себе на земле и не обращали бы область печали и мрака в какой-то зверинец. Да и то Эмпюза рассказывала, что Цербер чуть не насмерть погрызся с новым псом, а теперь оба сидят и воют, один в две, а другой в три пасти... Вот опять кто-то идет. Ишь, даже земля трясется! Не отъехать ли от берега?..

Из-за скал вышел человек гигантского роста и атлетического сложения. Облачение его состояло из львиной шкуры и сандалий. На плече

лежала внушительных размеров дубина. Человек был живой. А живых Харон недолюбливал. Но делать было нечего: исполин уже уселся в челнок, на затрещавшую от его тяжести скамью.

— Вези! — приказал он коротко и внушительно, ткнув пальцем по направлению противоположного берега.

— Что ж, и повезу, отчего не повезти! Не первого ведь приходится переправлять. Назад-то мало кто из вас возвращается. Одного только музыканта, кажется, и отпустили обратно... Вот погоди, покажет тебе свои зубы Цербер! Он тебе посбавит спеси!..

— Его-то мне и надо, старичина! Ты не знаешь ли, где он живет? Есть у него конура какая-нибудь? Или он тут у вас без привязи бегаёт?

— Он у нас на длинной цепи сидит. Да ты к нему как подойдешь, он тебе все сам расскажет; в две пасти тебя есть будет, а третьей рассказывать. Тоже нашелся один такой! Цербера ему подавай! Погоди, он тебе покажет, этот Цербер! — ворчал Харон, высаживая на берег незнакомца.

«Привязан? Это хорошо, что привязан. Не убежит по крайней мере. А то гоняйся, лови его! Не люблю бегать в темноте... Цепь только какая? Гефест ее ковал или нет? Если Гефест, то оборвать трудно... Ну, тогда вместе с конурой приволоку!..» — размышлял герой, в котором всякий житель Эллады без труда узнал бы сына Алкмены, Геракла.

Повстречавшая его Эмпруза попробовала было защелкать зубами, думая устроить путника; но герой молча показал ей дубину, и Эмпруза скрылась. Эриннии хотя и заметили героя, но боялись еще пока приближаться к нему, рассчитывая дожидаться более благоприятного момента. А Геракл бодро шел вперед и достиг уже берегов Леты... По временам он останавливался, с любопытством разглядывая претерпевающих наказания грешников.

Но вот до слуха героя долетели призывные крики:

— Сюда, богоравный! Сюда! Спаси нас, несчастных страдальцев! Мы давно ждали тебя, наш избавитель!

Геракл увидел Тезея и Пирифоя.

— Кто вы, злосчастные, и как сюда попали? И зачем тут сидите вы, живые, среди мертвых?

— Мы задумали страшное дело: похитить Персефону, жену Гаде-са, и боги нас наказали за это, — произнес Тезей, — о, спаси нас, могучий герой! Дай нам снова погреться под солнечными лучами, дай

нам увидеть синее небо, услышать плеск моря, вдохнуть в себя благоухание цветов!

— Ладно, клянусь вам этой самой рекой, над которой вы сидите, не будь я Геракл, сын Алкмены и эгидодержавного Зебса, если не приложу всех своих усилий спасти бас! Теперь я иду взять адского пса: он зачем-то понадобился царю, у которого я служу. Но только я им овладею — вы будете спасены.

Сказав это, Геракл узенькой тропинкой спустился к воде. В несколько прыжков очутился на противоположной стороне и остановился, не зная, куда ему идти. Две-три тени, к которым обратился герой, не могли или не хотели ответить.

Со стороны Персефоновой рощи, навстречу ему гнал свое стадо адский пастух. Тени при виде стада знаками показали Гераклу, что они охотно напились бы крови. Сострадательный герой понял их желание и направился к стаду. Тезей и Пирифой со страхом следили за происходящим. Они видели, как Меноит с криком замахнулся на Геракла своим страшным бичом, как бич этот просвистел над головой сына Алкмены, который успел пригнуться, а затем бросился на противника и сильным ударом палицы свалил его на землю.

Герой выбрал одну из коров, мигом поймал ее, но долгое время не знал, как ее зарезать, ибо меча с ним не было. Внезапно он вспомнил про страшные когти, грозно черневшие в лапах его львиной шкуры, и темная лужа крови задымилась среди луга, покрытого цветами асфодилов.

Тени с жадностью стали стекаться на запах крови... Алчной надеждой засветились их бесплотные тусклые очи. И, напившись, они загаворили своими окровавленными устами, рассказывая про дальнейшую дорогу в ад, жалуясь герою на свою горькую участь.

Геракл скрылся в роще Персефоны, откуда послышался адский лай Цербера, громкая ругань героя, от которой содрогались своды Тартара, и, наконец, визг и вой побежденного зверя. Пленники тем временем с нетерпением ожидали своего избавителя. Надежда и страх чередовались в их душе, пока сын Алкмены не показался из рощи, волоча за собой упиравшегося адского пса, который выл, ворчал и огрызался в одно и то же время. Шерсть на нем стояла дыбом, и три пары глаз налились кровью. Но герой был сильнее: он переволок через реку пленное чудовище и втащил его на утес, где сидели Тезей и Пирифой. Пса

он прикрутил неподалеку, а сам присел на корточки, чтобы вздохнуть немного и отереть пот, крупными каплями выступивший на его лбу.

— Фу, как устал, насилу-таки приволок! И на что Эврисфею эта гадина?.. Погодите, братцы, немножко, я сбегаю — напою еще несколько призраков. Одного тут поблизости жарят на огненном колесе. Мне его страсть как жалко!

— Под скалой еще один сидит, — сказал Пирифой.

— А там еще одного коршуны рвут, — прибавил Тезей.

— Ладно, пожалуй, еще корову придется зарезать.

И неутомимый Геракл мигом очутился на той стороне, поймал одну из коров, столпившихся над простертым Меноитом, и приволок ее к друзьям. Мечом Пирифоя он перерезал ей горло и наполнил кровью колчан и дорожную шляпу Тезея. Этой кровью Геракл пошел поить призраков, осужденных на вечные муки...

Жадно хлебнул дымящейся крови Тантал, и очи его наполнились благодарностью. Призрак, сидевший под скалой, прильнул к полному до краев теплой кровью колчану и долго не мог оторваться. От простертого в ущелье Тития Геракл отогнал коршунов и также утолил его жажду. Были напоены и Салмоней, и Сизиф, и много других призраков, томившихся в царстве печали. Не знавший усталости герой спустился в другое ущелье, где на вертящемся колесе вечно жарился в огне один из страдальцев. Тезей и Пирифой увидели, что пламя, мигавшее оттуда, потухло. До них долетел чей-то радостный вздох облегчения...

Но вот Геракл вернулся к ним. Сердца пленников радостно сжались. Герой подошел к Тезею. Напряг мышцы. Рванул раз, два... и Пирифой увидел, как его товарищ был оторван от скалы и освобожден от цепей... Сын Алкмены подошел теперь к нему...

У пленника закружилась голова и потемнело в глазах. Мельком он видел, что к ним приближалась богиня мести, Немезида...

Потом он почувствовал, как охватил его крепко Геракл, прижимая к себе, старался оторвать от камня, к которому он прирос.

Пирифой почувствовал, как трещали мускулы Геракла, слышал его тяжелое дыхание. В ушах у пленника шумело. Он испытывал страшную боль, но не решался вскрикнуть. И это продолжалось долго, долго...

Наконец Геракл отпустил его, чтобы перевести дух. Когда же ге-

рой хотел возобновить попытку, к ним подошла Немезида и грозным голосом произнесла:

— Остановись, сын Алкмены, если ты боишься прогневить своего отца. Человек этот осужден навсегда. Сын Иксиона, покушавшегося на Геру, не может рассчитывать на снисхождение богов. Внук Флегия, поджегшего храм Аполлона, не должен избежать положенной ему кары. Удались, Геракл, и не гневи бессмертных, иначе ты разделишь участь этого недостойного и никогда не увидишь родного дома и своей жены Мегары. Уже за то, что ты освободил без спроса Тезея и напоил кровью осужденных на муки, тебя ждет наказание. Не увеличивай его ослушанием! Это говорю тебе я, Немезида, дочь Ночи, сестра бога смерти!

— Оно, положим, что твоего брата я не боюсь. А он меня боится с тех пор, как я отнял у него Альцесту. Ну, да не в этом дело! Ты говоришь, что отец запрещает мне освобождать этого человека? Нечего делать, из воли отца я не выйду... Прости, несчастный, я ничего не могу для тебя сделать!..

Геракл взвалил на плечи дубину и намотал на руку цепь адского пса.

— Прощай, Пирифой! — сдавленным голосом, не подымая глаз, произнес Тезей.

Затем оба они скорым шагом двинулись к выходу из ада. Тезей шел не оглядываясь; но Геракл, перед тем как скрыться за поворотом, обернулся к убитому горем Пирифою и крикнул ему в утешение:

— А ты не унывай! Я поговорю еще с отцом.

И герои исчезли в ущелье...

Безумными глазами глядел им вслед Пирифой. Ему хотелось что-нибудь крикнуть вдогонку уходящим, но язык не повиновался. Ему хотелось еще раз взглянуть в лицо старому другу, который так безжалостно его оставлял. «Хоть бы обнял меня на прощание!» — подумал покинутый сын Иксиона.

Кругом не было никого. Даже Немезида скрылась куда-то. И среди могильной тишины пронесся раздирающий душу вопль. За ним другой, третий... И рекой полились жалобы ослабевшего духом героя.

— О мать моя Дия, отец мой Иксион, зачем произвели меня вы на свет! Зачем ребенком не бросили меня на съедение орлам и лисицам в глубокую пропасть! — воскликнул он в отчаяньи.

Но внезапно над головой Пирифоя прогремел чей-то властный голос:

— Если бы я знал, что у меня родится такой малодушный сын, ни за что не взял бы я себе в жены золотоволосую Дию и теперь не испытывал бы стыда!

Пирифой поднял голову и взглянул на говорившего.

— Кто ты, называющий имя моей матери? — спросил он.

— Я сын Флегия, Иксион, никогда не уступавший богам. Я твой отец, отомстивший Зевсу за позор своей жены. Пусть олимпийцы выдумывают сказки о какой-то Нефеле, о призраке, который они мне подсунули вместо Геры. Я очень хорошо знаю, кого держал в своих объятиях... Да, Зевс, я отмстил тебе! Пусть я претерпеваю неслыханные муки на крутящемся раскаленном колесе, они ничто в сравнении с сознанием подвига. Я отомстил и за себя, и за свою сестру Корониду, обиженную Аполлоном. Я отомстил за всех женихов, у которых боги похищали их возлюбленных; за всех мужей, которых обидели олимпийцы!

— Ты хорошо поступил, сын мой,— произнес новый старческий голос, принадлежавший выползшему из-под скалы призраку, к которому вместе с выпитой кровью вернулись силы,— я тоже отомстил за нее, поджегши храм обидчика, но ты превзошел меня. Ты отмстил за все человечество, за все обиды, нанесенные ему бессмертными. Сын твой хотел идти по твоим стопам. Ему не удалось исполнить намерения, но лишь потому, что боги следили за каждым его шагом. Они боялись его. Боялись, видя в нем твоего сына... Не сердись на него, Иксион, и слушай. Помни мои слова также и ты, Пирифой. Владычество Олимпа не вечно, я это знаю. Вещие нимфы реки забвения говорили мне, что придет время, когда над бессмертными богами будут смеяться даже дети... Я не знаю, когда это будет. Знаю, что мне этого не увидеть. Не увидишь этого также и ты, мой страдалец Иксион. Ну, а Пирифой увидит — это я чувствую. Не падай духом, внучек, помни, что в тебе течет наша кровь, кровь героев!.. А теперь прощай, видишь, несутся эриннии, чтобы рассадить нас по местам!

— Прощай, мой сын! — прибавил от себя смягченным голосом Иксион. — А если тебя ждут мучения — вспомни об отце. Обещай мне не падать духом!

— Обещаю! — твердо произнес Пирифой вслед уводимым фуриями отцу и деду...

И он сдержал слово.

Насмешливо крича, плясали и кривлялись вокруг него Эвмениды. Низко наклонялись они, чтобы сказать ему на ухо что-нибудь о страсти его к Персефоне, а их змеи жалили его...

Опираясь на руку Адониса, проходила мимо него сама Персефона и, остановившись против пленника, прижималась к юному спутнику и обнимала его. Пирифой, стиснув зубы, смотрел на них, стараясь казаться равнодушным. А богиня, поглядывая иногда на Пирифоя своими темными, полными тайны глазами, целовала красавца, и золотые ожерелья тихо бряцали на ее груди...

Иногда она показывалась вдали на асфодиловом лугу, но уже рядом с супругом. Адонис в это время был на земле. Это охладило Пирифоя. Он почти перестал ревновать царицу ада...

Но сидеть ему было скучнее прежнего. Не приходил больше Меноит, развлекавший его, бывало, рассказами. Не с кем было ему поделиться своей грустью...

Время проходило и проходило, а Пирифой все сидел на холодном камне... Он стал уже равнодушен ко времени.

Много призраков близких и знакомых людей прошло мимо страдальца. Давно прошел его тесть, дряхлый Атракс. Один за другим шли лапифские старейшины, и он кивал им головой. Прошел окровавленный призрак певца Орфея, радостно стремившегося вновь увидеть свою милую Эвридику... Однажды, среди вереницы теней, Пирифой увидел Тезея, смущенно отвернувшегося от друга.

Мало-помалу знакомые лица перестали встречаться Пирифоя в толпе призраков, подгоняемых кадуцеем Гермеса. И он заключил, что уже очень давно находится в царстве забвения.

И эринниям, вероятно, надоело его дразнить, ибо они оставили его в покое.

Однообразие и тишина царства мертвых были еще раз нарушены шумным приходом одного молодого бога. Он был строен, румян, и ве-

селяя улыбка играла на его лице.

Одежды на нем не было никакой. Лишь золотистые кудри были украшены тяжелыми гроздьями винограда. В левой руке у него был тирс, в правой — чаша с ароматным светлым вином. Адские девы с почтением расступались перед красивым богом, а он со смехом брызгал в них пеной душистого вина из своей золотой неиссякаемой чаши.

— Кто ты, божественный юноша? — осмелился спросить Пирифой, когда тот проходил мимо него.

— Я сын Семены от Зевса. Имя мое Дионис. Я даю миру покой и блаженство. Теперь я иду в область мрака, чтобы вывести оттуда свою мать и поселить ее на Олимпе... А ты кто такой? Впрочем, что мне за дело до этого! Ты страдаешь, и этого довольно. Пей из моей чаши, и обретешь блаженство забвения.

И юный бог поднес чашу к губам Пирифоя.

Сладкая прохладная жидкость приятно освежила уста пленника; у него зашумело в голове, своды Тартара заплясали перед его глазами, и он погрузился в глубокий сон.

Дионис улыбнулся ему своей загадочной улыбкой и пошел дальше, весело помахивая тирсом. Он шел к золотистому дворцу Гадеса. Мрачный бог сам вышел ему навстречу с прекрасной Персефоной... Звуки флейты весело приветствовали юного бога. Радостно звучали ему навстречу тимпан и бубны...

Пирифой не видел возвращения торжествующего бога из области мрака. Не видел он тени прекрасной Семелы, с гордостью шедшей за сыном. Он спал так крепко, что забыл обо всем...

Много снов видел Пирифой. Много новых подвигов совершил он. Много пережил старых. Снилось ему Эллада. Залитые солнцем скалы, пыльные оливы, гордо шумящие сосны в ущелье Киферона, блеяние коз, пение птиц, плеск многошумного моря... Снилось ему свадьба с Гипподамией. Свалка с кентаврами среди скал Пелиона. Свист пересекающих воздух дубин, лязг мечей, топот копыт и рев разъяренных разбойников... Он видел, как недалеко от него пал Кеней, задавленный тяжелыми соснами, как один за другим валились разбойники под взмахами его тяжелого копья... И спящий герой шевелился во сне, сжимая кулаки, хмурия брови...

Но сны мало-помалу теряли яркость. Ему казалось, что на землю спустились сумерки... Он лежит на холме и смотрит, как мимо про-

ходят толпы неизвестных людей. Язык их становится для него все менее понятным, одежда все более незнакомой. Среди непрерывно идущих попадаются целые толпы в чуждом вооружении. Люди эти дерутся между собой. Дерутся, как звери, безжалостно добивая раненых, призывая себе на помощь неизвестных Пирифую богов...

Какие-то гигантские страшные звери с рогами, растущими изо рта, и с башнями на спинах движутся в пестрой процессии. В башнях сидят люди в неведомых одеждах. Смуглолицые женщины с выдающимися бедрами и грудью, с лоснящимися от масла косами и самодовольным взором едут, полураздетые, на колесницах. И из-за них идет та же резня. Вокруг колесниц толпятся люди с безумными взглядами и, убивая друг друга, устремляются к самодовольным разряженным самкам. Колесницы едут по окровавленным трупам. А резня все продолжается... И она тянется так долго, что давно уже надоела Пирифую и становится ему противной.

Ему чуждаются реки крови... Какой-то красный туман, в котором он плавает и носится, как осиротевшая птица. Туман полон странного смутного гула. Чьи-то раздирающие душу вопли и проклятия доносятся до его слуха, смешиваясь с непонятными гимнами... Лязг цепей и подавленный хрип... Пирифой чувствует запах крови, острого женского пота и тяжелых восточных ароматов. Дышать становится тяжело... И эта мука тянется так долго, долго...

Красный туман сгущается и темнеет... Пирифой снова видит себя в царстве Гадеса. Только царство это стало больше и шире. Низкие прежде своды поднялись до темных небес, на которых не сверкает ни одной звезды.

Лета, асфодилевый луг и роща Персефоны исчезли. Остались одни только бесформенные скалы, повитые красноватым туманом.

Туча призраков со стенами и воплями носится в воздухе.

Один он, Пирифой, по-прежнему сидит неподвижно на гранитной скале. Призраки говорят на всевозможных языках, но Пирифой теперь их всех понимает. Он знает, что все эти ассирийцы, персы, арабы, греки и финикияне жалуются на свою горькую участь, которая будет длиться без конца... И робкая жалость начинает вкрадываться в спящее сердце героя...

Но вот унылый вид призраков мало-помалу оживляется. Они собираются и о чем-то шепчутся, пугливо озираясь на эриний, которые тоже чем-то озабочены: их гораздо больше прежнего, и вид их слегка изменился. Но прежняя злоба долетает до Пирифоя. До него доносятся малопонятные обрывки фраз: «Он нас освободит... — Нет, это Мифра, великий Мифра, рожденный в пещере!.. — А я говорю вам, что он уже раз нисходил... — Только он и может нас спасти!..» Из уст призраков египетского происхождения особенно часто слышится слово «Озирис». Персы упорно повторяют: «Это он, рожденный от девы, великий Мифра». Греки упоминали про Диониса-Вакха, и у Пирифоя мелькнула догадка — не тот ли это Вакх-Дионис, который напоил его из чаши блаженства? Финикияне уповали на Таммуза. Он озарит своим светом область мрака...

В одном сходились все они: кто-то должен скоро прийти и освободить их. Унылые лица становились бодрее. Бесплотные очи светились надеждой.

Слух о чьем-то близком приходе дошел и до фурий. Они тоже шепчутся и собираются в кучки. К ним присоединяются невиданные еще Пирифоем гении мрака, суровые даймоны с черными крыльями за спиной и копьями в руках. Их собираются целые мириады, десятки, сотни мириадов... Воздух наполняется шелестом их крыльев. Их так много, что робость начинает овладевать спящим героем. Как можно победить сопротивление такой страшной силы?..

Густыми колоннами летят вдаль гении мрака. Летят и фурии, с распущенными волосами, с искаженными от злобы лицами. С адским грохотом несутся тяжелые колесницы, запряженные чудовищами. В колесницах восседают боги, еще неизвестные Пирифою. Все они в полном вооружении, и все куда-то спешат. С гулом и рокотом появляются они из мрачных недр Тартара и исчезают вдаль, откуда доносятся громовые раскаты... Пирифою показалось, что среди богов мелькнуло озабоченное лицо Гадеса.

Он сидел на пышной колеснице и горячо спорил с каким-то мрачным богом, доселе неизвестным для героя.

С горькой усмешкой промчалась мимо него Персефона...

Но вот боги исчезли, и вокруг Пирифоя воцарилась прежняя тишина, прерываемая лишь вздохами испуганных призраков. Но тишина тянулась недолго. Снова вдаль пронеслись громовые раскаты. Почва со-

дрогалась и стонала. Содрогался и гранитный утес, на котором сидел Пирифой.

Удары грома становились все слышнее и ужасней. «Битва титанов!» — донеслось до слуха героя из уст какой-то тени. Но он не успел разглядеть говорившего, ибо внезапно грянул удар, от которого содрогнулся весь Тартар и яркий луч света прорезал тьму. Свет на мгновение ослепил Пирифоя, и он не видел, а только слышал, как мимо него проносились разбитые силы гениев и адских богов. Герой слышал, как чей-то знакомый голос крикнул ему: «Прощай, Пирифой!» — но не мог разобрать, кто послал ему последний привет: кроткая ли Гипподамия или гордая Персефона. Туда, откуда лился свет, спешили густые толпы теней, крича на разных языках привет своему Избавителю. Крики сливались в общий радостный хор, ласкающий слух и убаюкивающий... Пирифой улыбался во сне...

Наконец показался Избавитель в белых блестящих одеждах. От лица Его исходил свет, на челе были видны следы крови...

— Таммузи! Озирис! Мифра!.. — гремело ему навстречу...

И улетали освобожденные тени... Тартар пустел.

Значит, Пирифой снова останется один? Нет! Этого не может быть. Избавитель идет к нему, останавливается, что-то говорит... Ах, что он говорит?

— Иди и кончи свой путь, — звучат последние слова Избавителя...

Пирифой чувствует отрадное прикосновение чьей-то легкой десницы к своей голове.

.

Он вздрогнул и проснулся.....

.

Кругом какие-то скалы. Внизу журчит вода. Он в полутемной пещере. Сверху, из широкой расселины, льется благодатный луч света. Цепей на нем больше нет... Пирифой попробовал встать — и встал. Он еще раз огляделся. Вокруг ни души!

Где же роща Персефоны, где асфодиловый луг, на котором паслись

стада Гадеса; тропинка, ведущая к Ахеронову озеру, где все это?.. Со всех сторон его окружают одни только нависшие глыбы серого камня. Пирифой крикнул, и дико прогремел его голос, не нашедший себе отклика.

Оставалось только уйти. Это было нетрудно. Каких-нибудь пять полетов стрелы отделяло его от земной поверхности... Он то шел, то карабкался кверху, нисколько не страшась свалиться с карниза. Ад был ему уже не страшен с тех пор, как он столько времени пробыл в нем... Но странное чувство одиночества и равнодушия овладевало героем по мере того, как он вдыхал более теплый, напоенный ароматами воздух...

Солнце, лучезарное солнце!.. Пирифой был уже снова под открытым небом и как-то странно озирался по сторонам. Он сидел на лужайке, поросшей свежей мягкой зеленью. До ушей его долетал немолчный плеск морского прибоя. Птицы пели и носились в воздухе. Над яркими, душистыми цветами гудели шмели и порхали беззаботные бабочки. Небо было синее-синее, точь-в-точь такое же, как в день свадьбы с Гипподамией. Мысль о жене пронеслась в голове Пирифоя и заставила болезненно сжаться сердце героя. «Гипподамия, где ты?» — со стоном вырвалось у него из груди...

Сын Иксиона побрел вдоль берега многошумного моря. Волны были мутны, словно после страшной бури, хотя небо было чисто и безоблачно.

Герой все чаще и чаще натыкался на следы недавнего землетрясения. Вот обвалившаяся хижина. Кругом толпятся блеющие козы. Подойдя ближе, Пирифой увидел убитого обломком скалы пастуха, одетого в баранью шкуру. Неподалеку валялся плащ мертвеца, который герой надел на себя. У самого входа в лачугу лежали два хлеба и несколько кругов сыра. Ими он утолил начинавшийся голод. Козы охотно дали себя подоить...

С длинным посохом в руке шел Пирифой по Элладе; шел он к Фракии, куда манило его воспоминание о Гипподамии. Как изменилась его родная страна; какие большие города на ней выросли, какие дороги! Не было больше чудовищ, пожирающих людей. Но вместе с ними исчезли герои и боги...

Даже пастухи, удивлявшиеся выговору Пирифоя, смеялись над ним, когда он расспрашивал про кентавров. Простые люди считали его по-

мешавшимся в рассудке во время последнего землетрясения. Они охотно давали путнику приют и делились с ним своей неприхотливой пищей.

Шел он, обходя города, шум которых был ему неприятен, избегая больших дорог, на которых то и дело встречались отряды людей, закованных в панцири и говорящих на неизвестном языке. Неведомая сила тянула его на родину.

Но и родина обманула его ожидания. Реки обмелели. Ручьи и источники иссякли. Вместо них журчали новые. Леса были вырублены чуждыми дровосеками. Нимфы и сатиры покинули Элладу. Некоторые люди говорили, что их никогда и не было...

Царь лапифов не узнал своей родимой земли.

Полный горькой тоски, пошел он к берегу моря, приветливо ласкавшего скалы. Правда, берег несколько изменил свои очертания, но море осталось то же. По-прежнему шумело оно, темно-синее, загибая белые гребни. По-прежнему над ними носились крикливые чайки, купаясь в прозрачном воздухе и серебристой пене волны. И немолчный ропот его был таким же, как и много сотен лет назад, когда на земле бродили еще чудовища и Эллада не знала пришельцев...

И Пирифой привязался к морю. Целые дни просиживал герой на его берегу, вспоминая свою Гипподамию, кентавров, Тезея, Геракла и иных героев, которых ему приходилось видеть и знать. Губы его шептали порой отрывистые, непонятные для слушателей слова.

Приморские жители из сострадания кормили безумца, который называл себя их царем. Некоторые суеверные люди приходили даже к нему погадать и, присев невдалеке в то время, как он разговаривал сам с собой, делали из его слов нужные для себя заключения.

Маленькие дети сначала боялись его, но видя, что он их не трогает, привыкли к Пирифою и даже полюбили его. Им он рассказывал о диких кентаврах, о нимфах, живущих в прохладных источниках, о фавнах и сатирах, которые так любят шутить с прохожими; про диких зверей и чудовищ, некогда водившихся в этой стране.

И дети слушали его... Правда, становясь старше, они забывали его сказки. Но на смену им появлялись новые дети. Новые глазенки жадно следили за Пирифоем во время его рассказов, то слезливо моргая, когда дракон преследовал несчастную Латону, то радостно разгораясь, когда Аполлон своей меткой стрелой убивал злого Пифона...

БИБЛИОГРАФИЯ

В книге собраны рассказы русского поэта, писателя, критика и мифотворца А. А. Кондратьева (1876-1967), публиковавшиеся в периодических изданиях и авторских сборниках.

Ехидна // Русская мысль, 1913, № 10.

Иксион (Древнегреческий миф) // Альманах Гриф. – М., 1904.

Филин Персефоны // Огонек, 1914, № 26.

Эрот в западне // Огонек, 1913, № 51. Илл. С. Лодыгина.

Древнее предание // Альманах Гриф 1903-1913. – М., 1914.

Цирцея: Реставрация мифа // Русская мысль, 1916, № 2.

Дафнис // Огонек, 1914, № 30. Илл. С. Плошинского.

Шепот Пана // Русская мысль, 1912, № 9.

Голова Медузы // Русская мысль, 1911, № 3.

Рассказы из сборника «Белый козел: Мифологические рассказы» (СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908) публикуются по изданию: Кондратьев А. Сны (СПб: Северо-Запад, 1993). Илл. Т. Кейн.

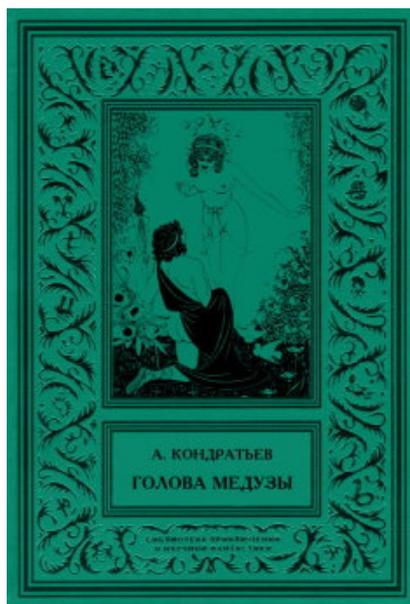
Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ И
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Выпуск 15

Александр Алексеевич Кондратьев

ГОЛОВА МЕДУЗЫ

Любое коммерческое использование издания запрещается.